

Издается при содействии Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов.

Геополитический журнал

Номер свидетельства

ПИ № ФС 77 - 56382

Наименование СМИ

Геополитический журнал

Форма распространения

печатное СМИ журнал

Территория распространения

Российская Федерация,
зарубежные страны

Адрес редакции

105062, г. Москва,
Подсосенский пер., д. 26, стр. 3

Языки

русский, английский

Редакционный совет журнала:

Шутов А. Д. – председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Бажанов Е. П. – заслуженный деятель
науки РФ, доктор исторических
наук, профессор

Гарбузов В. Н. – доктор исторических
наук, профессор

Громыко А. А. – доктор политических
наук, профессор

Ивашов Л. Г. – доктор исторических
наук, профессор

Карпович О. Г. – доктор
политических наук, доктор
юридических наук, профессор

Манойло А. В. – доктор политических
наук

Пономарева Е. Г. – доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю. – доктор
политических наук

Орлов Е. Э. – ответственный
редактор

*Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного разре-
шения авторов статей или редакции
преследуется по закону*

СОДЕРЖАНИЕ

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Манойло А. В.

Цветные революции и проблемы демонтажа
политических режимов в условиях хаотизации
международных отношений 2

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Бочарников И. В.

Тактика «выжженной земли» на Донбассе 13

Жильцов С. С.

Украина: изменение политического ландшафта 19

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

Филиппов В. Р.

Де Голль у колыбели «Франсафрик» 31

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Китинов Б. У.

Цивилизационные ограничения демократии:
para bellum? 45

Шитова Е.

«Демократии с прилагательными» в политоло-
гическом дискурсе: место Латинской Америки и
Постсоветского пространства на теоретической
карте мира 54

ДИПЛОМАТИЯ

Виноградова Е. А.

Общественная дипломатия стран АЛБА
в сирийском кризисе 65

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Бессонов Б. Н.

«Придет же он, наконец этот день, настоящий
день» (Н.А. Добролюбов) 71

МЯГКАЯ СИЛА

Тетерюк А. С.

Кинематограф как инструмент «мягкой силы».
Китайский казус 84

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОНТАЖА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ ХАОТИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Манойло А. В.

*Профессор кафедры российской политики
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
член Научного совета при Совете Безопасности РФ,
доктор политических наук*

Настоящая статья посвящена анализу проблем, связанных с демонтажем политических режимов в современных государствах (как авторитарного, так и демократического типа) и ролью в этом процессе технологий цветных революций. Проблемы демонтажа политических режимов и связанная с ними проблематика цветных революций в современных условиях приобретают чрезвычайную остроту и актуальность. Связано это не только с тем, что события на Украине при детальном рассмотрении в точности повторяют сценарий цветных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке, получивших название «арабской весны», в частности — революции в Египте, что указывает на неслучайность данных событий. Причина в том, что на смену традиционным, привычным для мирового сообщества инструментам демонтажа приходит новое поколение более тонких инструментов, сочетающих силовые методы воздействия с технологиями манипулятивного управления массовым сознанием и массовым поведением широких масс гражданского населения.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, безопасность, политический режим, цветные революции, демонтаж политических режимов, международный конфликт, США, Украина, технологии цветных революций, национальные интересы, ценности.

COLOR REVOLUTIONS AND PROBLEMS DISMANTLING OF POLITICAL REGIMES IN A CHANGING WORLD

Manoylo A. V.

*Professor of the Department of Russian politics Department of Political Science MSU Lomonosov,
member of the Scientific Council of the Security Council of the Russian Federation,
Doctor of Political Sciences*

This article analyzes the problems associated with the dismantling of the political regimes in modern states (both authoritarian and democratic type) and the role of technology in the process of color revolutions. Problems dismantling of political regimes and the associated problems of color revolutions in modern conditions become extreme urgency and relevance. This is due not only to the fact that the events in Ukraine closer examination repeat exactly the scenario the color revolutions in North Africa and the Middle East, known as the "arab spring", in particular — the revolution in Egypt, indicating that the non-randomness of these events. The reason is that instead of the traditional, familiar to the world community tools dismantling comes a new generation of more delicate instruments that combine power with methods of exposure control technologies manipulative mass consciousness and mass behavior of the masses of civilians.

Keywords: international relations, foreign policy, security, political regime, color revolutions, the dismantling of political regimes, international conflict, U.S.A., Ukraine, technology colored revolutions, national interests and values.

В мировой истории проблемы, связанные с демонтажем политических режимов, возникали всегда. Но прежде инструментами этого демонтажа выступали в основном силовые методы в их классическом понимании, применявшиеся в ходе вооруженных переворотов, локальных вооруженных конфликтов, гражданских войн и военных интервенций. И мировое сообщество сумело выработать действенные методы противодействия этой угрозе и создать эффективные механизмы политического регулирования этих процессов, в том числе на международном уровне: кто бы и как бы ни критиковал ООН, эта организация действует, и ее потенциал и возможности по управлению политической стабильностью и урегулированию международных конфликтов даже в условиях распада Вестфальской системы далеко не исчерпаны. Острота проблемы, связанная с угрозой вооруженных переворотов в различных странах мира, не перестает быть актуальной и не снимается с повестки дня, но в целом для мирового сообщества эта категория угроз является знакомой, и мировое сообщество знает, как на нее реагировать.

Вместе с тем, сегодня мир меняется, и на смену технологиям вооруженных переворотов приходят более тонкие технологии цветных революций, которые умело маскируются под истинные революционные движения и практически не встречают сопротивления со стороны как стран с вполне уже сложившейся демократией, так и государств восточного типа, сохранивших традиционный жизненный уклад. Повторение сценария цветных революций на Украине вызывает обоснованную тревогу, поскольку возникает и крепнет уверенность в том, что Украина — далеко не конечный пункт этого сценария, а разменная карта в той геополитической игре, в которой главный удар американских режиссеров цветных революций может быть направлен на Россию, Китай и Казахстан.

Причины возросшего внимания к цветным революциям кроются в том, что в течение последних трех лет в целом ряде государств, с вполне устойчивыми политическими режимами, произошли государственные перевороты, приведшие к полному или частичному демонтажу политических режимов, долгие годы успешно сопротивлявшихся внешним и внутренним врагам: так, египетский, тунисский, сирийский и ливийский режимы успешно противостояли исламизму.

При этом в сценариях смены политических режимов в этих странах наблюдается поразительное сходство, в котором можно усмотреть многократное повторение одного и того же шаблона или организационной схемы, в которой угадываются общие черты так называемых бархатных революций, уничтоживших коммунистические режимы в странах восточной Европы после распада СССР.

Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, поскольку вероятность точного совпадения сценариев смены политических режимов в странах, заметно различающихся и по уровню политической организации власти, и по уровню социально-экономического развития, и по спектру нерешенных проблем, сравнительно (если не сказать ничтожно) мала.

В этом плане Сирия и Ливия кардинально отличаются от Украины и Грузии, однако, несложно отметить, что революция 2014 года на Украине (получившая название евромайдана) в точности совпадает со сценарием революции арабской весны в Египте, вплоть до стиля поведения противоборствующих сторон.

Все это может свидетельствовать о том, что на примере различных стран и регионов мы имеем дело с одним и тем же явлением — результатом применения технологий цветных революций. Однако, несмотря на яркое брендовое название, ничего революционного в них нет.

Даже западные СМИ сегодня отмечают, что цветные революции, которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов [Кара-Мурза, 2005].

В связи с этим стоит более подробно остановиться на самом определении цветной революции и связанном с ним терминологическим рядом.

Цветные революции — это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежное протестное движение.

Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении), все они укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения.

Цель любой цветной революции — осуществление государственного переворота, то есть захват и удержание власти насильственным путем.

Объектом цветной революции выступают власть и властные отношения, предметом — политический режим.

У цветных революций есть необходимое и достаточное условия их успешной реализации.

Необходимое условие осуществления цветной революции — наличие политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Если политическая ситуация в стране стабильна, ее нужно искусственно дестабилизировать.

Достаточное условие — наличие специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения.

Отличительные черты цветных революций:

- В цветных революциях воздействие на власть осуществляется в особой форме — форме политического шантажа.
- Основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения — в отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

В основе технологического сценария цветной революции лежит англосаксонская (североамериканская) идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны [Hale, 2006]. Технологии цветных революций на практике умеют применять только их авторы и разработчики — англосаксы. В любой стране, где начала разворачиваться цветная революция, следует искать североамериканский след.

В основе объяснения причин цветных революций лежат две версии: версия о

стихийности и версия об инсценированности цветных революций (о случайности и неслучайности). Обе версии имеют право на существование и не являются бесспорными.

Сторонники стихийности цветных революций настаивают на том, что причиной революций являются объективные социальные противоречия, которые находят свое проявление в формах народных бунтов и массового протеста «угнетенного» населения. В качестве таких причин называют нищету, усталость от режимов, тягу к демократическим переменам, демографическую ситуацию. Между тем, при детальном рассмотрении социально-политической ситуации в практически любой стране, в которой произошла цветная революция, нередко выясняется, что существующие в ней противоречия и социальные разрывы, хотя и стали катализатором последующих событий, но не были их основной и единственной причиной. Так, в Египте до цветной революции существовали так называемые дотации на лепешки, обеспечивающие доступность основного продукта — хлебных лепешек — для беднейших слоев населения, а в трущобах Каира на крыше каждой хижины можно увидеть тарелку спутникового телевидения; в Ливии граждане страны получали природную ренту (и массу других выплат), которая была настолько велика, что население совсем перестало работать и возложило обязанность трудиться на приезжих гастарбайтеров из того же Египта и др. африканских стран; уровень жизни в Тунисе — самом демократическом из всех авторитарных стран Африки — вплотную приближался к Южной Франции (Провансу и Лангедоку), а Южную Италию даже превосходил; одной из причин всплеска протестных движений в Сирии стало то, что Асад решил (без какого-либо давления) смягчить авторитарность режима и начал проводить либеральные преобразования, которы-

ми тут же воспользовались исламисты и их покровители из США, и т.д.

Сторонники инсценированности цветных революций указывают на многократную повторяемость сценария (демократического шаблона) этих революций в различных странах мира, очень сильно различающихся как по особенностям государственного строя, так и по характеру социально-политических проблем. Они утверждают, что все цветные революции сделаны «под копирку», а вероятность повторения одного и того же события по одной и той же схеме в природе ничтожно мала. На основании этих выводов сторонники инсценированности цветных революций указывают на ряд признаков, по которым в любом внешне стихийном народном бунте можно установить цветную революцию.

У каждой цветной революции есть свои признаки, которые выдают в ней технологию.

Во-первых, это особый внешнеполитический почерк англосаксов, их отличительный стиль работы.

Во-вторых, это строгое соответствие плана любой революции базовому шаблону (или сценарию) — все цветные революции развиваются по одному и тому же сценарию, использующего одну шаблонную схему.

В-третьих, это то, каким образом организуется и как используется молодежное протестное движение, которым управляют с помощью технологий рефлексивного управления (которые также являются американским изобретением).

В-четвертых, есть определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров.

В-пятых, в некоторых цветных революциях начисто отсутствует революционная идеология, что позволяет распознать в них подделку. Связано это с тем, что американцы — авторы цветных революций — не всегда понимают менталитет и психологию народа, которым

они хотят принести «ценности истинной демократии», и не могут предложить им идеологию, которая будет органично принята всеми слоями общества.

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы», понимаемой в том ракурсе, который дал для этого термина Дж. Най [Nye Joseph S. Jr., 2004]. Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это несилловые технологии смены политических режимов), не совсем точен и часто вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. На наш взгляд, трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом: цветные революции или локальные вооруженные конфликты, и современный Ближний Восток, погруженный цветными революциями в «управляемый» хаос, является полным тому подтверждением. Все же, представляется довольно очевидным, что современные цветные революции по своей природе — это не форма проявления «мягкой силы». Цветные революции — это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции.

Цветные революции — не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократическо-

го устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций.

Отдельное внимание заслуживают вопросы, связанные с опасностью перерастания цветной революции в гражданскую войну или международный конфликт, протекающий в фазе вооруженного противостояния. Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Военная сила для цветных революций не является основным инструментом, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Тем не менее, нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе цветной революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и — реже — физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии, и возможно будет в Сирии.

Модель цветной революции состоит из пяти основных этапов, или фаз:

1. Любая цветная революция начинается с формирования в стране организованного протестного движения — основной движущей силы будущей цветной революции.

На первоначальном этапе, до открытого выступления, протестное движение формируется в виде сети, состоящей из конспиративных ячеек, каждая из которых состоит из лидера и трех-четырёх состоящих у него на связи активистов. Такие сети объединяют тысячи активистов, составляющих ядро будущего протестного движения. Многие из них перед тем, как стать лидерами ячеек, проходят обучение в специальных центрах, специализирующихся на вопросах содействия демократизации.

Рекрутируют активистов из молодежной среды, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами.

Сетевой принцип организации протестного движения напоминает принцип организации глобальных террористических сетей — по сути, это одна организационная технология.

2. Из подполья эта сеть выходит на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу, который носит название инцидента. Таким инцидентом может стать любое событие, шокирующее общество и получившее мощный общественный резонанс. Как правило, его инициируют специально.

В революциях в Сербии (бульдозерная революция 2000), на Украине (2004) и в Грузии (2004) таким инцидентом стали результаты выборов, которые были объявлены сфальсифицированными. Революция в Тунисе (2010) — стране с авторитарным режимом — началась с самосожжения торговца на одной из центральных площадей столицы: событие, само по себе, ничтожное в масштабах страны.

Очень важно, чтобы инцидент привлёк внимание всего общества и стал

предметом широкого обсуждения, интерпретации, нарастания всеобщего возбуждения и инициирования стихийных форм массового поведения.

3. После того, как инцидент произошёл, протестная сеть выходит из подполья на улицы, где группы активистов из ячеек становятся катализатором стихийных массовых процессов, вовлекающих в этот процесс все большие слои населения.

Включаются механизмы конфликтной мобилизации, одним из которых являются «твиттерные революции» — вовлечение через социальные сети.

Ячейки начинают быстро обрывать гражданами, вовлекаемыми в стихийное протестное движение, принять участие в котором их толкает в основном страх за свое будущее. Общая тревожность настроений ведет к тому, что сознание людей переходит в так называемое пограничное состояние и становится подверженным массовым паническим реакциям, всеобщей истерии, часто проявляющихся на уровне рефлексов и инстинктов. С этого момента остается только один шаг от превращения протестных масс из сообщества протестующих в толпу.

4. Следующий шаг в схеме цветной революции — формирование политической толпы. Для этого выбирается достаточно большая площадь (майdan), где могли бы разместиться значительные массы народа.

Активисты ведут свой протестный электорат на такой майdan, где в ходе многочасового митинга происходит полное слияние участников в единую массу, известную в психологии как толпа. Происходит полное эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации свой-чужой начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В этих условиях на толпу воздействуют с помощью технологий воздействия на подсознание, внедряя новые ценно-

сти и императивы, перепрограммируя человека. Именно такие технологии применяются в протестантских тоталитарных сектах.

Создаются условия для поддержания устойчивого существования и функционирования толпы — материальное обеспечение, палатки, горячее питание, одежда, деньги активистам, средства нападения (арматура, ...) и т.д. Действует хорошо организованная «служба тыла».

5. От имени толпы к власти выдвигаются ультимативные требования, под угрозой массовых беспорядков и — реже — физического уничтожения. В том случае, если власть не выдерживает этого напора, стихия ее сметает. Если власть принимает вызов и выражает готовность сопротивляться, толпа становится основным таранным фактором удара, который наносят по власти авторы цветной революции. В дальнейшем такая революция неизбежно перерастает в мятеж, а в некоторых случаях — в гражданскую войну, сопровождающуюся военной интервенцией.

Эволюция организационных схем и шаблонов цветных революций довольно хорошо прослеживается на примере революций арабской весны. Так, в революциях арабской весны есть свои особенности, отличающие их структурно и технологически от своих предшественников — цветных революций в Центральной Азии, Украине, Грузии и даже от т.н. «зеленой революции» в Иране 2009 года: к классической схеме реализации цветной революции (то есть государственного переворота) здесь добавлены механизмы обратной связи (итерационный механизм, хорошо известный математикам) и «управляемого хаоса», позволяющие управлять политической нестабильностью не только в рамках отдельно взятой, сравнительно небольшой страны (такой как Украина или Грузия), но и в масштабах целого региона (Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии и т.д.).

Механизм обратной связи — это специальный механизм коррекции, позволяющий в режиме реального времени выявлять и оперативно устранять недочеты в реализации схем цветных революций, модифицируя их под конкретные условия конкретной социокультурной среды. Именно такой механизм был впервые отработан в революциях Арабской весны, в которых государственные перевороты в странах, ставших жертвами волны «принудительной демократизации», осуществлялись не одновременно, а последовательно, по цепочке; причем в каждой последующей схеме реализации цветной революции учитывались ошибки, допущенные при реализации предыдущей схемы. Внедрение в технологические схемы цветных революций механизмов обратной связи, основанных на итерационных схемах, — это прямой результат их эволюционного развития, позволяющий погружать в революционные процессы уже не отдельные страны, а целые регионы.

Механизм «управляемого хаоса» — это еще один эволюционный прорыв в технологиях цветных революций, который позволяет применять «демократические схемы и шаблоны», разработанные изначально для общества западного (индивидуалистического) типа, в условиях традиционных восточных обществ, в своем исходном виде невосприимчивых к пропаганде демократических и либеральных ценностей. Для того чтобы западные, англосаксонские, технологии цветных революций заработали в такого рода социально-культурной среде, необходимо предварительно разрушить традиционную структуру общественного уклада, что и делают (и весьма успешно) технологии «управляемого хаоса». Основная цель применения этих технологий — подготовить традиционное общество к применению технологий управления массовым политическим сознанием и массовым политическим поведением, что достигается

с помощью его «атомизации», разрыва связей между отдельными личностями и общиной, внедрения в сознание граждан суррогатного индивидуализма западного типа.

Современные события на Украине (2013-14 гг.) также имеют отношение к цветным революциям — они в точности повторяют египетский сценарий; следовательно, можно ожидать, что цветная революция на Украине также открывает дорогу к иностранной интервенции, как это было в Ливии и, возможно, будет в Сирии.

В событиях на Украине угадываются признаки, хорошо знакомые по цветным революциям в СНГ, в Грузии, в Центральной Азии, в «оранжевом» безумии, охватившем Украину в 2000-х гг., а также в недавних революциях «арабской весны».

Сравнивая украинскую цветную революцию 2.0 с недавними событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, нельзя не отметить, что сценарий украинской революции 2014 года в точности повторяет революцию в Египте, в ходе которой был уничтожен режим Х. Мубарака, а сам египетский президент смещен со своей должности и заключен в тюрьму. Совпадений слишком много:

- это и характер народных волнений, переросших в массовые беспорядки, которые выдавались за стихийные, но на самом деле таковыми не являлись;
- и хорошо организованное протестное движение, подкрепленное военизированными формированиями боевиков — украинских националистов, переброшенных в Киев из западных областей Украины, где они все эти годы тренировали свое боевое умение в специальных лагерях, изучая тактику сопротивления спецформированиям МВД и СБУ, а также тактику войны в городских условиях;
- блокада органов власти, захват стратегических и жизненно важных объектов столичной инфраструктуры;

- использование механизмов конфликтной мобилизации населения, вовлечение его в конфликт на стороне «представителей восставшего народа», разжигание ненависти к правящему режиму, широкая идеологическая обработка попавших под влияние радикалов;

- масштабная информационная война;
- грамотно организованное снабжение восставших всем необходимым для продолжения борьбы, включая спецсредства, одежду, питание, финансовые средства, идущие на оплату услуг наемников и провокаторов.

Этим сходства египетской и украинской революции не исчерпываются: и в том и в другом случае под прикрытием восставшего народа в вооруженную борьбу включаются организованные и хорошо вооруженные отряды мятежников, в Египте — исламисты, на Украине — западные националисты. При этом общественности эта борьба, имеющая все признаки начала гражданской войны, по-прежнему преподносится как «национально-освободительное движение, развернутое восставшим народом против преступного правящего режима».

И в том, и в другом случае «восставшему народу» противостояла слабая, нерешительная и коррумпированная власть, которая боится предпринимать решительные меры, медлит перед лицом выбора, мечется между недавними союзниками, которые в новых условиях стремятся от нее дистанцироваться, делает противоречивые заявления, демонстрируя свою беспомощность и дискредитируя тем самым себе едва ли не более эффективно, чем это пытаются сделать ее противники. Именно так вел себя Мубарак: он до последнего момента верил, что США придут ему на помощь и спасут его от разыгранного ими же спектакля цветной революции, надеялся, что это всего лишь воспитательная мера. Однако его надежды не оправдались, как не оправдались и ожидания Януковича,

что почти европейская Украина — это не дикий Египет, украинцы — не безграмотные арабы, все само собой уладится.

Янукович несколько лет спустя в точности повторил поведение Мубарака: несмотря на явную угрозу со стороны разрастающегося мятежа, который начинался с пустяковых по сути волнений на т.н. майдане, он ничего не сделал для того, чтобы пресечь этот переворот. Вместо того, чтобы жёсткими, но справедливыми мерами навести порядок (так, как это сделал с «васильковой революцией» Лукашенко), Янукович затеял непонятную политическую игру, заигрывая то с Западом (Евросоюзом и США), то с Россией, надеясь на фоне «предназначенной ему великой роли сдерживания хаоса» на Украине получить очередные финансовые транши и от тех, и от других. Эта слабость Януковича и стала причиной того, что сначала он потерял поддержку своего электората, а затем от него отвернулись и сторонники, начавшие стремительно разбегаться или просто перебежать в лагерь противника. В этих критических условиях Янукович все-таки отдал приказ о силовом подавлении майдана, но до конца его выполнить у него не хватило воли: с того момента, как мятежники подтянули на майдан незаконные вооруженные формирования националистов и стали формировать из основной массы протестующих отряды «самообороны», подавление мятежа стало возможным только ценой большой крови. На это Янукович не решился, опасаясь при этом не столько за загубленные жизни, сколько за сохранность своих капиталов и счетов в зарубежных банках, которых его в одночасье могли лишить, признав «международным уголовным преступником». Его заигрывания с Евросоюзом также сыграли фатальную роль: ЕС сначала настаивал на том, чтобы Янукович решительно подавлял беспорядки в столице, восстанавливая законность, а когда он, наконец, начал это делать и пошли первые жертвы, ЕС тут же начал заяв-

лять о несоблюдении прав человека и о геноциде режимом Януковича собственного народа, а также о необходимости срочно пойти на уступки мятежникам и вступить с ними в переговоры. Когда Янукович, следуя этой рекомендации, пошел на переговоры с мятежниками, они сочли это признанием в слабости власти и резко активизировали свои действия, вступив в фазу непримиримой вооруженной борьбы. В результате Янукович и его команда, вместо того, чтобы продолжать борьбу или отвечать за свои действия, просто бежали из Киева.

Различия между Египтом и Украиной на самом деле невелики: в Египте на площади Каира вышли арабы, в Киеве — украинские националисты и просто граждане, недовольные засильем донецкого клана. И в том, и в другом случае катализатором цветной революции стала «усталость от власти» — от режима Мубарака и от режима Януковича. К этому и пытаются апеллировать националисты, забывая о той очевидной аналогии, которая прослеживается между украинскими и египетскими сценариями. В аналогичных революциях в Сирии и Ливии против правящего режима выступили исламисты, с которыми эти режимы на протяжении десятилетий вели непримиримую борьбу; на Украине в составе националистов много католиков, грекокатоликов и адептов многочисленных протестантских сект, в основном носящих тоталитарный характер и проповедующих экстремизм. И в том, и в другом случае успех переворота стал возможным только благодаря слабости и бесконечным колебаниям правящего режима, первоначально чрезвычайно самоуверенного, а затем быстро павшего духом и самим своим примером давшего сигнал своим сторонникам «спасаться, кто как может». В Египте после переворота к власти пришли умеренные исламисты, на Украине власть захватили крайние националисты, что примерно одно и то же.

В течение всего времени, пока по Северной Африке и Ближнему Востоку неслось цунами цветных революций Арабской весны и внимание мировой общественности было приковано к трагедии Ливии и Сирии, в России не переставали спорить, куда повернет эта волна цветных революций, когда будет сметен последний бастион — режим Башара Асада. То, что новые технологии реализации цветных революций, основанные на управляемом хаосе, пройдя обкатку на арабском Востоке, этим самым Востоком не ограничатся — это было для всех более-менее очевидно. Возник вопрос: для какой же страны готовится эта мясорубка? Для Ирана, где в 2009-м году почти достигла своей цели т.н. «зеленая революция»?

В качестве следующих целей цветных революций назывались государства Центральной Азии, где предыдущая модель цветных революций не смогла обеспечить стабильности марионеточных режимов, пришедших на волне цветной революции к власти; вспоминали про Беларусь, которая своей партизанщиной давно уже является сильным раздражителем для всего Запада, чем-то напоминающая режим Каддафи; кое-кто упоминал Китай. Вместе с тем, волна цветных революций не продолжила форматировать мусульманский Восток, а неожиданно проявилась на Украине — непосредственно у границ России. Отсюда следует очевидный вывод: цель новой волны цветных революций — не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность.

России, опираясь на украинский опыт, необходимо готовиться к тому, что она станет следующей в перечне мишеней англосаксонских цветных революций, обкатанных как в условиях традиционных обществ восточного типа, так и в условиях сверхцентрализованного государства, построенного по принципу «вертикали власти» и не имеющего подушки безопасности в виде граждан-

ского общества. Стране необходима государственная концепция по противодействию цветным революциям, как в России, так и в целом на пространстве СНГ, подкрепленная дорожной картой ее реализации. Наивно надеяться, что и на этот раз волна цветных революций обойдет Россию стороной — в политике чудес и исключений не бывает. Просто американцы долго искали подходы к России, основываясь на опыте пробной цветной революции — т.н. «революции белых ленточек» — и, наконец, такой подход нашли. Украина — это не что иное, как последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

Существует система мер, которая помогает уменьшить риски возникновения цветных революций. Она включает в себя три группы.

Первая группа мер направлена на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения.

Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения — молодежи в возрасте от 18 до 35 лет — в деятельность общественных организаций проправительственной направленности.

Третья группа мер — создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреться» наподобие парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Интересно, что в последних работах западных авторов (в том числе британских и французских) появляются оценки цветных революций, идущие в разрез с навязываемыми Соединенными Штатами представлениями о цветных революциях как инструментах демократизации и формирования демократического мира. Так, некоторые ученые начина-

ют — пока еще довольно осторожно — утверждать, что ни одна из цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке не принесла процветание христианскому миру: напротив, Арабская весна всколыхнула и заставила выйти из глубокого подполья наиболее опасные, экстремистски настроенные силы, представляющие исламизм, с которыми теперь западным странам приходится иметь дело уже на официальном уровне. арабская весна, начавшаяся под лозунгами демократизации арабского Востока, ускорила процесс отступления христианства под натиском радикального ислама, который с началом цветных ре-

волюций, арабской весны многократно усилилась. Арабская весна, сделанная на деньги и с помощью американских и западноевропейских союзников, стала для Западной христианской цивилизации, и без того уже переживающей острый кризис, началом «христианской зимы» [Filiu, 2011]. Западное христианство сдало еще один рубеж обороны. Это заставляет серьезно задуматься о том, какую роль сегодня на самом деле играют цветные революции в мировой политике и в формировании нового миропорядка, и каким он будет, этот новый миропорядок, если волну цветных революций вовремя не остановить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кара-Мурза С. Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко... М. 2005.
2. Filiu J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising. / London: Hurst & Co. 2011. 195 p.
3. Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism. // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol 39. № 3. pp. 305-329.
4. Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

ТАКТИКА «ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ» НА ДОНБАССЕ

Бочарников И. В.

Руководитель Научно-исследовательского центра

проблем национальной безопасности,

доктор политических наук,

Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

В статье представлен анализ содержания, специфики и причин карательной операции на территории Донбасса, состава ее участников, а также способов и методов проведения, сущность тактики «выжженной земли», реализуемой в ходе нее органами государственной власти против жителей Донбасса. Проводится аналогия с событиями оккупации Донбасса в Великой Отечественной войне. Раскрываются причины поддержки США органами власти на Украине, осуществляющих карательную операцию, роль и место в конфликте наемников и частных военных компаний.

Через 70 лет после победы над фашизмом на землю Донбасса вновь вернулась война. Причем вернулась фактически с теми же декларированными «цивилизаторскими евроценностями» и очевидно преемниками осужденных Нюрнбергским трибуналом лидеров нацистской Германии.

Ключевые слова: протесты на Донбассе, карательная операция, нарушения прав человека, гуманитарная катастрофа, незаконные вооруженные формирования, частные военные компании, сланцевый газ.

The article presents an analysis of the content, specificity and causes punitive operations within the Donbass, the composition of its members, as well as the methods and techniques of the essence of 'scorched earth', implemented during her state authorities against the people of Donbass. An analogy with the events of Donbass occupation in World War II. The reasons of the U.S. support of the authorities in Ukraine, offering a punitive operation and role in the conflict of mercenaries and private military companies.

Keywords: protests in Donbass, punitive operation, human rights violations, humanitarian catastrophe, illegal armed groups, private military companies, shale gas.

Сама по себе характеристика жителей Донбасса как «subhumans» (недолюдики, по-немецки это звучало в свое время как *untermenschen*) и.о. премьер-министром Украины А. Яценюком, не говоря уже о пассажирах оголтелой националистки И. Фарион, а также заявлениях других лидеров новой киевской власти, в том числе и самого П. Порошенко (именно ему, например, принадлежит авторство фразы «гнида православная»), сожжение заживо антимайдановских активистов в Доме Профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года, вакханалия у стен российских дипломатических миссий в Киеве и им подобные бесчинства в других

городах Украины — все это свидетельствует о том, какие персонажи находятся у власти в этой стране и, безусловно, позволяет провести аналогию с оккупацией ее территории в ходе Великой Отечественной войны.

Аналогию с событиями тех лет позволяет провести и гуманитарная катастрофа, которая сложилась на Донбассе к настоящему времени в результате проведения так называемой «АТО» (антитеррористической операции). Причем авторов самой аббревиатуры — «АТО» — несколько не смущает тот факт, что за все это время на территории ни Украины, ни Донбасса не произошло ни одного терак-

та. Напротив, 22 июня 2014 года произошел подрыв железнодорожного полотна под проходившим поездом, принадлежавшим российской компании РЖД, в районе удаленном от боевых действий, что позволяет с большим основанием предположить о причастности к нему антироссийских сторонников новой киевской власти. Так кто же тогда в действительности террористы?

Впрочем, и здесь очевидна аналогия, поскольку немецкие оккупационные власти на Украине времен Великой Отечественной войны, осуществлявшие геноцид ее населения точно так же партизан, да и других ее жителей называли бандитами и террористами. Очевидно, что ничего нового ответственные за пиар-кампанию подавления протестов на территории Донбасса не придумали.

Подобная подмена понятий вполне укладывается в логику информационного зомбирования собственного населения с целью оправдания в его глазах, как массовые убийства жителей Донбасса, так и грузов «200», все в большем количестве поступающих в Центральную и Западную Украину.

Сама же операция, ее ход и результаты являются, по сути, карательными и именно таковой она должна быть признана, в том числе и на международном уровне. Идет планомерная зачистка территории Донбасса, уничтожение как гражданского населения, так и инфраструктуры, обеспечивающей его жизнедеятельность и превращение его в территорию непригодной для жизни. Вот это, конечно, является новым в мировой практике, поскольку осуществляет это власть, претендующая на признание себя в качестве легитимной, в том числе и тем населением, которое оно же и уничтожает.

В этом плане заслуживают внимания слова одного из лидеров антивоенного движения «Киев против войны» о том, что новой власти нужны не 46 млн. граждан, а 20 млн. рабов. И это вполне укладывается в логику розенбергов-

ской идеологии сокращения славянского населения¹. Очевидно, именно это и осуществляется в рамках проводимой в Киеве операции против Донбасса: количество погибших превысило сотни человек, беженцев же уже более 500 тысяч.

Новой является и тактика проведения карательной операции. Если в годы войны контрпартизанские действия предполагали наступательные операции и взятие под контроль населенных пунктов и регионов, то в настоящее время на вооружение руководителями карательной операции в Донбассе взята американская тактика «выжженной земли». Суть этой тактики заключается в том, чтобы, не вступая в открытое противостояние, планомерно уничтожать противника на расстоянии. Только американцы это делали, делают и будут делать с помощью крылатых ракет, самолетов-невидимок и беспилотников, а киевские власти — посредством авиаударов, артиллерийских и минометных обстрелов жилых массивов и потоков беженцев, разрушения электроподстанций, водоводов и т.д.

Отличием является также и то, что для американцев принципиально важным является минимизация своих потерь, поскольку гибель американских военнослужащих чревата общественным резонансом в самих США и, соответственно, снижением рейтинга действующей администрации. Для киевских же властей такой проблемы не существует. Им абсолютно все равно, как будут восприняты общественным мнением жертвы как среди военнослужащих, так и среди мирного населения. Главным является четкое выполнение рекомендаций американских партнеров и реализуется это любой ценой — ценой сотен жизней военнослужащих украинской армии и мирного населения в Донбассе.

Наиболее значимой проблемой для руководства карательной операцией является ограниченность ресурсов для проведения тактики «выжженной земли». Понятно, что ни крылатых ракет, ни са-

молетов-невидимок, ни беспилотников у киевских властей нет. Но самое главное, нет у них доверия к собственной армии. Поэтому состав участников карательной операции в Донбассе чрезвычайно разнороден.

Прежде всего, это, конечно же, части и подразделения ВСУ (вооруженных сил Украины), выполняющие в карательной операции роль штрафбатов. Укомплектованные за счет солдат срочной службы и резервистов, призванных и мобилизованных в основном с территорий юго-востока Украины, эти части и подразделения априори не могут эффективно осуществлять карательные акции в отношении жителей Донбасса. Напротив, едва ли не повседневной реальностью стали случаи отказа от участия в проведении карательных акций, дезертирства и даже перехода военнослужащих на сторону ополченцев. Для пресечения подобного рода действий в отношении военнослужащих, заподозренных в нелояльности новым киевским властям, применяются жесточайшие репрессии, вплоть до их уничтожения, как это было с военнослужащими ВСУ под Волновихой вблизи с. Благодатное.

Наряду с регулярными войсками в карательной операции принимают участие и такие экзотические формирования как батальоны «Днепр», «Донбасс», «Слобожанщина», «Айдар» и им аналогичные «эскадроны смерти», сформированные олигархом И. Коломойским и одиозным депутатом Верховной Рады О. Ляшко. Главная задача этих частных незаконных вооруженных формирований — заставить солдат и офицеров ВСУ убивать своих бывших сограждан и, таким образом, «повязать их кровью».

Не менее значимой задачей этих «эскадронов смерти» является непосредственно зачистка оккупированных территорий. И в этом плане, своей жестокостью, они вполне компенсируют технологические изъяны карательной операции. События в поселке с симво-

лическим названием Счастье и их развитие наглядно свидетельствует о том, на что способны и на что не способны эти «эскадроны». Зачистивший поселок Счастье от мирных жителей батальон «Айдар», например, в ходе последующего боестолкновения с ополченцами показал свою полнейшую несостоятельность, был разбит и, таким образом, прекратил свое существование. Что вполне закономерно, поскольку каратели и бандиты никогда не были и никогда не будут воинами. Состав этих эскадронов также разнороден и включает в себя как откровенных «неоупистов» — последователей идеологии УПА времен С. Бандеры, так и люмпенизированную массу из числа безработных, а также уголовников, выпущенных из тюрем. С ухудшением экономической ситуации эта люмпенизированная масса, а, следовательно, количество желающих служить в «эскадронах смерти» будет возрастать.

В то же время, как выше было отмечено, их боевой потенциал несуществен, а поэтому особую опасность для ополченцев они не представляют. Напротив, опасность они представляют для новой киевской власти, поскольку эти формирования созданы и финансируются олигархами, в первую очередь днепропетровским губернатором И. Коломойским. Любая же попытка центральных властей ограничить полномочия последнего или сместить его с занимаемой должности неминуемо приведет к конфликту интересов, где эти «эскадроны» будут достаточно весомым аргументом, тем более в условиях деморализации регулярной армии. К тому же, как показывают последние события, они становятся все менее управляемыми, в том числе и своими хозяевами, поэтому не исключено, что в последующем они попросту деградируют до уровня разбойничьих шаек.

Наиболее боеспособными и соответственно активными в боестолкновениях являются формирования иностранных

военных наемников, то есть тех, для кого война давно стала основным промыслом. Именно они, профессионалы войны, играют, как показали события в Мариуполе, определяющую роль при штурме зданий, сооружений, блокпостов и т.д. По мере эскалации вооруженного конфликта на территории Донбасса (а то, что это произойдет, несмотря на попытки перемирия, сомнений не вызывает) их роль будет возрастать. Состав этих наемников чрезвычайно разнороден как по составу и национальной принадлежности, так и по уровню профессиональной подготовки. Часть из них — это представители различного рода правоэкстремистских организаций ряда европейских стран (Польши, Швеции и других стран), которые солидарны с неонацистской идеологией «Правого сектора» и подобных ему организаций Украины. Поэтому их участие в карательной операции в Донбассе обусловлено идеологическими мотивами, хотя и под солидное финансовое обеспечение. То, что в радиозфире во время боевых действий фиксируется английская речь, свидетельствует о том, что в подавлении протестов на Донбассе активно участвуют англоговорящие наемники. Для непосредственной же их подготовки к участию в боевых действиях на территории Литвы, Польши и Западной Украины развернута целая сеть лагерей.

Особую группу наемников представляют сотрудники частных военных компаний. В настоящее время, по данным немецких СМИ, например, в операции, проводимой киевскими властями на Востоке Украины, участвуют порядка 400 элитных солдат известной американской частной военной компании Greystone Limited, зарегистрированной в Барбадосе и входящей в структуру компании Academi².

Специфика вооруженных конфликтов последнего десятилетия свидетельствует о том, что США в рамках проведения своих операций не всегда использу-

ют для этого собственные вооруженные силы, они попросту нанимают для этого частные военные компании. Впервые о них стало широко известно в ходе освещения событий в Ираке 2004 года, когда США активно пользовались услугами компании Blackwater, преобразованной из-за скандальных расстрелов мирных жителей в Ираке в компанию Academi. В последующем ее сотрудники принимали участие в операциях в Афганистане, Сомали и других горячих точках планеты. Действует компания по контрактам правительства США, поэтому едва ли могут быть сомнения в том, что и в Донбассе она также действует по аналогичной схеме.

Это, безусловно, свидетельствует о том, что именно США стоят за спиной и руководства АТО и самого П. Порошенко и фактически именно американские советники, в том числе из данной частной военной компании, определяют ход карательной операции в Донбассе.

Закономерным в этом плане является то, что всякий раз по итогам очередного киевского вояжа какого-либо высокопоставленного американского чиновника (будь то директор ЦРУ Дж. Бреннан, вице-президент США Дж. Байден, заместитель министра обороны Д. Шоле или же всемирно известная В. Нуланд) происходит резкое обострение ситуации в зоне вооруженного противостояния.

Это, в свою очередь, говорит о непосредственной заинтересованности американской стороны в эскалации вооруженного конфликта на территории Донбасса. Оно же (американское руководство) осуществляет как дипломатическое, так и информационное прикрытие проводимой в Донбассе карательной операции. Все попытки постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.Чуркина привлечь Совет Безопасности к урегулированию ситуации в Донбассе, прекращению карательной операции против его жителей из-за позиции американской

стороны (С. Пауэр) не приносят результата. Даже такие очевидные нарушения международного права как применение неконвенционального оружия (фосфорных зажигательных бомб в пригородах Краматорска и Славянска), а также нападение на российское посольство в г. Киеве не получили адекватной оценки из-за блокирования США в СБ ООН соответствующих резолюций, что свидетельствует о том, что именно они прикрывают и будут прикрывать киевский режим, какие бы преступления против собственного народа он ни совершил.

Брифинги же официального представителя Госдепартамента Дж. Псаки, проводимые по принципу «ни дня без лжи», вообще могут войти в историю журналистики как проявление циничного информационного прикрытия массовых нарушений основополагающих норм международного права, в том числе регламентирующих обеспечение безопасности гражданского населения в зонах вооруженного противостояния.

Причиной этого является очевидная заинтересованность администрации США в подавлении протестного движения в Донбассе и, в первую очередь, в районе Славянска и Краматорска, которая обусловлена в значительной мере экономическими интересами. В стремлении выдвинуть Газпром с рынка американцы с начала текущего года ангажируют свои возможности по поставкам в Европу так называемого сланцевого газа. При этом экспортировать его они собираются не только из-за океана, но и с территории Украины. В этой связи Славянск и Краматорск далеко неслучайно оказались в эпицентре боевых действий. Ведь не только в этих городах были свергнуты прокиевские администрации, но именно Славянск и Краматорск подвергаются массированным артобстрелам. Причина столь избирательного подхода руководителей АТО заключается в том, что г. Славянск находится в самом центре Юзовского месторождения сланцевого

газа. Бассейн имеет огромные размеры и охватывает территории Донецкой и Харьковской областей. Потенциальная добыча оценивается в 150 млрд м³ в год. По мнению экспертов, добыча сланцевого газа может кардинально изменить энергетику не только Украины, но и Европы. И это не могло не оказаться без внимания США.

Если учесть тот факт, что сланцевая революция в самих США фактически предотвратила коллапс американской экономики и обеспечила переизбрание Б. Обамы на второй срок, становятся вполне очевидными мотивы активизации деятельности его администрации на украинском направлении.

Вполне символичен в этом плане интерес и вице-президента США Дж. Байдена к событиям на Украине, который в ходе своего визита в апреле даже опробовал себя в роли «верховного правителя» Украины, усевшись в кресло главы государства и проведя, таким образом, совещание с руководством страны. Случай беспрецедентный в мировой практике, но для новых киевских властей, по всей видимости, ничего необычного в этом не было. Результатами же этой встречи стала не только констатация всемерной поддержки США киевского руководства, в том числе сухпайками и бронжилетами. Главное же, как считают специалисты, было обеспечено вхождение его сына Хантера Байдена в совет директоров ранее малоизвестной компании Burisma Holdings, которая позиционирует себя как крупнейший газодобытчик на территории Украины. Именно эта компания, как предполагается, и займется разработками месторождений сланцевого газа в районе Славянска и Краматорска.

Что позволяет сделать вывод о том, что ситуация в зоне карательной операции в Донбассе находится под пристальным вниманием руководства США в силу наличия собственных финансово-экономических интересов высших долж-

ностных лиц американской администрации в этом регионе.

С другой стороны, очевидно, что именно сланцевый газ, его добыча и последующая транспортировка в Европу являются истинными причинами и АТО — карательной операции и, мягко говоря, странной позиции США, а вместе с ними и всего остального евроатлантического сообщества.

При этом сама по себе добыча сланцевого газа должна осуществляться путем гидроразрыва пласта, которая экологически вредна и ведет к катастрофическим последствиям для жителей близлежащих территорий, делая ее непригодной для проживания. В самих США протесты жителей уже привели к запрету фрекинга (гидроразрыва пласта) для добычи сланцевого газа в Питтсбурге (штат Пенсильвания), Драйдене (штат Нью-Йорк), Хайленд-Парке (штат Нью-Джерси) и множестве городов.

В сложившейся ситуации нужен был регион, где ни жителей, ни территорию попросту не жалко. Таковым оказался густонаселенный Донбасс (практически каждый 6-ой житель Украины проживает на территории двух новообразованных республик ДНР и ЛНР), экономически развитый и в индустриальном, и в сельскохоззяйственном отношении³.

Еще в январе 2013 года тогдашним президентом Украины В. Януковичем было подписано соглашение с англо-

голландской компанией Shell о разработке на территории Донбасса сланцевых газовых месторождений. Shell должна была добывать сланцевый газ в партнерстве с украинской компанией Надра Юзовская, которая является СП Надра Украины с долей 90% и СПК-Геосервис — с долей 10%. Shell собиралась вложить до 200 млн долларов в разработку газовых залежей. Первые небольшие объемы газа собирались добыть уже в 2015-м году. Массовые протесты жителей региона осенью 2013 года приостановили разработку месторождений. Текущая же ситуация делает ее просто невозможной.

Поэтому выход из положения США и новое украинское руководство видят в том, чтобы попросту выселить население из районов перспективной добычи сланцевого газа. Но цивилизованно людей переселять не выгодно, поэтому на жителей этих регионов стали давить психологически, бомбить, объявили их террористами и сепаратистами и начали планомерно уничтожать. В этих условиях население само стало покидать свои дома и таким образом освобождать территорию перспективных разработок месторождений сланцевого газа.

Таковы, очевидно, истинные цели и задачи карательной операции в Донбассе, определяющие, соответственно, и тактику «выжженной земли», реализуемой в ходе нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Виктория Шилова: «Военных преступников Украины ждёт новый Нюрнбергский процесс» <http://mir-politika.ru/14760-viktoriya-shilova-voennyh-prestupnikov-ukrainy-zhdet-novy-nuernbergskiy-process.html>
- 2 Немецкие СМИ: В карательной операции в Донбассе участвуют 400 американских наемников <http://vz.ru/news/2014/5/11/686143.html>
- 3 Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24-28.

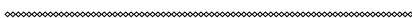
УКРАИНА: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Жильцов С. С.

*Доктор политических наук,
профессор кафедры политических наук РУДН*

В статье рассматриваются политические изменения, которые произошли на Украине после государственного переворота января — марта 2014 года. Большое внимание уделено анализу причин, которые позволили радикальным националистическим силам прийти к власти. Исследуется территориально-государственное устройство современной Украины, которое заложило фундамент для большинства из внутренних конфликтов современного украинского государства. Дана оценка феномена Юго-востока Украины, его взаимоотношений с Киевом после обретения независимости, а также рассмотрена роль элит юго-восточных областей Украины. Подробно проанализирована расстановка политических сил на Украине, их идеология и внешнеполитические приоритеты.

Ключевые слова: Украина, политические процессы, политическая борьба, федерализация, расстановка сил.

Политические процессы, которые начались на Украине в конце ноября 2013 года, привели к кардинальным изменениям в стране. Протесты, начавшиеся против политики правительства, которое отложило подписание документа об ассоциации с ЕС, переросли в государственный переворот. В ходе его реализации к власти в Киеве пришли представители радикальных национа-

листических партий. Следствием их правления уже стала гражданская война в юго-восточных областях, обострение российско-украинских отношений и разворот Киева в сторону западных стран. В свою очередь, последние приветствуют внешнеполитический разворот Украины и обострение отношений с Россией, преследуя свои геополитические интересы.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Февраль 2014 года стал переломным в политическом развитии Украины. Захват власти оппозицией привел к формированию нового состава правительства¹ и назначению на май 2014 года досрочных выборов президента Украины. Действия оппозиции были поддержаны западными странами, которые извлекли уроки из геополитических метаний прежних украинских президентов и сделали ставку на националистов, идеология которых отрицает какое-либо сближение с Россией².

Причины переворота имеют под собой как субъективные, так и объективные причины. Субъективный фактор заключается в том, что теперь уже по факту бывший украинский президент оказался

слабым и недалководным политиком. Фактически собственными действиями В. Янукович отдал власть оппозиции, включившись в навязанный ему процесс переговоров³. Одновременно президент продемонстрировал неспособность принимать решения в условиях политического кризиса. Подобные коллизии уже происходили с Януковичем в 2004 и 2007 годах, когда своим бездействием он отдавал власть своим оппонентам.

Кроме того, договоренности Януковича и оппозиции в феврале 2014 года достигались при посредничестве западных политиков и имели существенный недостаток. Они не учитывали действия радикальных националистических отрядов, которые формально никому не

подчинялись. Однако реализуемый ими сценарий вооруженного противостояния с милицией, отвечал интересам оппозиционных лидеров, которые последовательно шли к захвату власти.

Было бы неправильно списывать все на бывшего президента. В основе конфликта на Украине лежит несколько фундаментальных причин. Прежде всего, в стране была создана клановая система управления государством, поставленная на службу немногочисленной группы лиц. Во-вторых, на протяжении всех лет независимости, сменявшие друг друга элиты, постоянно подгоняли форму правления под текущую политическую и экономическую ситуацию. Идеи федерализма, которые на разных этапах поддерживали как западные, так и восточные элиты превратились в инструмент борьбы. В-третьих, регионы оказались исключены из процесса принятия решения, а борьба за Киев превратилась в ключевую задачу. В-четвертых, политические партии находятся в зачаточном состоянии и нужны крупному бизнесу

для реализации своих интересов. В пятых, политические партии, за исключением правого и левого флангов партийного спектра, не имеют никакой идеологии. Впрочем, идеология Компартии Украины и «Свободы» — это идеологии, базирующиеся на идеях прошлого века. Взятые практически без изменений, они не дают ответы на многие вопросы современного развития. В-шестых, на Украине отсутствует национальная идеология, к разработке которой власти так и не приступили. В то же время отказ от коммунистической идеологии открыл дорогу националистическим идеям. Их последовательно отстаивают западные регионы Украины, стремясь навязать всей Украине «правильные» представления об украинском государстве⁴. В итоге, сменяющие друг друга президенты никогда не имели поддержки на всей территории Украины и были вынуждены лавировать между Востоком и Западом Украины, одновременно учитывая интересы России и западных стран. Не стал исключением и Янукович.

ВЛАСТЬ РАДИКАЛОВ

Наличие в Верховной раде фракции националистической «Свободы», которая получила значительное количество голосов на парламентских выборах 2012 года, изначально задавала «ориентир» для последующей деятельности всей оппозиции. Во время кризиса заявления оппозиции отличались бескомпромиссностью, которую оппозиция сохранила и после захвата власти. Радикальная часть политиков подталкивала своих партнеров по парламентской коалиции к ужесточению своих позиции в отношении оппонентов — партии регионов и коммунистов, иницилируя пересмотр внешней политики⁵.

Сильное влияние на власти оказывал «Майдан», который претендовал на альтернативный центр выражения интересов народа Украины, отражал пози-

ции радикальных националистических групп, пытающихся выступать в качестве самостоятельной силы и диктовать свои условия. В то же время радикальные подходы к решению внутренних и внешних проблем оказывали негативное влияние на политическую ситуацию. Деятельность новых властей Украины, направленная на полное подчинение Юго-Востока страны, привела к поляризации общества, а дискредитация правоохранительных органов ухудшила криминогенную ситуацию на всей территории Украины.

Договоренности улицы с элитами, как правило, непродолжительны. Момент, когда толпа диктует свои правила, проходит весьма быстро. Очень скоро своими действиями «Майдан», пытаясь подтолкнуть элиты к принятию утопи-

ческих и сверхновых решений, начал мешать лидерам оппозиции. В конечном итоге, это закончилось конфликтами между вчерашними сторонниками.

Фактически сразу после захвата власти в Киеве бывшей оппозицией, которая опиралась на радикальные националистические отряды, в рядах «победителей» начался дележ портфелей. Большое влияние на расстановку сил в органах власти оказывал «Правый сектор», под влиянием которого было сформировано новое парламентское большинство и сформировано правительство. Однако очень скоро «Правый сектор» стал мешать политикам решать кадровые и экономические вопросы. Более того, деятельность «Правого сектора» в значительной степени дискредитировала новые украинские власти внутри страны, которые не контролировали своих недавних соратников по борьбе против Януковича, и портила имидж перед западными партнерами.

После назначения даты досрочных президентских выборов вопрос достижения политической стабильности и установления контроля над вооруженными группами приобрел для правительства Арсения Яценюка ключевое значение. Без этого невозможно было говорить о проведении президентской кампании, что могло поставить под сомнение легитимность нового главы государства. В этом контексте, Яценюк был заинтересован в стабилизации политической ситуации на Украине. Не будь радикалов, Яценюк быстро бы установил тесные контакты с крупным бизнесом и Россией, а возможно и выступил с инициативами в отношении Востока Украины, спасая экономическую ситуацию. Однако достижению договоренностей с представителями партии регио-

нов и Востоком Украины препятствовали радикальные националисты.

О контроле над «Правым сектором» настаивали и европейские политики, требуя от Яценюка обеспечить в стране порядок и безопасность. Действительно, после февраля под прикрытием участников Майдана на Украине стремительно стала нарастать деятельность преступных группировок. Начавшийся процесс передела собственности, в который активно включились и представители «Правого сектора», стал напоминать «лихие» 90-е. В первую очередь бизнес отнимали у представителей партии регионов. Этот процесс получил широкое распространение в западных и центральных областях Украины, где не осталось ни одной компании и фирмы, в которую бы не заглянули новые «защитники». Как правило, передел собственности осуществлялся под прикрытием риторики о создании нового независимого украинского государства.

Мощный прессинг радикальных националистических отрядов в отношении новых украинских властей, усиления их влияния на деятельность государственных структур как в Киеве, так и в областях вызвали серьезные опасения у западных стран. Тем более, что лидеры «Правого сектора», преобразованного в политическую партию, стали демонстрировать президентские амбиции. В частности, о своих намерениях участвовать в выборах главы государства заявил лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош.

Попытки правительства придать «Правому сектору» некоторую законность через образование «Национальной гвардии» не принесли успеха. И главное, вооруженные отряды оставались неподконтрольными властям.

ИДЕИ ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ ВНОВЬ БЫЛИ ВОСТРЕБОВАНЫ

Политический кризис 2014 года вновь поставил на повестку дня вопрос о федерализации. Интерес к этому вопросу

возникает на Украине всякий раз, когда Киев пытается ущемить права русскоязычного населения Востока страны⁶.

Новое большинство в Верховной раде и правительство видят Украину в качестве унитарного государства. Мотивы властей определяются как текущими соображениями, так и долгосрочными задачами. С этим были связаны надежды на получение экономической помощи от МВФ⁷. В долгосрочной перспективе выборы президента нужны для сохранения унитарного характера государства, в чем особенно заинтересованы крупные финансово-промышленные группы.

Не спешили поддержать переход к федеративному устройству и власти юго-восточных регионов. Областные советы находились под сильным влиянием крупного капитала, который выступает против изменения формы государственного устройства⁸. В итоге власти юго-восточных областей Украины заявляли о необходимости децентрализации власти, подменяя вопросы о статусе русского языка и сохранения культуры перераспределением экономических потоков между Киевом и регионами. Другой причиной пассивности юго-восточных областей выступало отсутствие политических сил, способных выступить инициатором федерализации страны. Отдельные общественные организации не располагали финансовым и административным потенциалом для организации движения в поддержку федерализации страны⁹.

Подобная позиция Киева и властей юго-восточных регионов создала предпосылки для сохранения политической нестабильности, межрегионального противостояния и провоцирует

население юго-восточных областей на продолжение массовых выступлений.

Политический кризис продемонстрировал неготовность региональных элит юго-восточных регионов участвовать в разрешении конфликта. На протяжении длительного времени Юго-восток пассивно наблюдал за обострением ситуации, позволив оппозиции при поддержке отрядов радикальных националистов осуществить захват государственной власти.

Запоздалым ответом юго-восточных областей оппозиции стал всплеск интереса к федерализации страны. За все годы независимости данные идеи были востребованы каждый раз, когда националистические элиты западных областей шли в «поход» на Киев и пытались подчинить своему влиянию Восток страны¹⁰.

Представители бывшей оппозиции выступают против федерализации Украины, считая, что «настоящая Украина» не может иметь иной идеологии, кроме как националистической. Однако апелляция к унитарному устройству украинского государства не решает существующих проблем, а загоняет их вглубь. Унитарный статус является ключевым фактором, который несет угрозу территориальной целостности страны, провоцируя регионы на защиту своих интересов. Несмотря на это, пришедшая к власти националистическая оппозиция стремится не замечать многообразия регионов, настаивая на сохранении унитарного устройства.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ

Избирательная кампания по выборам президента проходила на фоне обострения политической ситуации, межрегионального противостояния и радикализации настроений населения¹¹. Киев делает заявления о необходимости стабилизации ситуации в стране, однако военные действия на Юго-Востоке демонстриро-

вали неспособность и нежелание наладить диалог с несогласными. Кроме того, давление на власти оказывали радикальные требования «Майдана», представители которого призывали к натиску на юго-восточные регионы.

В свою очередь Юго-восток страны был дезориентирован, а в регионах ак-

тивно действовали сторонники новой власти. В отличие от 2010 года, когда Янукович был единственным кандидатом от партии регионов, элиты юго-восточных областей не имели консолидированной позиции в отношении Киева, что подтвердили внутрипартийные конфликты.

Новый виток конфликта между Востоком и Киевом начался после объявления украинскими властями о проведении антитеррористической операции в ряде восточных областей Украины. Поспешность Киева в отношении Востока страны объяснялась желанием создать видимость политической стабильности в стране в период подготовки к президентским выборам. Кроме того, на теме борьбы с «сепаратизмом» дополнительные очки пытаются набрать политики из националистических партий, делая жесткие заявления в адрес Востока. Тем более, что вероятность проведения досрочных парламентских выборов остается достаточно высокой.

Политика давления в отношении восточных областей привела к обратному результату, спровоцировав консолидацию электората и подтолкнув население к активным действиям. В то же время Киев продемонстрировал отсутствие возможностей для силового решения вопроса. Надежды на Национальную гвардию, которая должна была стать основой нового политического режима, не оправдались. Ее создание превратилось в шумную, но малоэффективную пиар-акцию. «Правый сектор», который сыграл важную роль в захвате власти, не располагал возможностями для установления контроля над восточными областями. Тем более, что его участие лишь спровоцировало вооруженные столкновения.

В условиях укрепления позиций Востока страны Киев начал терять власть. Этому способствовали изменения в расстановке сил в парламенте и внутри правительства. Еще в феврале новое парламентское большинство при голосовании уверенно набирало больше трехсот го-

лосов. Спустя полтора месяца, в апреле 2014 года, Верховная рада с трудом получала голоса для принятия решений. Причиной этого выступало возвращение парламента к своему «обычному» состоянию, когда экономические договоренности между фракциями и депутатскими группами формировали политические конфигурации.

На фоне усиления протестных настроений многие кандидаты в президенты попытались набрать политические очки, стремясь выступать в качестве посредников между населением и украинскими властями. Однако если представители новой украинской власти по определению вызывают неприятие у населения восточных регионов, то подавляющее большинство представителей партии регионов себя просто дискредитировало. В этих условиях повышались шансы для выхода на первые роли политиков второго и третьего эшелона, чьи имена практически никому не известны и никак не связаны с нынешними властями.

Правовой нигилизм на Украине достиг критического уровня. Пришедшие к власти националистические силы разрушили политическую систему, которая сохраняла в стране хрупкое единство, привела к резкому ослаблению институтов власти, поставив государство на грань распада.

Жесткое неприятие Киевом требований Востока Украины лишь усиливали протестные настроения. И если в предыдущие двадцать лет разговоры о расширении полномочий регионов выступали в качестве предвыборных лозунгов, то в 2014 году федерализация могла стать механизмом сохранения единого украинского государства, в котором межрегиональные противоречия достигли своего предела.

Интерес к проблеме государственного устройства возник на Юго-Востоке и стал отражением настроений населения, которое усмотрело угрозу своим интересам со стороны новых украинских вла-

стей. Причины этого кроются в курсе Киева на украинизацию, который предполагает сохранение унитарного характера государства и доминирование украинского языка.

Обсуждение вопроса о переходе Украины к федеративному устройству имело смысл в феврале и марте этого года. Тогда отношения между Киевом и Юго-востоком хотя и испортились, но не вышли за рамки политического диалога. Однако с началом военной операции, которую в Киеве назвали антитеррористической, надежды на решение кризиса через изменение государственного устройства стали резко уменьшаться. И по мере появления данных о жертвах среди мирного населения все дискуссии на данную тему практически потеряли смысл. Окончательную черту под дискуссиями

о федерализации подвели майские события в Одессе, которые продемонстрировали населению Юго-Востока методы «убеждения», к которым прибегает Киев¹².

Агрессивное поведение в отношении населения юго-восточных регионов стимулировало рост протестных выступлений, которые в достаточной степени приняли организованный и массовый характер. Однако, несмотря на это, Киев отстаивал идею децентрализацию власти, не желая обсуждать возможность перехода к федеративному устройству. В итоге украинские власти по-прежнему предпочитают не замечать политических процессов и настроений населения на юго-востоке. Подобные подходы ведут к углублению конфликта между Киевом и восточными областями.

ФЕНОМЕН ЮГО-ВОСТОКА

На фоне непрекращающихся попыток украинских властей силовыми методами установить контроль над Юго-востоком прошли референдумы в Луганской и Донецкой областях. Полученные на них результаты имеют огромное политическое значение и дают основания самопровозглашенным властям двух украинских регионов приступить к их практическому воплощению.

Отличительной чертой развития юго-восточных регионов в январе — марте 2014 года являлось отсутствие политической силы, которая выражала бы настроения населения данных регионов. Партия регионов и компартия Украины показали свою неспособность отстаивать интересы населения юго-восточных регионов и на местном уровне фактически самоустранились от решения конфликта с Киевом.

На протяжении всех лет независимо существования Юго-восток Украины развивался без идеологического наполнения. Русский язык, сохранение тесных российско-украинских отношений

служили определенным маяком для самоидентификации населения по линии Россия — Запад. Этим беззастенчиво пользовались все политические силы, отождествляющие себя с интересами населения юго-восточных областей.

Особенностью нынешних политических процессов на Юго-Востоке является отсутствие политических сил, способных стать локомотивом общественно-политических преобразований. Процессы развиваются на фоне утраты доверия государственных органов власти и выхода на первые роли новых лидеров, опирающихся на поддержку части населения.

Отличительной особенностью политических событий на Украине стала пассивность партии регионов в восточных областях Украины. Это наглядно проявилось в период обострения политической ситуации, когда власть в Киеве захватили оппозиционные партии. «Регионалы» ограничились рядом заявлений, которые не изменили ситуации. В итоге партия регионов, долгие годы имеющая

поддержку электората Востока, утратила доминирующее влияние. Более того, сегодня можно говорить о ее распаде на отдельные региональные организации, которые зачастую действуют вопреки настроениям населения восточных областей.

Ориентация региональных организаций на интересы собственных областей и регионального бизнеса связана с ожиданиями проведения в текущем году местных, а возможно и досрочных парламентских выборов. Кроме того, острое соперничество развернулось между отдельными группами «регионалов», каждая из которых опирается на финансовые ресурсы и политическую поддержку отдельных региональных финансово-промышленных групп, а также «своих» депутатов в Верховной раде и областных советах Востока.

Аналогичная ситуация и с компартией Украины, которая заняла выжидательную позицию. Коммунисты оказа-

лись не готовы возглавить выступления протестного электората, что впрочем и неудивительно. Риторика Компартии служила исключительно для получения и удержания власти. Кроме того, тесные контакты с крупным бизнесом, который активно финансировал коммунистов, интегрировали данную политическую силу в сложившуюся систему власти.

Политические события в Киеве привели к изменению электоральных настроений на Востоке страны. В восточных областях Украины сложилась ситуация, при которой партия регионов и компартия утратили доверие населения. В то же время на Востоке нет новых политических проектов, которые могли бы консолидировать электорат. Это связано с отсутствием финансовой поддержки у неорганизованных групп протестного электората, контролем над средствами массовой информации со стороны крупного бизнеса и отсутствием новых региональных лидеров.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА: ИМИТАЦИЯ РАЗВИТИЯ

Президентская кампания проходила на фоне невозможности ряда кандидатов вести полноценную избирательную кампанию. «Нормой» стало преследование несогласных. Насажение националистическими партиями представлений о «правильном» украинце усилило число несогласных с новыми властями. Подобные настроения наблюдаются и в западных областях Украины, которые уже сталкиваются с тяжелой экономической ситуацией.

Отмечается регионализация проведения избирательной кампании большинства претендентов на высший государственный пост. Как правило, география кампании определяется территорией расселения их сторонников.

Президентские выборы, прошедшие 25 мая, на которых победил бизнесмен Петр Порошенко, не оказали положительного влияния на политическую

ситуацию на Украине и не решили экономические проблемы, в то же время сохранив много вопросов относительно будущего территориально-государственного устройства страны.

Президентские выборы зафиксировали лишь одну из промежуточных договоренностей между политическими элитами западных областей Украины и странами Запада. При этом внутренняя и внешняя политика, которую реализовывают политики, разделяющие националистическую идеологию, не создает условий для решения ключевых проблем украинского государства, которое уверенно движется к своему распаду. Настойчивое стремление украинских властей к продолжению военных действий в юго-восточных областях делают призрачными надежды на сохранения Украины как государства в нынешних границах.

НОВАЯ РАССТАНОВКА СИЛ

События последних месяцев на Украине привели к кардинальным изменениям в расстановке политических сил. Процесс этот далек от завершения и досрочные парламентские выборы, на которых настаивает новый украинский президент, могут стать лишь промежуточным этапом.

Формально досрочные выборы в Верховную раду поддерживают все политические силы, которые в настоящее время представлены в парламенте. Пока дискуссии проходят в основном вокруг требований «Удара», «Свободы» и «Батьковщины» сделать открытые списки и снизить проходной барьер в 3%. Однако в условиях проведения выборов по про-

порциональной системе, что определяется конституцией 2004 года, значительная часть депутатов не заинтересована форсировать события. Очевидно, что в парламент вряд ли попадут депутаты, избранные по мажоритарным округам. Многие из них прошли в парламенте в результате использования административного ресурса или непубличных договоренностей. Не все очевидно и с политическими партиями, которые ранее являлись лидерами избирательных кампаний. Часть из них утратила свои позиции, а кроме того, набирают популярность новые политические проекты, которые имеют шансы попасть в Верховную раду.

КРИЗИС СТАРЫХ ПРОЕКТОВ

На Украине продолжается процесс трансформации политических партий, которые в последнее десятилетие прочно занимали ведущие позиции, определяя внешнюю и внутреннюю политику. К ним, прежде всего, относятся партия регионов и «Батьковщина» Юлии Тимошенко.

Формально «Батьковщина» сохранила свои позиции в центральных коридорах власти. В последние месяцы ее представители возглавляли ключевые позиции в системе украинской власти. Глава правительства Арсений Яценюк и спикер Верховной рады Александр Турчинов, одновременно исполнявший обязанности президента, считаются ближайшими соратниками Юлии Тимошенко. Однако в условиях сильного влияния крупного бизнеса и внешнего давления эти чиновники уже давно диверсифицировали свои контакты, пытаясь учитывать интересы не только лидера «Батьковщины»¹³. Отражением снижения роли Тимошенко стало участие ее недавних соратников в президентской кампании на стороне других кандида-

тов, включая ее основного конкурента Петра Порошенко.

Более сильные позиции партия сохранила в регионах, где ее представители входят в областные и городские советы. Однако, как показали итоги последних президентских выборов, Тимошенко уже не воспринимается в качестве единственного и признанного лидера оппозиционного движения, что ставит под вопрос перспективы ее партии на парламентских выборах.

Партия регионов, в которой последнее слово было за В. Януковичем, продемонстрировала свою полную неготовность действовать в сложных политических условиях, которые разворачивались с ноября 2013 года. Основной причиной стало полное непонимание происходящих процессов, неумение вести политическую игру и слепая вера, что все само собой решится, как уже не раз было в украинской истории. Кроме того, присутствие в партии представителей крупного бизнеса, для которых вопросы идеологии представлялись ненужными, а зачастую и непонятными, привело к превращению

данного политического проекта в механизм зарабатывания денег. В результате, партия, на основании которой формировалась парламентская коалиция, в ходе государственного переворота продемонстрировала свою беспомощность и фактически без сопротивления сдала власть националистическим партиям.

Однако если процесс распада фракции партии регионов в Верховной раде определяется бизнес-интересами ее членов, то более сложные процессы происходят на региональном уровне. Как правило, представители партии регионов, прежде всего, в западных областях, умели находить общий язык со своими оппонентами, в том числе и из фракций, образованных националистическими сила-

ми. Бизнес-интересы способствуют преодолевать идеологические расхождения. Этот фактор позволил ряду представителей партии регионов сохранить свои позиции и бизнес в нынешних условиях.

В юго-восточных областях партия регионов фактически распалась на отдельные проекты, заняв выжидательную позицию и ориентируясь на интересы крупного или регионального бизнеса. Внутренняя борьба за лидерство между бывшими соратниками и противоречия привели к снижению числа сторонников партии регионов. В свою очередь, в условиях возможного проведения досрочных выборов в парламент это значительно снижает шансы партии регионов получить значительное количество голосов.

СТАРЫЕ КАДРЫ, НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Серьезные изменения происходят в электоральных предпочтениях на Западе Украины. Лидер последних избирательных кампаний в западных областях всеукраинское объединение «Свобода» утратила монополию выразителя националистических взглядов, столкнувшись в качестве конкурента с «Правым сектором» и Радикальной партией Олега Ляшко, который вышел в число лидеров президентской кампании. Отражением снижения интереса избирателей к «Свободе» стало получение незначительного количества голосов даже в тех западных областях, которые традиционно поддерживали партию¹⁴.

Среди причин изменения настроений избирателей в отношении «Свободы» можно выделить весьма пассивную и нечеткую позицию ее лидеров в ходе событий января — марта этого года и постоянные скандалы, в которых оказывались замешаны представители данной партии.

В то время как «Свобода» получила незначительную поддержку, а лидеру «Удара» Виталию Кличко порекомендовали попрактиковаться в политической

деятельности на уровне Киева, в лидеры выходят ранее неизвестные или малоизвестные политические проекты. Одним из них является партия Олега Ляшко, чья популистская и воинствующая риторика, а также позиция по проблемам внешней и внутренней политики делают его выразителем националистических взглядов. Примечательно, что высокий процент поддержки О. Ляшко получил в условиях отсутствия региональных структур, на которые, как правило, опираются лидеры партий. Однако, несмотря на яркий старт в президентской кампании, перспективы Ляшко на парламентских выборах не так очевидны. Так, на этом же фланге набирает политический вес проект мэра Андрея Садового «Самопомощь», «Гражданская позиция» Анатолия Гриценко. Все эти проекты в большей степени ориентируются на избирателя западных регионов.

Одновременно идет процесс создания партии «Новая Украины» Сергея Левочкина, большое внимание партийному строительству уделяет Сергей Тигипко, пытаясь восстановить партию «Сильная Украина».

ПОРОШЕНКО ЗА ПЕРЕЗАГРУЗКУ ПАРЛАМЕНТА

Предложение нового украинского президента Петра Порошенко провести досрочные выборы в Верховную раду направлено на дальнейшее изменение расстановки политических сил. Партию регионов и их давних партнеров коммунистов должны потеснить представители националистических партий, чьи взгляды сегодня доминируют во внешней и внутренней политике.

В то же время расчет нового президента на то, что новый состав украинского парламента окажется более «удобным» в реализации внутренней и внешней поли-

тики, может не оправдаться. Более того, существует вероятность, что в случае досрочных парламентских выборов президент получит состав Верховной рады, которая вступит с ним в конфронтацию. Причина этого очевидна. Курс главы государства на политическую и экономическую стабилизацию в стране будет неизменно входить в противоречие с настроениями нового парламента, в котором по итогам выборов может значительно возрасти число представителей националистических сил, в том числе, придерживающихся радикальных позиций.

КИЕВ ИЩЕТ «РУКУ МОСКВЫ»

Тема агрессии России против Украины приобрела у украинских националистов невиданную популярность. Образ врага, который настойчиво формируют из России помогает Киеву объяснять внутренние неудачи и экономические трудности, привлекать внимание западных политиков.

После вхождения Крыма в состав России, украинские власти стали раскручивать тезис о стремлении Москвы присоединить к себе Юго-восток Украины. Через украинские средства массовой информации идет массированная обработка населения, которое убеждают в агрессивных замыслах Москвы. Правоохранительные органы чуть ли не ежедневно сообщают о задержании российских диверсионных групп, которые якобы замыслили противоправные действия против украинского государства и его населения. Эти сообщения выступают в качестве оправдания борьбы с «сепаратистами» на Востоке страны.

Обвинения России в агрессии имеют несколько измерений. Во внутренней политике Киев получает возможность для консолидации электората, отвлечения населения от социальных проблем. Более сложно обстоит дело с внешнепо-

литическими дивидендами, на которые рассчитывают украинские власти. Претензии к России усилили позиции антироссийских сил в западных странах, что повысило политическое внимание к Украине. Однако на этом все выгоды заканчиваются, поскольку ни ЕС, ни США пока не выделили денег на поддержку экономики Украины.

Формирование негативного образа России является частью продуманного плана западных стран, которые преследует далеко идущие цели. При этом Киев выступает скорее в качестве инструмента, нежели самостоятельного игрока. России пытаются навязать образ агрессора, спровоцировать на активное вовлечение в украинские события. Акцент делается на недавнем вхождении Крыма в состав России. Однако апелляция к данным событиям некорректна, поскольку ситуация на Востоке Украины имеет существенные отличия. Прежде всего, отсутствуют государственные структуры, готовые выступить с консолидированных позиций, областные советы самоустранились, партия регионов предпочитает не замечать событий, а крупный бизнес стремится договариваться с Киевом за спиной населения.

Наконец, Юго-Восток неоднороден по своим настроениям и население в основном ставит вопрос о защите своих интересов в рамках украинского государства.

Существуют и другие факторы, которые указывают на нецелесообразность более активного участия России во внутриаукраинских делах.

Во-первых, вовлеченность России в дела Украины приведет к новому витку конфронтации между Москвой и западными странами, которые в последний месяц усилили на Россию информационное давление. Во-вторых, в восточных областях Украины нет политических сил, на которые Россия могла бы опереться. Разрозненные группы населения не имеют административной и финансовой поддержки.

Стоит отметить, что вовлеченность России в конфликт на Украине приведет к консолидации сторонников националистических партий, которые в последние недели торопятся эксплуатировать тему «агрессии России». Например, Тимошенко объявила о формировании «Движения сопротивления российской агрессии», «Правый сектор» выступил с призывом к мобилизации. В Верховной раде депутаты из нового парламентского большинства устроили соревнование законопроектов, которые ужесточают борьбу с сепаратизмом, терроризмом, покушением на территориальную

целостность и украинскую символику. В случае вовлечения России в украинские события националисты получат дополнительные возможности для наращивания собственного рейтинга. В этих условиях экономические трудности, передел собственности, обнищание населения — все будет списано на «агрессию» России.

Вхождение России на территорию Восточной Украины, чем Киев постоянно пугает украинского обывателя, даст украинским властям дополнительный повод для обращения за помощью к НАТО. Исполняющий тогда обязанности президента Турчинов, не вдаваясь в тонкости международного права, обращался к Генсеку ООН за военной помощью, не понимая сути миротворческих операций. В случае, если Киев обратится с просьбой о военной помощи к НАТО, не исключено, что Альянс воспользуется подобным «приглашением». Наконец, крупный бизнес Востока Украины ориентируется на Киев и не поддерживает требования населения юго-восточных областей о федерализации.

Антироссийская риторика стала ключевым элементом внешней и внутренней политики украинских властей. Однако поиски Киевом «руки Москвы» в событиях на Востоке страны и нежелание учитывать требования населения лишь загоняет конфликт внутрь, снижая вероятность его мирного разрешения.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ

Современная Украина оказалась «погружена» в политический хаос, который не будет преодолен в ближайшее время. Противоречия и конфликты внутри властей, требования «Майдана» и межрегиональное противостояние будут дополняться экономическими проблемами.

Переход к парламентско-президентской форме правления не решает проблемы современной Украины. Как показала современная украинская история

благие начинания политиков «оранжевой революции» утонули в борьбе за власть, закулисных договоренностях и личных амбициях¹⁵.

Изменение баланса сил между правительством и парламентом, принципы формирования большинства в Верховной раде и правительства не оказывает влияния на деятельность политических партий, ориентирующихся на «свой» электорат, со своими культурными цен-

ностями. Подобное можно было наблюдать в 2006-2010 годах, когда на Украине действовала парламентско-президент-

ская форма правления, которая негласно зафиксировала раздел страны между «регионалами» и оппозицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ворошилов О. Новый украинский Кабмин — «правительство камикадзе»? /Резонанс (Украина). 2014. № 15. С. 13-25.
- 2 Горовая С. Украине уже помогают ... намерениями /резонанс (Украина). 2013. № 88. С. 12-18.
- 3 Штурмы, пикеты, майданы: акции протеста в регионах //ЛІГАБізнесІнформ. 2014. 29 января.
- 4 Гранчак Т. Порошенко П.: на первом месте народ Украины /Резонанс. 2014. № 3. С. 21-34.
- 5 Потіха А. Діяльність ВО «Свобода» в оцінках експертів (Деятельность ВО «Свобода» в оценках экспертов) /Резонанс (Украина). 2014. № 7. С. 24-34.
- 6 Бусол. Проблема федерализации в украинских реалиях: мнения экспертов и политиков / Україна: події, факти, коментарі (Украина: события, факты, комментарии). 2014. № 9. С. 43-55.
- 7 Симоненко Е. Визит МВФ: новые кредиты, старые проблемы /Резонанс (Украина). 2014. № 20. С. 5-19.
- 8 Рябокони А. Реакция местных органов власти и общественности юго-восточных областей Украины на события в Киеве /Резонанс (Украина). 2013. № 98. С. 13-22.
- 9 Филиппов Н. Распад или раздел /Таврические вести. Новороссия. 2014. № 8. Февраль. С. 1-2.
- 10 Горовая С. Территориальная целостность Украины в контексте потенциальных угроз /Резонанс (Украина). 2014. № 27. С5-11.
- 11 Ворошилов О. Президентские выборы на Украине: завершилось выдвижение кандидатов /Резонанс (Украина). 2014. № 23. С. 5-26.
- 12 Жильцов С.С. Киев провоцирует распад Украины /НГ-Дипкурьер. 2014. 3 марта.
- 13 Тарасенко Н. Вся власть — «Батьківщині»? (Вся власть — «Батьковщине»?) /Резонанс (Украина). 2014. № 25. С. 9-20.
- 14 Рудь І. Роль ВО «Свобода» в сучасних політичних процесах в Україні (Роль ВО «Свобода» в современных политических процессах на Украине) /Резонанс (Украина). 2014. № 25. С. 5-15.
- 15 Симоненко Е. Современный политический кризис в Украине: пути выхода /Резонанс (Украина). 2014. № 38. С.4-24.

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

ДЕ ГОЛЛЬ У КОЛЫБЕЛИ «ФРАНСАФРИК»

Филиппов В. Р.

*Доктор исторических наук,
Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН*

В статье рассматриваются причины, побудившие Шарля де Голля к созданию военно-политических и финансово-экономических сетей влияния на африканском континенте после окончания второй мировой войны; выясняется сущность политического феномена, получившего название «Франсафрик», описываются цели и методы реализации тайной политики Франции в Африке. Объект исследования — политика Франции в Африке в период президентства Де Голля. Предмет исследования — формы и методы формирования архитектуры «Франсафрик» в бывших колониальных владениях Франции в Африке.

Методология исследования включает в себя системный и структурно-функциональный подходы, культурно-цивилизационный подход, сравнительно-исторический, сравнительно-политический методы научных исследований, теории этничности, методы индукции, дедукции, наблюдения, анализа, синтеза, аналогии, пристального взгляда.

В статье приводится характеристика системы политического влияния Франции на свои бывшие колонии, известной как «Франсафрик». Представлен список наиболее резонансных преступлений, совершенных французскими спецслужбами на Черном континенте.

Ключевые слова: Франция, Африка, неоколониализм, «Франсафрик», Шарль де Голль

DE GAULLE AT THE CRADLE OF "FRANÇAFRIQUE"

The article covers reasons that prompted Charles de Gaulle to set up military, political, financial and economic influence networks on the African continent after the World War II; it clarifies the essence of the political phenomenon subsequently known as "Françafrique" and describes goals and methods of the French covert policy in Africa. The article also presents a list of the most infamous crimes committed by the French secret services on the Black continent.

Keywords: France, Africa, neocolonialism, Charles de Gaulle

Действуйте всегда в согласии со своими задними мыслями.

Шарль де Голь

В Москве, на проспекте Мира, у роскошного фасада построенной французами гостиницы «Космос» стоит бронзовый Шарль де Голль. Он выглядит совсем не воинственно: мешковатая фигура добродушного усталого старика, обремененного заботами и властью. Так случилось, что совсем рядом с памятником построили двухэтажную развязку, и теперь генерал словно выглядывает из-под моста, а тысячи москвичей, стоящих в пробке на эстакаде, волей или

неволей вынуждены смотреть на него сверху вниз... Вот и мы, ничуть не умаляя заслуг де Голля в борьбе с германским фашизмом, постараемся взглянуть на роль этого знаменитого политика в послевоенной истории под не совсем привычным углом зрения.

Порой случается так, что какие-то события кажутся современникам мало-значительными и сугубо локальными, и лишь много позже осознаются потомками как поворотные в истории стран,

народов и континентов. Война в Алжире привела к краху Четвертой республики во Франции и, в конечном счете, стала началом конца французской колониальной империи. Но, вместе с тем, эти политические потрясения стали (помимо прочего, разумеется!) причиной зарождения и формирования некоего политического феномена, с трудом поддающегося определению и однозначным интерпретациям. Феномена, получившего название «Франсафрик» и ставшего камнем преткновения на пути поддержания международного имиджа Франции как демократического и правового государства. У колыбели этого уродливого дитя Пятой республики, как ни прискорбно, стоял тот, кто спас Францию от позора коллаборационизма: национальный герой и президент Республики генерал Шарль де Голль.

Комментируя информацию о том, что после Второй мировой войны практически все хозяева Елисейского дворца

получали огромные взятки от лидеров африканских государств, пожелавший остаться неизвестным сотрудник французского министерства иностранных дел заявил: «Есть такое понятие — “Франсафрик”. Это не объединение, это не союз государств, это некоторое понимание того, что бывшие французские колонии в Африке, точнее, их лидеры имеют особые отношения с лидерами Франции и могут рассчитывать на помощь Парижа даже в самые трудные для себя времена» [Цит. по: Зубов, 2011]. По понятным причинам государственный чиновник определил интересующий нас феномен с известной сдержанностью. Независимые эксперты чаще говорят о том, что, начиная с 60-х годов прошлого столетия «Париж раскинул над субсахарской зоной настоящую сеть влияния, породившую со временем целое понятие, даже философию, получившую название “Франсафрик”» [Франсафрика... 2010].

АЛЖИРСКАЯ ВОЙНА И КРАХ ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Случилось так, что 1958 год стал точкой отсчета новой истории Франции. Казалось бы, будничные эпизоды войны: французский взвод попал в засаду алжирских патриотов и был истреблен близ тунисского селения Сакиет-Сиди-Юсеф. Вскоре там же были сбиты два французских самолёта [Cooper, 2003]. В ответ французская авиация разбомбила злополучное селение, в результате налета погибли 70 ни в чем не повинных крестьян. Это стало причиной острого кризиса во франко-тунисских отношениях. Более того, жестокость французской армии спровоцировала болезненную реакцию международного сообщества: демонстративную бомбардировку французов было предложено обсудить на заседании Совбеза ООН.

Ситуацией поспешили воспользоваться США и Великобритания: они предложили французам создать в Северной

Африке совместный «оборонительный пакт». Когда премьер-министр Франции Феликс Гайяр предложил эту концепцию на обсуждение Парламенту, правые возмутились. Они сочли это предательством интересов Франции и посягательством на ее суверенитет. В результате 15 апреля 1958 года кабинет был отправлен в отставку. Начался очередной затяжной политический кризис, в течение нескольких недель кандидатуру нового премьер-министра не могли провести ни правые, ни левые. На фоне этого политического коллапса в начале мая резко обострилась ситуация в Алжире: причиной тому стал расстрел бойцами ФНО трех французских солдат. Это побудило, наконец, Парламент сделать выбор: 13 мая премьер-министром был назначен Пьер Пфлимен, который, по слухам, начал тайные переговоры с ФНО Алжира. Эти слухи взорвали ситуацию в колонии и вызва-

ли болезненную реакцию французского генералитета. Европейцы, проживавшие в Алжире, вышли на демонстрацию, которая переросла в беспорядки; начались стычки с полицией. Наиболее богатые и влиятельные французские колонисты, объединившись с офицерами французской армии, сформировали Комитет общественной безопасности, во главе которого стал генерал Рауль Салан. От имени Комитета идеолог и лидер более чем миллионного французского населения Алжира потребовал приступить к разработке новой Конституции и назначить премьер-министром Франции генерала Шарля де Голля. В противном случае он пообещал высадить парашютный десант в Париже [Martin, 2005]. В преддверии гражданской войны правительство капитулировало.

В сложившейся ситуации единственной надеждой французам стало возвращение в большую политику национального героя, ставшего символом былого величия Франции — генерала де Голля. Станным образом с ним тогда связывали надежды на выход из кризиса и правые, и левые. Ультраправые надеялись на то, что генерал запретит компартию, установит режим личной власти и добьется покорности алжирских повстанцев, исходя из принципа «Алжир был и всегда будет французским!». Левые, напротив, полагали, что политик, так много сделавший для победы над фашизмом, сумеет вывести страну из затяжного политического кризиса и решит алжирскую проблему достойным демократического государства образом.

Многие французские исследователи признают, что именно «опасный кризис 13 мая 1958 года, спровоцированный путчем мятежных офицеров в Алжире, привел к власти генерала Шарля де Голя» [Rémond, 1998]. Ж.-П. Дозон, один из наиболее авторитетных французских антропологов-африканистов, констатирует тот факт, что именно «неодолимые колониальные войны в Индокитае и в

Алжире породили Пятую Республику и сделали своим вестником генерала де Голля», которого он считает «эффективным творцом спокойной деколонизации территорий Чёрной Африки» [Дозон, б.г.]. Вопрос только в том, насколько «спокойной» был процесс деколонизации. А.П. Васильев, как мне кажется, куда более объективно оценивает суть происходивших тогда политических трансформаций. «Алжирский кризис, вытолкнувший де Голля из политического забвения на вершину власти, повлек за собой окончательный демонтаж французской колониальной империи, что, в сущности, было лишь одним из этапов в сложном процессе, в ходе которого классический колониализм заменялся новым типом колонизации... Новая форма колониализма представляет собой явление до неприличия лицемерное, поскольку циничная эксплуатация прикрывается здесь насковозь фальшивой словесной эквилибристикой, и опасное, ввиду того, что противники названной системы истребляются безжалостно и без промедления, тогда как страдания эксплуатируемых народов умножаются стократ» [Васильев, 1999, с. 47].

Как бы то ни было, 29 мая 1958 г. президент Республики Рене Коти обратился за помощью к «самому выдающемуся французцу» [Winock, 1995]. Как писал Ж.-П. Дозон, «обессиленная сменой более двадцати правительств и впутавшаяся в войну в Алжире, которая опасно отражалась на французском обществе, Четвертая республика бескровно сдалась генералу де Голлю... Пятая сменила её, будучи оснащённой конституцией, необходимой для создания мощного государства, но с перспективой, обозначенной ещё в Браззавиле: де Голль начал эту новую республику лишь в той мере, где она органично связывала себя с африканскими территориями» [Дозон, б.г.].

1 июня 1958 года Шарль де Голль был назначен на пост премьер-министра. Беря бразды правления в свои руки из

рук Парламента (в соответствии с конституцией 1946 года), он выдвинул непрременное условие, а именно — предо-

ставление правительству неограниченных полномочий в урегулировании алжирского кризиса.

ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА. ДЕ ГОЛЬ У КОЛЫБЕЛИ «ФРАНСАФРИК»

Де Голль начал с разработки новой концепции конституции. Согласно его проекту президент получил практически всю полноту власти за счет сокращения прерогатив парламента. Глава государства призван определять основы внутренней и внешней политики страны, осуществлять верховное командование вооруженными силами, назначать государственных чиновников на все высшие должности, включая премьер-министра; президент получал право досрочно распустить Национальное собрание и задержать вступление в силу принятых парламентом законов. Более того, при чрезвычайных обстоятельствах президент пользовался правом сосредотачивать в своих руках всю полноту власти [Конституция V Республики]. Опытный политик, де Голь понимал, сколь трудным будет путь деколонизации и хотел к началу схватки с ультраправыми получить мощный инструмент реализации своих пока еще тайных планов.

На референдуме 28 сентября 1958 года конституция была принята. Примечательно, что большая часть французов и в метрополии, и в колониях голосовала не за конституционные нормы, а за политика, который сформулировал концепцию Основного закона Франции. Тогда они связывали с именем де Голя надежды на выход из политического и экономического кризиса, и, главное, на завершение изнурительной войны в Алжире. В декабре 1958 года депутаты Национального собрания и коллегия выборщиков избрали президентом Французской республики своего знаменитого соотечественника.

Сразу после прихода к власти, де Голь совершил поездку в Алжир, где заявил колонистам и генералам: «Я понял вас».

Более того, на одной из встреч с алжирскими французами 6 июня 1958 года он с воодушевлением прокричал: «Да здравствует французский Алжир!» [цит. по: Васильев, 1999, с. 47]. По большому счету де Голь и «ультраколонизаторы» были единомышленниками. Апологеты идеи «французского Алжира» только что продемонстрировали, каким политическим и военным потенциалом обладают. Да и сам президент прекрасно понимал, что значит Алжир для Франции: предоставив независимость строптивой колонии, метрополия потеряла бы возможность безвозмездного использования нефтяных запасов Сахары. Для де Голя, мечтавшего о возрождении величия его страны, утрата энергетической независимости была совершенно неприемлема. Кроме того, он знал, что суверенитет Алжира станет лишь началом конца всей колониальной империи.

Однако президент ясно осознавал и тот факт, что в послевоенном мире Франция не сможет сохранить свои обширные колониальные владения. Франсуа-Ксавье Вершав констатирует, что «с момента своего возвращения к власти Ш. де Голль понял, что его вынудят признать независимость африканцев. Деколонизаторский дискурс американцев и русских усиливал движение за независимость африканских народов» [Verschave]. Действительно, уже в 1941 году Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали Атлантическую хартию, в которой содержалось положение о «восстановлении суверенных прав и самоуправления народов» [цит. по: Черкасов, 1985, с. 19]. Хартия эта оказала заметное влияние на политическую ситуацию в африканских колониях Франции. Однако «деколонизаторским дискурсом» дело совсем не ограничива-

лось: Москва и Вашингтон тайно поддерживали бойцов ФНО Алжира, фактически включившись в борьбу за передел сфер влияния на Черном континенте [Васильев, 1999, с. 49]. И было понятно, что Франция не сможет противостоять двум мировым супердержавам послевоенного мира. Да и в самой метрополии левые все настойчивее требовали покончить с колониализмом. Ж. Покэн писал, что Франция «не могла позволить себе повторить ошибки довоенного прошлого» и ее «главной задачей стало удовлетворение политических ожиданий населения колоний» [Roquin, 1955, с.37].

Ш. де Голль оказался перед трудным выбором. Вопреки своим личным симпатиям и юношеским идеалам, он постепенно склонялся к суровой необходимости признания независимости Алжира. Как заметил Н. Молчанов, «генералу приходилось бороться и с самим собой, ибо ему предстояло решиться на отказ от того, что всегда считалось достоянием Франции, основой ее могущества» [Молчанов, 1972, с. 378]. Кроме того, над де Голлем довлела мощная апологетическая традиция, которая оформлялась одновременно с колониальными захватами. Согласно этой традиции, Франция «облагодетельствовала» Африку, ибо познакомила дикие племена с благами цивилизации, а «принесенный французами мир пришел на смену нищете, произволу и войне всех против всех» [Monod, 1926, с. 341].

Вероятно, Ш. де Голль вполне искренне верил в то, что французская колонизация была благом для африканцев и тяжким бременем для Франции, что в условиях деколонизации бывшая метрополия должна взять на себя роль опекуна над новыми суверенными государствами Черного континента. В его поздних «Мемуарах души» есть удивительное свидетельство наивной веры генерала в необходимости и полезности такого патронажа: «Потребности колоний все возрастали, мы должны были на огромных

пространствах нести все возрастающие расходы на управление, на общественные работы, просвещение, социальное обеспечение, здравоохранение, безопасность... Мы принесли им нашу цивилизацию, вместо прежней анархической разобщенности создали на каждой территории централизованную систему управления, которая стала прообразом национального государства, мы создали элиты, которые, воодушевленные принципами прав и свобод человека, уже стремились занять наше место на всех ступенях иерархии. Означало ли это, что предоставив им возможность самоуправления, мы должны отвернуться от них?... Разумеется, нет. Вследствие многолетней привязанности к нам, влияния, которое на них оказали ангелы и демоны Франции... они склонны сохранять тесные связи с нами... Мы приняли на себя обязательства стать их привилегированными партнерами. Уже потому, что они говорят на нашем языке и проникнуты нашей культурой, мы обязаны помогать им. Их зачаточная государственность, лишь создаваемая экономика и финансовая система, наивная дипломатия и формирующаяся обороноспособность нуждаются в поддержке с нашей стороны, и мы обязаны оказать им такую поддержку. Привести народы заморских владений к самоуправлению и, в то же время, наладить с ними сотрудничество — таковы были мои искренние намерения» [Gaulle Ch. de, 1970, с. 42].

Нет смысла комментировать эту странную смесь непростительного для главы государства инфантилизма, старомодного ура-патриотизма и политического цинизма. О зверствах французов на Черном континенте, о работоторговле, убийствах и грабежах написано так много [см., напр.: Субботин, 1959]! Приведу лишь выдержку из заметки участника одной из военных кампаний в верховьях Нигера Ф. Дескоста. «Экспедиции были очень удачны, и мы понесли весьма мало потерь. Но, черт возьми, какая

война! Всякий мужчина, взятый в плен, немедленно обезглавливался; женщин и детей порабощали, раздавали стрелкам и солдатам вспомогательных подразделений в качестве трофеев» [Descostes, 1893, p. 84]. Хочу обратить внимание на тот факт, что написано это век спустя после штурма Бастилии. Конечно же, Ш. де Голь не мог не знать этого, однако как ни странно, генерал был преисполнен верой в особую мессианскую роль французов на африканском континенте.

Наверное, поэтому алжирская политика Пятой республики прошла несколько этапов. Сначала новое правительство пыталось добиться решения алжирской проблемы с позиции силы, но вскоре стало очевидно, что эти попытки ни к чему не ведут. Спротивление алжирцев только усиливалось, французские войска терпели поражение за поражением, в метрополии ширилась кампания за предоставление Алжиру независимости. На международной арене широкое движение солидарности с борьбой алжирцев грозило повлечь за собой изоляцию Франции. Поскольку продолжение войны могло привести лишь к полной утрате Алжира, а вместе с ним и нефти, французские монополии стали выступать за поиски приемлемого компромисса. Отражением этого поворота явилось признание де Голлем права Алжира на самоопределение, что спровоцировало, в свою очередь, ряд политических выступлений, террористических актов со стороны ультраколонилистов.

16 сентября 1959 г. де Голь выступил с программной речью, в которой фактически признал право алжирского народа на самоопределение. Алжирцам было предложено выбрать один из трех путей. Первый — полный разрыв с Францией. Генерал уверял своих африканских подданных, что в этом случае их ждут хаос, нищета, коммунистическая диктатура. В речи генерала прозвучала латентная угроза: Франция в любом случае сохранит за собой сахарскую нефть и обеспе-

чит перегруппировку населения, пожелавшего остаться французским. Второй путь — интеграция алжирцев в единую и неделимую Францию, распространение на алжирцев всех прав и обязанностей подданных Французской Республики. Генерал дал понять, что этот путь уже не реален. И третий путь, был представлен так: «Правительство алжирцев, управляемое алжирцами, опирающимися на помощь Франции, в тесном союзе с нею в области экономики, образования, обороны, внешней политики» [Gaulle Ph : de, 2003, p. 369]. Этот желательный с точки зрения президента путь потребовал формирования особой концепции внешнеполитической деятельности Пятой республики, особой доктрины неоколонизальной политики. Это был прообраз «Франсафрик».

Но, при всем том, даже этот путь политического компромисса вызвал бурный протест «ультраколонизаторов».

18 января 1960 г. командир армейского корпуса, несшего службу в Алжире, генерал Ж.Э. Массю в интервью немецкой газете «Зюд-дойче цайтунг» осудил алжирскую политику де Голя и даже заявил о том, что французская армия может оказать ему неповиновение [Арзаканян, 2007]. Президент сразу отозвал Массю с занимаемого поста. В ответ на это правые организовали демонстрации под лозунгом «Алжир останется французским». Затем, при молчаливом согласии армейского командования, они соорудили в алжирской столице два кольца баррикад и в течение недели удерживали в своих руках несколько кварталов. Мятежники предложили де Голлю отказаться от идеи предоставления Алжиру права на самоопределение.

Однако они просчитались: генерал не терпел шантажа и любые попытки принудить его к действиям, которые противоречили бы его убеждениям и политической стратегии, побуждали его действовать еще более решительно. Де Голь написал тогда своему сыну Фи-

липпу: «Пора кончать с наглым давлением европейцев Алжира, с ядром политиканов, которое сформировалось в армии, и вообще с мифом “французского Алжира”. Все это направлено только на то, чтобы удержать господство “черноногих” над мусульманами» [Gaulle Ch. De, 1970, p. 120-122].

Де Голь обратился за поддержкой к народу Франции. 1 февраля состоялась часовая национальная забастовка в поддержку генерала, в ней принимали уча-

стие 11 млн. человек [Молчанов, 1972, с. 385]. Узнав об этом, алжирские «ультра» разбежались с баррикад... В конечном счете это предопределило судьбу французской колониальной империи. 18 марта 1962 г. в городе Эвиане было подписано соглашение о предоставлении независимости Алжиру. Французскому правительству во избежание новых войн пришлось предоставить независимость и ряду государств Экваториальной и Западной Африки.

УЙТИ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ

Де Голь, будучи блестящим политиком, прекрасно соизмерял желаемое и возможное. Перед ним встала сложнейшая задача: уйти с Черного континента таким образом, чтобы Франция могла сохранить в своих бывших колониях эксклюзивные и никем не оспариваемые экономические, политические и стратегические преференции. И он согласился с суверенитетами молодых африканских государств, но «это была видимая часть айсберга, совершенно белая — «Франция любит Африку!» и проч. А в тоже время Ш. де Голь поручает своей правой руке Жаку Фоккару создать систему полной зависимости: это означало сохранение кортежа клиентелистских государств, доступ к стратегическим природным ресурсам и контроль над политическими партиями. Прокламированная законность таила фактическое беззаконие» [Verchave, 2000.]. Так родилась «Франсафрик», представляющая собой особую систему латентных связей между

бывшей метрополией и бывшими заморскими территориями, так родились сети военно-политического и экономического влияния, выстроилась совокупность лоббистских групп.

Де Голль умело воспользовался сложившейся в начале 60-х годов международной обстановкой. Начавшаяся «холодная война» позволила ему позиционировать Францию в роли буфера между США и блоком НАТО, с одной стороны, и СССР и Варшавским договором — с другой. Франция должна была выступать в роли санитарного кордона, препятствующего распространению коммунизма на африканском континенте. Беря на себя полицейские функции в Африке, Франция взамен рассчитывала на лояльное отношение к своим африканским амбициям со стороны наиболее развитых экономических держав, то есть со стороны наиболее опасных конкурентов. И страны НАТО вполне благосклонно отнеслись к этим претензиям голлистской Франции.

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ФРАНСАФРИК»

У колыбели «Франсафрик» рядом с Ш. де Голлем стояли две примечательные фигуры. Это Жак Фоккар, «господин Африка», человек, с именем которого связаны все «тайные операции французских секретных служб в Африке

в период нахождения у власти генерала де Голля и позже Жоржа Помпиду» [Жак Фоккар и французская грязная работа...]. И Феликс Уфуэ-Буаньи (будущий президент Кот д'Ивуара был в то время поверенным в иностранных делах гене-

рала), «при деятельном участии которого Франко-африканское сообщество быстро продвигалось к своему утверждению через референдум в то же время, что и Конституция, учреждающая Пятую Республику» [Дозон, б.г.]. К слову сказать, именно Ф. Уфуэ-Буаंनी еще в 1955 году ввел в политический лексикон сам термин «Франсафрик» [Франсафрика... 2010]. Однако этот идеолог французского неоколониализма вкладывал в него исключительно позитивный смысл: он подразумевал под ним систему отеческого патронажа Франции по отношению к новым суверенным государствам.

Ж. Фоккар уже в 1947 г. неофициально отвечал перед де Голлем за африканские дела. В 1952 г. «господин Африка» был кооптирован в сенатскую группу для участия в работе Французского Союза, призванного регулировать отношения между Францией и ее колониями. В 1953 г. он сопровождал де Голля в африканском турне, в ходе которого он встретился в Абиджане с Ф. Уфуэ-Буаंनी. (Вскоре они станут соратниками в деле конструирования «Франсафрик».) После возвращения Ш. де Голля к власти в 1958 г., когда уже шла война в Алжире, Ж. Фоккар был назначен генеральным секретарем по африканским и малагазийским делам.

Чуть позже, в 1960 г. по инициативе Ш. де Голля была создана некоммерческая организация под названием Служба гражданских действий — СГД (Service d'Action Civique — SAC), которая быстро «превратилась в собственное государство де Голля внутри французского государства» [Жак Фоккар и французская грязная работа...]. Лоббистские сети, которые образовали ядро СГД, сформировались вскоре после окончания Второй мировой войны. Именно тогда была создана особая Служба порядка в структуре голлистской партии Объединение французского народа — ОФН (Rassemblement du Peuple Français — RPF. Эта партия была создана Ш. де Голлем в Страсбур-

ге, в 1947 г [Andrews, Hoffmann, 1981, p.6]). Служба порядка формировалась в основном из представителей репрессивных органов и полиции. Эта структура насчитывала 16 тыс. чел. С момента создания СГД Ж. Фоккар начал использовать ее в качестве собственной секретной службы для проникновения во французские государственные органы и для осуществления «грязных трюков» во всем мире, главным образом в Африке.

Помимо СГД, организации в высшей степени сомнительной с точки зрения легальности ее деятельности, в распоряжении архитекторов «Франсафрик» оказалась и совершенно официальная структура: Служба внешней документации и контршпионажа — СВДК (Service de documentation extérieure et de contre-espionnage — SDECE), после реструктуризации в апреле 1982 года она получила название Генеральное управление внешней безопасности — ГУВБ (Direction Générale de la Sécurité Extérieure — DGSE) [Polisar, 2003, p.18]. Служба была создана в 1946 году правительством Четвертой республики и в то время напрямую подчинена премьер-министру Франции. СВДК стала основным разведывательным органом страны. Служба активно занималась добыванием политической, экономической, научно-технической и военной информации об иностранных государствах, организацией диверсионной, террористической и иной подрывной деятельности, осуществляет контрразведывательные мероприятия за границей. Это ведомство принимало активное участие в проведении спецопераций на территории Индокитая, Лаоса и Вьетнама. Уже в 1962 году Ш. де Голль переподчинил СВДК министру обороны, ограничив круг его задач только военными вопросами. (Отметим в скобках, что Ш. де Голль лично санкционировал тайные операции по поддержке националистических и сепаратистских движений в Квебеке, и тогда Ж. Фоккар напра-

вил для этой цели в Канаду нескольких агентов СВДК.) Позже, уже в 1968 году Ж. Фоккар использовал СВДК с целью перехватить контроль над нигерийской нефтью у англичан и американцев, спровоцировав восстание в богатом нефтью районе Нигерии Биафра. (Об этом будет сказано ниже.) Ж. Фоккар фактически использовал СВДК для реализации своей тайной стратегии в Африке с начала 60-х до середины 70-х годов. Это был период «барбузов» — не забавных и безобидных «агентов» из популярного сериала («Les Barbouzes») с этим смешным названием, но абсолютно реальных политических диверсантов. Как утверждает Ф.К. Вершав, «каждый глава государства находился под опекой офицера СВДК, который призван был его защищать, но мог также и способствовать

его устранению, как это было в случае с [первым президентом Того] С. Олимпио» [Verschave 2000].

В орбиту деятельности «Франсафрик» включены и иные французские спецслужбы. Управление военной разведки — УВР (Direction du renseignement militaire — DRM), несет ответственность за геноцид Руанде. Управление территориального надзора — УТН (Direction de la surveillance du territoire — DST) действовало в таких странах, как Судан, Алжир, Мавритания, Габон и Буркина-Фасо. Управление защиты и безопасности обороны — УЗБО (Direction de la Protection et de la Sécurité de la Défense — DPSSD) контролирует торговлю оружием и управляет наемниками. (Этому Ф.-К. Вершав посвятил книгу «Черное молчание» [Verschave 2007]).

СПЕЦИФИКА МЕТОДОВ «ФРАНСАФРИК»

«Франсафрик» — это некий политический феномен, который с трудом поддается определению, это с трудом поддающаяся описанию сеть неформальных политических связей между политическими, финансовыми, дипломатическими и военными деятелями Франции и африканских государств. Изначально «Франсафрик» конструировалась как латентный механизм «призванный контролировать осуществление французской неокOLONIALной стратегии» [Жак Фоккар и французская грязная работа...].

Ж. Фоккар начал с селекции глав государств — «друзей Франции», используя пропаганду, электоральные манипуляции и фальсификации и примерные наказания непокорных. Он удерживал свои «угодья» прежде всего посредством экономического контроля, особой мониторингистской политики: конвертируемость африканского франка позволяла организовывать параллельное движение денег, получать ренту от природных богатств, присваивать гуманитарную помощь и т.д. [Verschave, 2000]. Поощрение

коррупции, тайные сделки, закулисные договоренности, подкуп государственных деятелей, политические убийства, организация военных мятежей и прямое вооруженное вмешательство в дела суверенных государств — всё это стало привычным инструментарием французской тайной дипломатии на африканском континенте.

Система функционирует благодаря использованию самых разных методов. Сексуальные скандалы, которые используются как средство шантажа, уголовные преступления (трафик оружия, торговля наркотиками, отмывание денег), захват сырья и гуманитарной помощи. Когда возникает необходимость захвата природных богатств суверенных государств (нефтяных полей, тропических лесов, месторождений урана или иного стратегического сырья), в ход идут политические убийства, разжигание родоплеменных конфликтов, массовые убийства населения.

Ж. Фоккар и его агенты широко использовали военный корпоративизм,

кумовство между французской армией и рядом военных руководителей африканских государств, часто приведенных к власти агентами французских спецслужб. Используя латентные сети влияния, Париж навязал бывшим колониям целую серию военных соглашений, большей частью секретных. Когда фундаментальные интересы Франции на африканском континенте оказываются под угрозой, эта держава не останавливается перед открытым использованием военной силы. Военное вмешательство является составной частью деятельности сети «Франсафрик» в Африке. К нему прибегают тогда, когда агентурные средства, например, подкуп, политические убийства, репрессии (то, что составляет повседневную работу секретных служб) оказываются недостаточными. «Там, где одна лишь тайная грязная работа не приносит успеха, в дело вводятся вооруженные силы» [Жак Фоккар и французская грязная работа...].

Восемь африканских стран связаны с Парижем военными соглашениями, которые вплоть до 2008 г. содержали положения, позволявшие французским военным вмешаться в дела суверенных государств «для поддержания внутреннего порядка». К этим положениям апеллировали французские политики, когда нужно было защитить какого-нибудь марионеточного правителя, испытывающего «политические» трудности в собственной стране [Lasserre, 2011]. Начиная с 2008 г. эти положения были оспорены и частично отменены (что не мешает, однако, направлять «ограниченные воинские контингенты» по приглашению президентов тех или иных стран). Для выполнения жандармских функций в четырех странах Черного континента — Джибути, Сенегале, Чаде и Габоне размещены крупные французские военные базы.

Когда по каким-то причинам Елисейский дворец не хочет использовать армию для решения своих африканских

проблем, на помощь приходят наемники, или французский Иностраннный легион, за которым тянется шлейф военных преступлений. Французские законы фактически потакают тем, кто желает убивать людей за деньги. Пример — тот же Б. Денар, который, несмотря на доказанное участие, по крайней мере, в пяти государственных переворотах, спокойно умер в своей постели [Трухачев, 2008]. Незадолго до смерти он дал очень интересное интервью. На вопрос журналиста «Правда, что ни один путч нельзя было устроить без санкции французских спецслужб?» он ответил: «Так или иначе, какое-то взаимодействие со спецслужбами всегда было. Иногда связующим звеном выступал месье Ж. Фоккар... Для того чтобы бросить армию на ту или иную операцию, требовалась большая предварительная подготовка. Мой же отряд был легким и мобильным и мог выполнить ту же миссию малыми силами... На суде месье Фоккар назвал меня «честным человеком и патриотом, который служил своей стране» [Коваленко, б.г.].

Стоит отметить, также, что зачастую под видом наемников воюют солдаты французской армии. По словам министра по делам сотрудничества и кооперации Ш. Жосселена «многие наемники носят сегодня форму, которая сильно напоминает ту, которую они носили вчера... Эти парни ведут войны от нашего имени, на наши деньги не считая нужным информировать нас об этом» [Verschave 2000].

30 ноября 2000 года ассоциация «Сюрви» («Survie») организовала в Национальном собрании коллоквиум, посвященный активности французских наемников в Африке. На этом форуме известный журналист и политолог Т. Мейсан, президент независимой журналистской сети «Вольтер», убедительно доказал, что действующие сегодня организации наемников тесно связаны с французскими ультраправыми [Reseau Voltaire].

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Как справедливо отметил Ф.К.Вершав, «система «Франсафрик» функционирует благодаря тому, что главы дружественных африканских государств обратили в свою пользу отношения зависимости, сосредоточив в своих руках средства давления на лиц, принимающих решения во Франции» [Verschave 2000].

Адвокат Р. Буржи, многие годы сотрудничавший с Елисейским дворцом, в сентябре 2011 г. заявил, что он сам передавал деньги Ж. Шираку и премьер-министру Д. де Вильпену от таких «друзей Франции», как Д. Сассу-Нгессо, А. Вад, Б. Компаоре, О. Бонго, Л. Гбагбо и др. Африканские деньги шли, как правило, на предвыборные кампании французских президентов. Р. Буржи утверждает, что Ж. Ширак получил примерно 20 млн. долларов, что он лично не перевозил деньги для Н. Саркози. По его словам то же самое было и при Ж. Помпиду, В.Ж. д'Эстене и Ф. Миттеране [Jaigu, 2011]. Разоблачения адвоката официальный Париж подверг сомнению, однако помощник Л. Гбагбо, ивуариец Б. Удэн, подтвердил эту информацию, заявив, что в его случае речь шла о 3 млн евро [Bruneau, 2011]. Что касается Н. Саркози, то факт получения огромных взяток от лидеров африканских стран подтвердил Ж.-Ф. Пробст, заявивший, что «с приходом Н. Саркози ничего не изменилось» [Зубов, 2011]. Советник Ж. Ширака М. де Бонкорс поведал журналисту П. Пеану о том, что лично видел, как Р. Буржи передавал Н. Саркози чемодан с деньгами, когда

тот еще был министром внутренних дел Франции. В своей книге «Республика чемоданов» П. Пеан пишет, что в период с 1992 по 2005 г. Д. де Вильпен получил от глав ряда африканских государств около 20 млн. долларов [Péan, 2011].

В октябре 2009 г. в Париже состоялся апелляционный суд, который принял решение об отмене решения суда низшей инстанции. Незадолго до этого судья Ф. Дессе: провела расследование по делу о недвижимости, приобретенной во Франции президентами африканских стран на сумму 160 млн. евро. В деле фигурировали президенты Конго Д.С. Нгессо, Экваториальной Гвинеи Т.О. Нгема и Габона О. Бонго. Истцом стала международная организации «Международное доверие» («Transparency international»), которая утверждает, что недвижимость во Франции была приобретена фигурантами дела на государственные средства. Однако апелляционный суд решил, что правозащитная организация не может выступать истцом, так как сама не понесла никакого ущерба. Адвокат В. Бурдон заявил после рассмотрения апелляции, что «победу в суде одержали преступные сообщества, виновные в разграблении общественных средств стран Африки». По его мнению, суд восстановил «закон молчания» вокруг злоупотреблений африканских режимов: в 2007 и 2008 гг. прокуратура Парижа отклоняла жалобы, поданные против африканских президентов [Французская недвижимость...].

СЛЕДЫ «ФРАНСАФРИК» НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ

За «Франсафрик» тянется длинный шлейф преступлений, напомним лишь о самых кровавых. Это уродливое дитя рождалось в муках *алжирской войны* 1954-1962 гг. Тогдашний глава МВД и будущий президент Франции Франсуа

Миттеран санкционировал применение самых жестких методов против борцов за независимость. Война унесла жизни 300 тыс. алжирцев. В 1955 г. Франция развязывает войну в *Камеруне*, чтобы уничтожить патриотов, объединив-

шихся в Союз народов Камеруна. Лидер этого Союза — Рубен Ум Ниобе был убит французскими карателями в 1958 г. Война продолжалась до 1970 г., жертвами репрессий по разным данным стали от 100 до 400 тыс. чел. 13 января 1963 г. **в Того** французские спецслужбы спровоцировали мятеж ветеранов французской армии, во время которого первый президент Того Сильванус Олимпио был застрелен агентом «Франсафрик» у ворот посольства США, где он пытался укрыться. В 1964 г. произошел военный переворот **в Габоне**: ставленник Франции президент Леон Мба был арестован. Однако французские десантники уже через два дня вернули его в президентское кресло. Вскоре, в 1967 г. Л. Мба умирает, а его место при поддержке французов занимает вице-президент Омар Бонго. Когда в начале 1990-х гг. кресло под ним закачалось, в Габон вновь прибыли французские солдаты, чтобы поддержать «друга Франции». Убийство в Париже в 1965 году **лидера марокканской оппозиции Бен Барка** также было делом французских спецслужб. **Разжигание гражданской войны в Нигерии** в 1967-1970 гг. и поддержка сепаратистов Биафры на совести Жака Фоккара. Во время гражданской войны **в Бурунди в 1970-1972 гг.** Франция снабжала оружием путчистов из общности *тутси*, что привело к геноциду: около 200 тыс. *хуту* были убиты и не менее ста тысяч стали беженцами. В 1978 г. французский «король наемников» Боб Денар с полусотней боевиков высадился на **Коморских островах** и сверг правительство А. Суалиха (он национализировал земли французских латифундистов). В 1987 г. в **Верхней Вольте (Буркина Фасо)** был убит президент страны Томас Санкара. Путч организовал Ж. Фоккар, а исполнителем стал Блез Компаоре — марионетка Парижа. В 1989 г. Жак Фоккар подготовил вторжение наемников под предводительством известного наемника Чарльза Тейлора в **Либерию**. Жертвами развязанной ими

войны стали около 250 тыс. человек, около 2 млн. либерийцев стали беженцами. В 1990-1994 гг. французские спецслужбы разжигают **конфликт между хуту и тутси в Руанде**. За 100 дней геноцида погибли не менее 800 тыс. человек. В 1997 г. **в Конго (Браззавиле)** агентурные сети Шарля Паскуа и Жака Фоккара привели диктатора Дени Сассу-Нгессо; созданный им военный режим прибег к чудовищным репрессиям. В 1991 г. боевики из Объединенного Революционного Фронта, являвшегося дочерней структурой «Франсафрик», вторглись в **Сьерра-Леоне** из Либерии. Франция активно поддерживала наемников, поставляя им оружие. Война за либерийские алмазы продолжалась 11 лет, результатом этой бойни стали 75 000 человек. В 1997 г. Францию потряс политический скандал, получивший название «Анголагейт». Сын президента Франсуа Миттерана Жан-Кристоф, бывший министр внутренних дел Франции Шарль Паскуа и др. в 1993-1998 гг. в обход санкций ООН организовали масштабные поставки оружия **в Анголу**, где в это время шла кровопролитная гражданская война. В 1974 г. президент **Нигера** Амани Диори заявил, что его страну не устраивают предложенные Францией цены за уран и незамедлительно стал жертвой путчистов. В 1999 г. президент Мамаду Танджа предложил Парижу пересмотреть условия закупок урана и разделил участь предшественника. В 2010 г. президент **Кот-д'Ивуара** Лоран Гбагбо обвинил французские спецслужбы в организации заговора с целью отстранения его от власти. После этого французский спецназ штурмом взял президентский дворец, арестовал президента и передал его в руки вооруженной оппозиции под предводительством Алассана Уаттары. Франция инициировала вторжение НАТО **в Ливию** в марте 2011 г. и французская авиация стала ударной силой альянса в этой кровавой бойне. Соперничество с Пекином в праве закупать уран по моно-

польно низким ценам стало причиной военного вторжения Франции в *Мали* и полномасштабной войны на севере этой страны в 2013 г. Борьба за уран побудила

в 2014 г. Елисейский дворец спровоцировать межконфессиональный конфликт в *ЦАР* и использовать его как повод для военного вторжения в эту страну.

«ФРАНСАФРИК» ВЕЧНА

Вспомним: Н. Саркози накануне президентских выборов говорил о своей готовности отказаться от неприглядной политической практики «Франсафрик», перестроить отношения Франции с «черным» континентом [Гусев, 2010]. В частности, он обещал пересмотреть «чересчур снисходительное отношение к злоупотреблениям ряда диктаторов» [Франсафрика... 2010]. А потом были штурм президентского дворца Л. Гбагбо в Кот-д'Ивуаре и бомбёжки в Ливии.

13 октября 2012 года Ф. Олланд, выступая перед депутатами Национального собрания Сенегала в Дакаре, говорил о том, что впредь Париж будет дискутировать с африканскими государствами

на равных, а практика неокOLONIALИЗМА уйдёт в прошлое. «Времена того, что называли «Франсафрик», прошли» [Олланд...], — заявил он. Но военно-стратегические и экономические интересы Франции оказались весомее, нежели красоты политической риторики. Интервенция французской армии по приглашению «назначенного президента» Мали — это и есть продолжение практики «Франсафрик». Слова Ф. Олланда о том, что Франция не преследует здесь каких-то собственных интересов и направила свои войска в Мали лишь для защиты демократии, — это схоластический трюк, призванный успокоить общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

Арзаканян М. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007

Васильев А.П. Генерал де Голль и крушение французской империи // Национальные интересы. 1999. № 2 (3). С. 47

Гусев Д. Новое африканское турне Николя Саркози -http://www.rfi.fr/acturu/articles/article_5584.asp, опубликовано 24.02.2010, дата обращения — 08.06.2014

Дозон Ж-П. Франко-Африканское государство — <http://www.taospb.narod.ru/researches/dozon.htm>

Жак Фоккар и французская грязная работа — <http://www.psdp.ru/rabota-cru/zhak-fokkar-i-francuzskaya-gryaznaya-rabota>

Зубов Н. Франция продолжает «дойти» колонии в Африке — <http://www.kommersant.ru/doc/1761267> Опубликовано 19.09.2011, дата обращения: 08.06.2014

Коваленко Ю. Боб Денар: король наемников, наемник королей — <http://russian-bazaar.com/ru/content/5174.htm>, № 19 (419)., дата обращения: 08.06.2014

Конституция V Республики — http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio54/

Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1972.

Олланд: Африка — будущее мировой экономики — <http://www.vz.ru/news/2012/10/13/602344.html>

Субботин В.А. Колониальная политика Франции в Западной Африке (1880-1900). М., 1959.

Трухачев В. Наёмники — кровавое орудие Запада в Африке — <http://www.pravda.ru/world/restofworld/africa/05-02-2008/254452-naemnik-0/#>, дата обращения: 08.06.2014

“Франсафрика”: взлеты и падения — <http://ru.euronews.com/2010/07/13/sarkozy-s-french-african-rapture/> Опубликовано 13.07.2010, дата обращения: 08.06.2014

- Французская недвижимость президентов Конго, Габона и Экваториальной Гвинеи вызывает подозрения — http://www.rfi.fr/actu/articles/118/article_4512.asp
- Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. М., 1985
- Andrews W.G., Hoffmann S. The Impact of the Fifth Republic on France. State University of New York Press, 1981. P. 6
- Bruneau C. Des proches de Gbagbo confirment le récit de Bourgi — <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2011/09/11/01016-20110911ARTFIG00168-des-proches-de-gbagbo-confirment-le-recit-de-bourgi.php>, дата обращения — 08.06.2014
- Cooper T. Algerian War, 1954-1962 –By Tom Cooper (with additional details by Marc Coelich and others). Nov 12, 2003, 03:04 http://www.acig.org/artman/publish/article_354.shtml. дата обращения: 08.06.2014
- Descostes F. Au Soudan // Le correspondant. Vol. 136. Paris, 1893. P. 84.
- Gaule Ch. de. Mémoires d'Espoir. Le renouveau 1958-1962. Paris, 1970. P. 42
- Gaule Ch. de. Discours et messages. Avec Le renouveau. Mai 1958 — Muet 1962. P., 1970. P. 120-122
- Gaule Ph. de. De Gaulle mon père. V. 1. P., 2003. P. 369
- Jaigu Ch. L'affaire Bourgi laisse l'Élysée perplexe — <http://www.lefigaro.fr/politique/2011/09/12/01002-20110912ARTFIG00670-l-affaire-bourgilaisse-l-elysee-perplexe.php>
- Lasserre I. La France consolide sa présence à Djibouti — <http://www.lefigaro.fr/international/2011/12/22/01003-20111222ARTFIG00260-la-france-consolide-sa-presence-a-djibouti.php>
- Martin G. War in Algeria: The French Experience — Military Review. July-August 2005 <http://smallwarsjournal.com/documents/martin.pdf>
- Monod J.-L. Histoire de l'Afrique Occidentale. Paris, 1926.
- Péan P. La République des malles — Enquête sur la principauté française de non-droit. P., Fayard. 2011
- Polisar P. Inside France's Dgse: The General Directorate for External Security. The Rosen Publishing Group, 2003. P.18
- Poquin J.J. Les relations économiques extérieures des pays d'Afrique Noire de l'Union Française 1925-1955. P., 1955. P. 37
- Rémond R. Le retour de De Gaulle. Vol. 96 de la collection Questions au XXe siècle. Éditions Complexe, 1998.
- Reseau Voltaire — <http://www.librairie-voltairenet.org/>
- Verschave F.-X. Françafrique, le crime continue, éditions Tahin Party, 2000. — <http://survie.org/francafrique/article/la-francafrique>
- Verschave F.X. Noir silence. P., Arenes. 2007.
- Winock M. La Fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques de 1871 à 1968. Paris, Seuil, 1995

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ: PARA BELLUM?

Китинов Б. У.

*Кандидат исторических наук,
доцент Российского университета дружбы народов*

В статье рассматривается ситуация в отдельных странах и регионах Востока с точки зрения их развития в «соответствии» с «демократическими» идеями и взглядами Запада. Автор заключает, что в существующих условиях постоянно возрастающего западного давления отдельные локальные особенности обуславливают негативные сценарии, и выделяет индийский и китайский случаи как уникальные ввиду постоянной актуализации соответствующих цивилизационных (идейных) матриц.

Ключевые слова: демократия, цивилизация, ислам, Китай, Индия, Восток, Запад, политические процессы.

The article discusses the situation in some Eastern countries and regions in terms of their development «according» to the «democratic» ideas and views of the West. The author concludes that in the existing conditions of the increasing Western pressure some local peculiarities cause the negative scenarios, and highlights the Indian and Chinese cases as unique due to the constant updating of relevant civilizational (ideological) matrix.

Keywords: democracy, civilization, Islam, China, India, East, West, political processes.

Развивая концепции диалога и взаимодействия культур и цивилизаций, Запад допускает и даже приветствует внедрение в восточные общества норм и ценностей западной культуры. В традиционных культурах третьего мира «права человека было бы трудно сделать жизнеспособными и действующими без принятия и культурного внедрения одной из универсальных религий... без принятия универсалистских ценностей, которые лежат в западной науке в форме христианства и прав человека»¹, — прямо утверждает П. Козловски. К одной из таких ценностей обычно относят демократию.

Изучение демократического процесса является традиционным направлением западной политологии, особенно в либерализме. В наши дни его значение еще более возросло. По мнению политологов, либеральные нормы регулируемой политической конкуренции и

взаимного уважения могут способствовать развитию демократического мира и стабильных политических процессов, однако сам факт наличия избирательных институтов не является достаточным для гарантии мира². Необходимо не только укрепление демократии, но также восприятие либеральных ценностей и норм элитой и общественностью, что якобы в целом будет иметь позитивное значение³; Ф. Закария уже обращал внимание на увеличение числа стран с нелиберальной демократией⁴. Ученые соглашались с восприятием на Востоке западных выборных институтов как порождения чуждой цивилизации, однако полагают возможным различать, или, вернее, не сводить цивилизацию (понимаемую ими как «современная») к отдельным проявлениям христианства. Процесс воздействия западных политических институтов на региональные политические процессы, цивилизации и

культуры по-прежнему является предметом изучения⁵.

В Китае можно наблюдать своеобразное преломление демократии в условиях китайской специфики. И.Л. Фадеева отмечает: «Опыт развития ряда стран Дальнего Востока, в их числе так называемых “азиатских тигров”, доказывает, что модернизация и успешное экономическое развитие возможны без демократии, но невозможны без активных собственных усилий в развитии и применении новейших технологий»⁶. На примере Китая мы наблюдаем демократию особого рода: здесь она сочетается с национализмом, который культивируется на базе конфуцианства, традиционной для этой страны мировоззренческой системы. Актуализация учения Конфуция и даже его продвижение в иные страны позволяет дефинировать конфуцианство как действенный аналог идеологии КПК, преодолевающим концептуальный дуализм между современной идеологией Китая с его прошлыми идеологическими системами⁷. Таким образом, китайский национализм получает вполне легитимное оправдание для своего существования и деятельности. Кроме того, это — инструмент нивелирования влияния западной культуры и цивилизации на Поднебесную. Подъем культурных и цивилизационных матриц под государственным руководством, который наблюдается в Китае и вообще на Востоке, специалистами именуется не иначе как «культурной войной» против Запада⁸.

По словам М. Ганди, индийская культура — это ни индусская, ни мусульманская, ни какая иная. Это сплав всего⁹. Индийское политическое сознание развивалось в течение всего периода английского правления. Из среды местной интеллигенции вышли такие известные политики, как Рамеш Ч. Датт, Бал Г. Тилак, М. Ганди, Дж. Неру и другие. Их основной целью был сварадж — достижение независимости, и все политические

идеи были подчинены реализации этой цели. Коммунистические взгляды стали внедряться в индийскую политику с 20-х годов XX века. Индийские ученые отмечают, что идеи (в т.ч. коммунистические), порожденные в западной философии, проявились в Индии в концепциях борьбы, детерминированности и силы духа, дали агрессивные, нетолерантные формы национализма, и были преодолены альтернативными концепциями гандийской политики ненасилия, буддизма Амбедкара и развития идеологии индийского государства в 50-60-х годах XX века¹⁰.

Современная индийская демократическая система, безусловно, не является порождением индийской цивилизации, но есть продукт взаимодействия с западной культурой и цивилизацией, причем такого взаимодействия, где английская колониальная часть их истории была лишь посредническим звеном для восприятия различных западных идей. Согласно Ш. Эйзенштадту, безусловные цивилизационные ограничения сказались на сложении в Индии государства, где мог сформироваться абсолютизм. Однако понятие о государстве как особой отдельной единице здесь не получило развития¹¹. При этом значительную помощь Индии, по мнению Ш. Эйзенштадта, оказала исторически обусловленная толерантность индийского общества, позволившая ему консолидировать демократические институты в постколониальный период. С такой точкой зрения согласуется и мнение Р. Кумара, указавшего на важность традиций децентрализации власти и значение локального управления. Надо также отметить специфику политического развития Индии в первой половине XX века, когда ее попытки объединить ряд государств Азии были детерминированы цивилизационным прошлым (Р. Тагор и его призыв к ревитализации духовного наследия Востока под эгидой Индии)¹². Таким образом, и Китай,

и Индия нашли возможности для адаптации демократического вызова Запада, прежде всего, в своих цивилизационных матрицах. Видимо, следует отдельно выделить в политических процессах миротворческий потенциал конфуцианства и индуизма; такой же потенциал оказался ограниченным при взаимодействии двух родственных религиозных культур: христианства и ислама.

В 90-х годах прошлого века как среди реалистов, так и в среде либералистов было широко распространенным мнение о несомненно положительном влиянии демократии и гражданского общества на исламский Восток. Так, М. Мидларски допускал особую форму демократии для исламских сообществ¹³. Ставилась задача достижения необходимого уровня демократии в какой-либо ведущей исламской стране, что приведет к позитивной цепной реакции в соответствующей цивилизации: «в основном демократическое (выделено мной — Б.К.) государство, действуя в качестве гибкого гегемона, может умиротворить отношения внутри своей цивилизации»¹⁴.

Необходимость распространения «демократии», «прав человека», «современной цивилизации» утверждалась, исходя из возможности «распространения демократии на новых глобальных уровнях власти путем увеличения роли глобального гражданского общества»¹⁵. Своеобразное понимание свободы как аналога демократии излагали А. Негри и М. Хардт: «...множества посредством номадического движения в пространстве заново завоевывают его и утверждают себя в качестве активного субъекта... Это движение оплачивается иной раз ужасным страданием, но в нем проявляется и желание свободы, не удовлетворимое иначе, как через освоение новых пространств, вокруг которых созидаются новые свободы»¹⁶.

Однако именно фактор демократии позволил С. Хантингтону обнару-

жить опасность для Запада со стороны исламских государств, поскольку основные различия между этими двумя культурами пролегают в области источника легитимности власти — народное волеизлияние или сила Писания и религиозной власти; эти препятствия он считает в значительной степени непреодолимыми. Вместе с тем, в случае, если исламские общества станут более демократичными, разделение между Западом и исламом перестанет быть таким острым; то же самое он относит к Китаю и китайской цивилизации. С таким подходом согласны и другие представители реализма: «Менее демократические государства... наиболее сильно влияют на опасность межгосударственного насилия: чем более демократично государство, тем более оно будет ограничено от участия в конфликте»¹⁷. Следовательно, демократия понималась как основа для ведения диалога.

События начала нового века скорректировали мнения ученых. С одной стороны, демократия продолжает признаваться важной компонентой современности. В частности, отмечается, что во взаимоотношениях Востока и Запада «включение требований по демократизации — это хороший показатель того, насколько взаимодействующие государства готовы перейти к структурному сотрудничеству»¹⁸. С другой стороны, есть и иные мнения. Ф. Каваторта считает, что стратегия развития демократии, основанная на становлении гражданского общества, в частности, в странах Среднего Востока, потерпела неудачу¹⁹. Она пришла к такому выводу, изучив как литературу, посвященную теоретическим вопросам развития демократии в исламских государствах, так и достигнутые практические результаты.

Джеймс Вулси, экс-директор Центрального разведывательного управления США, отмечал, что нет никакой основополагающей несовместимости между исламом и демократией. Упомя-

нув, что в регионе Ближнего Востока два десятка арабских стран имеют недемократические режимы²⁰, он выделяет отдельно Иран: «В Иране имеет место обрушение идеологических верований, подобное тому, что наблюдалось в советской империи в 1980-х годах. Идеология шиитской теократии рассыпается». Как основополагающий критерий для определения сущности противника, он выдвигает конфессиональный признак: «Победа в этой мировой войне будет зависеть не только от нашего умения в бою и нашей эффективности в деле ликвидации террористических ячеек. Она будет зависеть от нашей способности оторвать как можно больше наших потенциальных сторонников от наших главных тоталитарных врагов: исламистов суннитского толка («Аль-Каиды», ее попутчиков и финансистов), шиитских исламистов (тегеранских мулл, «Хезболлы»)»²¹. Однако представителей радикального ислама вопрос наличия или отсутствия сторонников (массовость — один из основных показателей демократии) не беспокоит. Теоретик египетской радикальной группы «Джихад» Мохаммад аль-Фарадж говорил: «Сила — единственный путь к возрождению ислама. Мы отвергаем идею о том, что можно реформировать систему, добиваясь должностей в правительстве. Мы отвергаем также идею о возможности достижения широкой народной поддержки путем пропаганды ислама в целях создания исламского государства»²². Даже после демократического избрания в конце июня 2012 г. президентом представителя исламистов Мухаммеда Мурси ситуация в стране была неоднозначна: по мнению известного российского политолога Г.И. Мирского, если «власть будет поделена между военными и хотя бы умеренными исламистами, то увидим, что кроме высшей верхушки, существовавшей возле Мубарака, остальные остались при своих интере-

сах»²³. Он также отмечал роль США в развитии ситуации: «военная верхушка Египта, воспитанная и финансируемая американцами... это те силы, на которые США рассчитывают опереться»²⁴. Противостояние между исламистами и военными получило логичное завершение летом 2013 г., когда в результате военного переворота М. Мурси был смещен и взят под арест, а после выборов в конце мая 2014 г., когда страну возглавил представитель военных, бывший министр обороны генерал Абдул-Фаттах аль-Сиси, исламисты вновь подверглись преследованиям и казням²⁵.

Таким образом, современные политические процессы в различных (незападных) регионах мира подтверждают, что Запад использует (в целом эффективно) в продвижении своих ценностей два рычага: первый — это культура, цивилизация (в единственном числе — как модернизм) при противостоянии с отдельными (исламистскими) группировками и даже группами стран, и второй — это демократия, как особая характерная черта современности.

Цивилизационные и демократические траектории развития стран Востока побуждают западных ученых изучать их вероятное будущее: проблемы независимости, автономии, сосуществования в союзах, особенно с точки зрения дальнейших общемировых торговых и финансовых трендов, политических и иных процессов. В одних научных работах авторы, моделируя будущее той или иной страны или группы стран, стараются проводить различие между независимостью государства и его территориальным суверенитетом²⁶, в других излагаются готовые варианты раздела и перекройки существующих государств и границ. Между тем, территориальный вопрос, споры о принадлежности тех или иных земель отдельному государству или народам — один из наиболее болезненных вопросов в межгосударственных отношениях, склонный при-

вести к боевым действиям, что обычно и имеет место²⁷.

Одна из специфик современной политической ситуации заключается в том, что отдельные политики и ученые проектируют особые карты, где помечаются границы и зоны влияния не только экономических, административных, политических и иных процессов и явлений, но также религий и цивилизаций, с сознательным искажением существующей действительности. Как следствие, эти новоявленные фронтиры цивилизационно-религиозных или административных ойкумен априори формируют некий виртуальный региональный (цивилизационный) мир, который предполагается материализовать. В ряде случаев эта вымышленная «ментальная карта», не совпадающая с реалиями, приводит вначале к неясным, а затем и к реальным потерям для «забытой», или «потесненной», локальной цивилизации или даже страны, вплоть до их полного исчезновения. Подобная деятельность, по крайней мере, может быть тем «полезна» для акторов, что позволяет исподволь формировать необходимую степень податливости местного населения, его готовность к грядущим переменам, хотя их и можно было бы избежать или преодолеть. Примером подобного рода виртуально-реальной географии, вернее, образной геополитики, может служить карта вероятного в будущем так называемого Большого Среднего (Ближнего) Востока²⁸.

По-разному в свое время отреагировали в этом регионе на статью американского политолога, бывшего военного специалиста Р. Петерса «Как нам преобразовать Ближний Восток», опубликованную в авторитетном военном журнале «Armed Forces Journal»²⁹. Она стала своего рода «бальзамом» для повстанцев, в частности курдов, уже не одно столетие борющихся за создание собственного независимого государства; практически все государства региона

осудили этот материал как грубейшее вмешательство во внутренние дела упомянутых в нем стран. Согласно Р. Петерсу, Ирак предполагается разделить на как минимум три новых государства: собственно Ирак («Суннитский Ирак»), Арабское шиитское государство и Независимый Курдистан. То, что часть земель должны потерять Иран, Иордания и Сирия, также подразумевается. Некоторое удивление вызывает та часть плана, где затрагивается изменение государственных границ такого важного союзника США, как Саудовская Аравия. На ее территории планируется создать особое священное исламское государство, куда войдут Мекка с Мединой, что-то должно отойти шиитскому арабскому государству. Кроме того, предполагается крупным новым независимым государством объявить Белуджистан, собранный из части земель Пакистана, Ирана и Афганистана. Прикладной характер этого материала очевиден — происходит моделирование особых геопространственных символов, понятий, которые нацелены на кардинальное изменение границ этой огромной территории, куда Р. Петерс включает и Каспийский регион.

Современное развитие ситуации на Среднем Востоке показывает, что идея исподволь формирует реальность³⁰. В июне 2014 г. боевики группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), воевавшие в Сирии, возглавили наступление на северо-западные районы Ирака, и захватили несколько городов Ирака и территории на границе с Сирией и Иорданией. 29 июня ИГИЛ объявила о создании «исламского халифата» на подконтрольных им территориях, избрав халифом своего лидера Абдалла Ибрагим ас-Самараи. В этих условиях руководители Курдистана вновь заявили о необходимости достижения независимости от Багдада, и видимо, получили поддержку своим намерениям от западных лидеров. Так, 24 июня

Эрбиль, столицу Иракского Курдистана, посетил госсекретарь США Джон Керри, а 27 июня туда прибыл министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг³¹.

Сложно даже предположить, что американские «прогностические предсказания» на развитие ситуации в этом сложном регионе исходят из беспристрастных взглядов. В них проявлена все та же западная политическая культура, ставящая целью поддержание самой себя, оптимизирующая под себя окружающий мир. Известный американский историк Р. Хофстадтер еще в конце 40-х годов прошлого века давал точную оценку подобным структурам: «Общества, которые находятся в таком хорошем рабочем состоянии, отличаются органической устойчивой невосприимчивостью к социальной критике. Они не способствуют рождению идей, враждебных их фундаментальным рабочим механизмам... Поэтому круг идей, которые с удобством для себя могут воспринять практические политики, обычно ограничивается существующим мнением, поддерживающим свою культуру»³².

Возможное развитие ситуации по Р. Петерсу можно определить как один из наиболее «удачных» проектов по реализации теории С. Хантингтона; очарованные положениями его теории, ученые-обществоведы полагали, что для изучения политической ситуации и определения тенденций и перспектив политических процессов ее развития достаточно обладать определенным набором данных. Однако такой архимедов подход («Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир») в принципе неверен, поскольку при подобных математических расчетах за пределами внимания оказываются ментальная, в том числе психическая сфера, многовековой опыт, какие-то тонкие понятия и процессы социального плана, которые не поддаются физическим вычислениям. Как отмечает И. Семененко, не только рацио-

нальная, но и эмоциональная составные поведения человека, психологические мотивы влияют на политические процессы³³. Развитие современных методов производства знания (для осознания текущих процессов и прогнозирования, либо для насаждения ложных взглядов), свидетельствует о том, что их (гео)политический контекст призван ограничить влияние религиозных, цивилизационных или даже собственно политических начал и парадигм.

На текущем витке истории такими специалистами, как Р. Петерс, предпочтение отдается, по крайней мере, комбинациям этих парадигм, с тем, чтобы они, преобразованные в новые «культурные» «про-демократические» паттерны, свое дальнейшее развитие (в виде обусловленных матриц политики, моделей экономики) строили согласно уже разработанным алгоритмам. С.Ф. Старр, руководитель Института по изучению Центральной Азии и Кавказа (Университет Дж. Хопкинса), отмечает, что для США сейчас существует уникальная возможность трансформации Афганистана и всей Центральной Азии (куда он относит и страны Каспийского региона) в систему государств, находящихся в хороших отношениях с США; принципиально важным становится создание регионального партнерства для планирования, координации и внедрения множества американских программ³⁴. Прежние попытки реализации различных программ имели определенные результаты, но зачастую не те, на которые рассчитывали западные политологи³⁵.

В частности, одним из таких последствий был т.н. «консервативный модернизм», предполагающий ограниченное восприятие достижений западной цивилизации восточными сообществами. К. Джаясурия выводит четыре сущностные характеристики «консервативного модернизма»: первое — внедрение новейших технологий и тесная интеграция

в мировую экономику; второе — окультуривание экономики, экономико-общинных отношений, поскольку это дополнительно стимулирует дисциплину, повышает качество труда; третье — ориентация на достижение заявленных целей в ближайшем будущем, причем цели должны способствовать сохранению и дальнейшему развитию базовых норм, представлений и ценностей; для четвертой характеристики сущностное значение имеет понятие «антиполитика», под которым скрывается желание элиты иметь мощное государство и развитый рынок без политического плюрализма³⁶. Выводы К. Джаясурии в той или иной мере могут быть отнесены ко многим странам Востока, поскольку они отражают основные положения компромисса, достигнутого между региональными элитами и широкими слоями общества.

Таким образом, попытки западных политологов и политиков обнаружить демократическую основу в текущих политических процессах в странах Востока следует понимать как одно из проявлений понимания и критического отношения к постмодернистскому состоянию современного мира. Важным условием становится акцентация институциональных основ цивилизационной идентичности: культуры и духовности, особенно когда последнее находится под

воздействием законов экономики. Концепции «диалога» и «взаимодействия» цивилизаций акцентировали специфику преломления западных ценностей в условиях восточных обществ (Китай и Индия); трудности адаптации обусловили не только формирование локальных региональных специфических форм демократии, но и спровоцировали масштабные насильственные действия и акции. Особые условия, характеризующие средневосточный регион, определили долговременный кризис локальных политических культур и цивилизаций, в частности исламской; вместе с тем, они мотивируют необходимость формирования иногда единой (египетская), иногда вариативных (шиитская, суннитская) форм реагирования на вызовы Запада. Текущие события каузируют формирование т.н. «ментальной карты», потенциально способной деформировать не только границы государств, но и идентичности индивидов и обществ. В существующих условиях различные методы резистенции восточными обществами новшеств дефинируют популярность «консервативного модернизма» и близких к нему мнений и учений как созвучного с идеологией современных государств Востока и с их культурными основаниями, влияющими на формирование соответствующих политических процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Козловски, Петер. Культура постмодерна. М.: Республика. 1997, с.207.
- 2 *Authoritarian Legacies and Democracy in Latin America and Southern Europe*. Edited by Katherine Hite and Paola Cesarini. University of Notre Dame Press, 2004; Brian McNair. *An Introduction to Political Communication*. Routledge, 2011; Money, Corruption, and Political Competition in Established and Emerging Democracies. Ed. by Jonathan Mendilow. Lexington books, 2012.
- 3 Owen, John M. *How Liberalism Produces Democratic Peace*// *International Security*. 1994. 19(2): 87-125; М. Кулик и К.-Х. Нассмахер уверены, что страны с современной экономикой тратят на демократию меньше средств, чем страны с менее современной экономикой: Money, Corruption, and Political Competition in Established and Emerging Democracies. Ed. by Jonathan Mendilow. Lexington books, 2012, p. 22.
- 4 Zakaria, Fareed. *The Rise of Illiberal Democracies*// *Foreign Affairs*. 1997. 76(6): 22-43.

- 5 А. Малашенко считает процесс демократизации мусульманского мира американским проектом: Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006, с. 189-197. Ф. Фукуяма уверен, что западные системы демократического устройства дадут катастрофические результаты, если будут перенесены в страны с другой социальной структурой и политической культурой: F. Fukuyama. Do Defective Institutions Explain the Development Gap between the United States and Latin America? Oxford University press, 2008, p. 210. URL: http://www.uca.edu.ar/uca/common/grupo83/files/Material_-_Cap-tulo_8_-Fukuyama_Development_Gap_Latin_America_-_United_States.pdf
- 6 Фадеева И.Л. Расколото общество: представления о демократии политических лидеров стран Ближнего и Среднего Востока// Мусульманские страны у границ СНГ. М.: ИВРАН-Крафт+, 2002, с.136.
- 7 Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: URSS, 2007, с. 223-224.
- 8 Hu Jintao's cultural war against the West (and Christianity). 01.02.2012. URL: [http://www.asianews.it/news-en/Hu-Jintao's-cultural-war-against-the-West-\(and-Christianity\)-23588.html](http://www.asianews.it/news-en/Hu-Jintao's-cultural-war-against-the-West-(and-Christianity)-23588.html); Iran's War Against Western Culture: Never Ending, Always Losing. 11.12.2011. URL: www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/tehranbureau/2011/12/media-the-regimes-war-against-western-culture-never-ending-always-losing.html#ixzz37RbvqTDR
- 9 Political ideas in modern India: thematic explorations. Ed. by V.R. Mehta and Thomas Pantham. Sage Publications India Pvt Ltd. 2006, p.XXVII.
- 10 Palshikar, Sanjay. Virtue, Vice and the Origins of Militant Nationalist Thought in Western India// Political ideas in modern India: thematic explorations. Ed. by V.R. Mehta and Thomas Pantham. Sage Publications India Pvt Ltd. 2006, p.26-45.
- 11 Eisenstadt, S. N. Japanese civilization. A Comparative View. Chicago University Press. 1996, p.409.
- 12 Прошедшие в мае 2014 г. парламентские выборы, где победили националисты во главе с Бхаратия джаната парти, показали не только усталость населения от либерализма ИНК, но и ожидание позитивных перемен от ревитализации традиционализма и сопутствующих ему трендов. Таким образом, западные формы демократии в Индии поспособствовали росту идей местного национализма.
- 13 Midlarsky, Manus. Democracy and Islam: Implications for Civilizational Conflict and the Democratic Peace// International Studies Quarterly, 1998, 42(3): 485-511.
- 14 Russett, Bruce; Oneal John R., Cox, Michalene. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Deja Vu? Some Evidence// Journal of Peace Research, 2000, 37(5): 599.
- 15 Coleman W.D.; Porter T. International institutions, globalization and democracy: assessing the challenges// Global Society. 2000. 14(3): 377.
- 16 Hardt, Michael; Negri, Antonio. Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000, p.397.
- 17 Russett, Bruce; Oneal John R., Cox, Michalene. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Deja Vu? Some Evidence// Journal of Peace Research, 2000, 37(5): 593.
- 18 Duc C., Granger C., Siroen J.M. Commerce et Preferences. Les Effets d'une Clause Democratique// Revue Economique. 2007, 5: 1072.
- 19 Cavatorta F. A Clash of Civilizations inside the MENA Countries? Islamist versus Secular Civil Society and the Failure of Pro-democracy Policies// Clash or Cooperation of Civilizations? Overlapping Integration and Identities. Ed. by W. Zank. Farnham: Ashgate, 2009, p.29.
- 20 Хотя со времени издания статьи Дж. Вулси произошли значительные изменения в части смены ряда правящих режимов этого региона, все же локальные общества еще далеки от тех форм демократии, какие были предложены Западом.
- 21 Вулси Д. Долгая война// The Wall Street Journal. 16.04.2003, № 72. URL: <http://www.day.kiev.ua/18439/>
- 22 Дано по: Фадеева И.Л. Расколото общество: представления о демократии политических лидеров стран Ближнего и Среднего Востока// Мусульманские страны у границ СНГ. М.: ИВРАН-Крафт+, 2002, с.127.
- 23 Про «оттепель» в жарких странах// Независимая газета. 26.06.2012.
- 24 Горючая смесь веры и политики// НГ-Религии. 06.06.2012.

- 25 Смертный приговор исламистам расколел египетское общество. URL: <http://ru.euronews.com/2014/06/21/court-condemns-muslim-brotherhood-leader-and-islamist-followers-to-death/>
- 26 Spruyt Hendrik. The Origin, Development, and Possible Decline of the Modern State// Annual Review of Political Science. June, 2002. Vol.5: 127-149.
- 27 Vasquez John, Leskiw Christopher S. The Origins and War Proneness of Interstate Rivalries// Annual Review of Political Science. June, 2001. Vol.4: 295-316.
- 28 Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации. М., 2007.
- 29 Peters R. Blood borders. How a Better Middle East Would Look// Armed Forces Journal. 2006. № 6. June. URL: <http://www.armedforcesjournal.com/blood-borders/>
- 30 Примерно то же можно отметить и в отношении теории «гуманитарной интервенции», которая начала разрабатываться западными специалистами еще с 70-х гг. прошлого века, и была практически апробирована с начала 1990-х гг.
- 31 Курды в Ираке: новый ход на шахматной доске Ближнего Востока. URL: http://ria.ru/cj_news/20140708/1015147862.html#14050889608584&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration
- 32 Дано по: Формизано Роналд П. Понятие политической культуры// Pro et contra. Лето 2002. Т. 7. № 3: 126.
- 33 Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки// Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011, с. 8-9.
- 34 Starr, S. Frederick. A Partnership for Central Asia// Foreign Affairs. July-August. 2005, 84 (4).
- 35 Например, образование различных структур на основе идеи БРИКС.
- 36 Jayasuriya K. Understanding "Asian values" as a form of reactionary modernization // Contemporary politics. Abingdon, 1998, 4 (1): 87.

«ДЕМОКРАТИИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ» В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: МЕСТО ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Шитова Е.

Аспирантка ИЛА РАН

Существует разрыв между формальными демократическими институтами и культурными, историческими, ценностными традициями, утвердившимися в определенных странах/ социуме исторически.

Явление демократий, соответствующим формальным, процедурным признакам, но вызывающих сомнение по поводу своей демократической сущности, породило и новые концепты для описания происходящих изменений, в совокупности называемые «демократии с прилагательными».

В настоящее время в дискурсе задействовано более 60 стран, наиболее развернутое обсуждение ведется на примере стран Латинской Америки.

В данной статье объясняется концепт «демократии с прилагательными» [1], показано, в каком поле существует данное понятие, описаны основные этапы его становления, обозначены проблемные области, которые затронуты дискурсом о демократии, показаны графически страны, которые данным дискурсом охвачены, и стратегии авторов концептов.

Ключевые слова: «Демократии с прилагательными», демократизация, Латинская Америка, региональное распределение «демократий с прилагательными», политический режим

There is a gap between formal democratic institutes and cultural, historical, traditional values in some countries/ societies. The phenomenon of democracies that meet the formal and procedural grounds, but raising doubts about its democratic nature, generated new concepts to describe the changes taking place, collectively called 'democracies with adjectives'.

Presently the discourse involves more than 60 countries. The most detailed discussion there is on case of the countries of Latin America.

The article explains the concept 'democracies with adjectives', indicates in which field exists this concept, describes the main stages of its formation, marks the problem areas that are under consideration by the discourse of democracy, shows graphically the countries that are covered by this discourse, and the strategies of the authors of the concepts.

Keywords: 'democracy with adjectives', democratization, Latin America, regional dimension of 'democracy with adjectives', political regime

.....

Сегодня согласно Freedom House 123 из 197 стран являются демократическими [2]. Критерий — наличие в стране соревновательных многопартийных выборов. Однако, что происходит после выборов в формально демократических странах? И действительно ли данные страны можно считать таковыми в понимании западной либеральной демократии.

В настоящее время существует большое количество определений демократии. Однако современная политическая наука не выработала единой концепции демократии и процесса демократизации. Валлерстайн утверждает, что демократия превратилась в общепринятый слоган,

лишенный какого-либо содержания [3]. И это не удивительно: в настоящее время быть демократией выгодно, если не сказать модно. Демократия декларируется большинством правящих режимов единственно приемлемой формой правления. Никто не признает себя открыто диктатурой авторитарного типа. Еще больше ситуация осложняется отсутствием единого аппарата исследования демократий разного типа. Большинство единых индексов исходят из минимального набора характеристик для определения наличия демократии. Из-за этого многие оттенки просто остаются утерянными. Исследователи также создают огромное

количество концептов, описывающих состояние демократий в мире. Отсутствие единого представления о демократии порождает огромное количество разнообразных концептов, пытающихся описать явление с разных сторон. Данное явление привлекло внимание исследователей еще в конце 80-х гг. XX века. И до сих пор описание всевозможных полу-, псевдо-, недо- демократий сегодня более чем востребовано: с каждым годом новых концептов становится все больше.

Особую почву для появления новых концептов дает незавершенность демократического транзита в ряде стран «третьей волны»[4] демократизации и постсоветского пространства. В первую очередь это характеризуется тем, что формальные демократические институты подменяются неформальными демократическими практиками. Причина этого — отличие культуры, психологии населения и ценностей в данных странах

от западных: имплантированные демократические практики не способны прижиться в политической культуре стран «третьей волны» (а теперь уже и постсоветского пространства и др.). Происходит разрыв между формальными демократическими институтами, которые трансплантировались с западных образцов демократии в страны «третьей волны» и культурными, историческими, ценностными традициями, утвердившимися в данном обществе исторически[5]: ценности и культура в данных странах отличны от западных, в то время как институты должны быть встроены в политическую культуру. В результате демократические институты отторгаются, а в реальности действуют старые недемократические практики (феодалные, номенклатурные и т.д.), которые опираются на более широкое основание в виде культурных традиций и ценностей, утвердившихся в данном обществе.

ПОЯВЛЕНИЕ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОНЯТИЯ «ДЕМОКРАТИИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ»

1980-е гг. XX века породили по настоящему эйфорию в рядах транзитологов. Политические процессы в Бразилии и других странах Латинской Америки, изменения, происходящие в Советском Союзе, давали надежду на то, что модель либеральной демократии победила как идеология и приход к ней остальных стран — это вопрос времени. Однако по прошествии двух десятилетий с уверенностью можно сказать, что восторги транзитологов были преждевременными: большинство стран (за редким исключением) вышло из точки А, но так и не пришло в точку Б. В ряде стран демократический транзит эмпирически ненаблюдаем — нет перехода к консолидированной демократии[6]. Есть не транзит, а трансформация: изменение режима с неясным исходом (от одного недемократического состояния к другому недемократическому состоянию)[7].

Данные изменения политического режима в странах с неконсолидированной демократией породили новый режим — гибридный — который уже нельзя назвать в полной мере авторитарным, но в то же время нельзя причислить и к демократическому. Поэтому режимы некоторых стран “третьей волны демократизации”, постсоветского пространства и др. находятся где-то между демократическими и авторитарными. Такие режимы являются скорее “гибридными”. Данный феномен вызвал интерес большого числа ученых: практически каждый кейс гибридного режима получил собственное название, а также разные подходы к тому, как анализировать данные режимы и как их называть.

С одной стороны, есть демократия и ее описание (разные концепты). С другой стороны, есть авторитаризм. Одни говорят, что в странах третьей волны никакой

транзит не завершился, и они находятся в авторитарной стадии, только у них особого рода авторитаризм. И придумывают различные названия: новый, мягкий, корпоративный, государственный, капиталистический[8]. Другие говорят про что-то посередине. Придумывают различные гибридные режимы без упоминания слов «демократия» и авторитаризм (Зудин А.: полицентризм — моноцентризм[9]; Холлдовский К.: плебисцитарно-бюрократический[10]). А третьи говорят, что в данном конкретном случае наблюдается демократия, но особого рода: неконсолидированная — и придумывают также свои определения (Петров, Липман — сверхуправляемая демократия[11]; Сурков — суверенная демократия[12], Третьяков — управляемая демократия[13], O'Donnell — *delegative*[14] и т.д.).

Однако наиболее распространенным в литературе решением данной исследовательской проблемы является производство новых концептов со словом «демократия» (так называемые демократии с прилагательными)[15].

Одними из первых обратили внимание на новое явление — демократии, обладающие какими-то дополнительными признаками — американские исследователи Дэвид Кольер и Стефан Левитски в своей работе «Демократия с прилагательными: концептуальная инновация в компаративистике»[16], написанной в 1996. В своей работе они впервые обозначили примерное число всех демократий с прилагательными, насчитав более 500 моделей. Однако подробного списка ими составлено не было, а обозначенные 500 моделей включали как развитые демократии (например, парламентские, двухпартийные), так и проблемные (фасадные, псевдо и т.д.). Они также выделили пять концептуальных рамок для работы с демократиями (от выборного минимума до максимальной концептуализации) и определили области применения концептов к данным рамкам. Они же выделили подтипы «diminished»

демократий, которые отличались от первого типа каким-то одним утерянным признаком и создали классификацию для них: недемократический режим, электоральный, процедурный минимум, расширенный процедурный минимум. Кольер и Левитский впервые попробовали выделить концепты из работ, описывающих новые состояния демократии. Работа Кольера и Левитски практически единственная, сосредоточенная именно на исследовании демократий с прилагательными. В дальнейшем исследовании проводились по смежным направлениям, часто пересекаясь. К таким направлениям можно отнести работы по гибридным режимам (часть про демократии) и дефектным демократиям.

Также были проведены исследования гибридных режимов и места демократий с прилагательными в них. В данном исследовательском направлении были написаны работы Амичаи Магена и Леонардо Морлино[17], Лэрри Даймонда[18], Матиаса Богардса[19]. Первым обратил внимание на гибридные режимы Лэрри Даймонд. Он обозначил такое явление как «псевдodemократия». Формально институты и процедуры могут быть демократическими. Однако на деле некоторые признаки демократии очень трудно проверить на функциональность. Наличие многопартийных выборов с небольшим элементом соревновательности не может быть гарантией демократии. Авторитаризм также может быть «электоральным». Даймонд разводит в своем исследовании понятия «электоральная демократия» и «электоральный авторитаризм». Принадлежность к демократии определяется наличием свобод, включенности и подотчетности. Псевдodemократию демократией как таковой, даже с натяжкой, не считает.

Леонардо Морлино и Амичаи Маген также помещали гибридные режимы между электоральным авторитаризмом и электоральной демократией, и говорили об их двусмысленном положении.

Они обратили внимание на то, что гибридное состояние может затянуться надолго и стать стабильным, что процесс демократизации — это не движение в одном направлении, «демократии с прилагательными» способны стать реальностью, а не транзитом.

Матис Богардс также пытается классифицировать гибридные режимы, существующие в поле между авторитарными и демократическими. Он говорит о качестве демократии, а не об отсутствии каких-либо признаков и обозначает пространство между электоральным авторитаризмом и дефектными демократиями. Богардс не дает точного числа дефектных демократий. В его исследовании дефектные демократии практически синонимичны демократиям с прилагательными проблемного типа.

Отдельную группу составляют авторы, которые сосредоточились на исследовании дефектных демократий как особого подтипа демократий с прилагательными проблемного типа. В данном направлении практически в одно время работали Юрген Пуле[20], Вольфганг Меркель[21]. Вольфганг Меркель сначала рассматривает концепт «встроенной» демократии, для которой выделяет несколько измерений: вертикальной легитимности, политических прав, либера-

лизма и верховенства закона (права человека и горизонтальная подотчетность), эффективный контроль повестки дня. В зависимости от нарушений в одном из измерений он выделяет типы дефектов в демократии. Всего дефектных демократий, как и измерений, которым они соответствуют, четыре: эксклюзивная, доминирующая (доминирование невыборных корпоративных субъектов), нелиберальная, делегативная. Дефектные демократии по Меркелю нетранзитны и могут существовать на протяжении длительного времени благодаря поддержке как со стороны политической элиты, так и со стороны «среды». Пуле также акцентирует свое внимание на качестве демократии. Он практически повторяет исследование Меркеля. Новизна в исследовании Пуля — таблица распределения стран по типам дефектных демократий.

Еще одно исследование посвящено концептуализации и измерению демократий. Мунк и Веркуйлен[22] предложили проводить исследование демократического развития в три этапа: концептуализация, измерение, агрегация. На уровне концептуализации происходит идентификация признаков (выделение и обозначение), а потом их вертикальная организация. Получается иерархия признаков.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «ДЕМОКРАТИЙ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ»

Наибольший толчок для развития теории демократии дала «третья волна» демократизации. Она стала настоящим вызовом для исследователей, особенно к началу 1990-х, когда стало понятно, что западные либеральные демократии не обязательно «конечная точка» на демократическом пути, но только один из множества вариантов развития, не всегда демократического. Формально, да и фактически, ряд стран перестали быть авторитарными. Однако они и не стали демократическими в «идеальном» понимании демократии в ее максимальном

определении. Концепт «демократия» обрел новые характеристики: не смотря на то, что новые национальные политические режимы в Латинской Америке, Африке, Азии и на постсоветском пространстве обладают важными атрибутами демократии, многие из них существенно отличаются от демократий в развитых индустриальных странах: их нельзя считать полностью состоявшимися, полными демократиями. Усложнение представления о демократии породило большое количество всевозможных концептов, описывающих разные ее виды.

Всего в настоящее время существует более 500 видов демократий с прилагательными, т.е. больше, чем существует стран[23].

В зависимости от степени реализации декларируемых принципов на практике выделялось огромное количество разновидностей демократий («демократии с прилагательными»), которые можно объединить в три группы[24]: развитая либеральная демократия (свободная, консолидированная, полиархия); ограниченная (формальная, несвободная, электоральная, делегированная, суверенная) демократия, допускающая конкурентную борьбу индивидов за голоса избирателей и минимальный набор свобод, благодаря которому состязательность и участие имеют хоть какой-то смысл, при этом государство чаще всего не в состоянии гарантировать в полной мере декларируемые права и свободы; псевдodemократия (авторитарная, гибридный режим, неоавторитаризм, квазидемократия и т.д.), внешне обладающая основными признаками электоральной демократии, однако ограничивающая возможности честного электорального соперничества, способного привести к смене власти[25]. Псевдodemократия описывает политический порядок, который пытается выглядеть как демократический, но не стремится им стать. Псевдodemократия — это не откат от либеральной демократии, но шаг на пути к построению совсем другой демократии.

Первая группа просто уточняет понимание либеральной западной демократии, в то время, как вторая и третья группы описывают более сложные, смешанные случаи. Мы сосредоточимся на последних двух группах демократий с прилагательными.

Так как закрытые авторитарные режимы в настоящее время являются редкостью (напомним, что по данным Freedom House к недемократиям относятся только 74 страны из 197, 123 страны были отнесены к электоральным демократиям,

так как в этих странах проводятся регулярные честные выборы)[26], получается, что все остальные страны являются демократическими в той или иной степени. Но можно ли считать одинаковым демократическое развитие, например, в Бразилии и США? И есть ли какие-то критерии, которые позволят выявить «оттенки» демократичности?

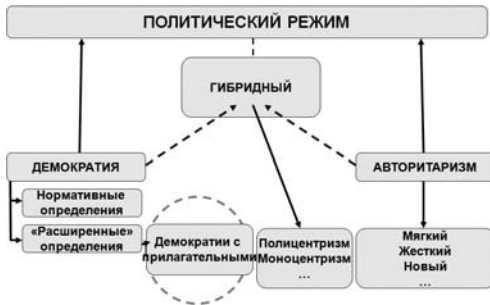
Как было сказано выше, на смену авторитарным странам пришли не либеральные западные демократии, а некоторые режимы, которые невозможно отнести ни к авторитарным странам, ни к демократиям. Нарастающий скептицизм по поводу «третьей волны» демократизации привел к небывалому росту исследований на тему «серых зон» и «гибридных режимов» на территории не западных стран. К ним можно отнести более 58 стран[27], т.е. около *трети* всех стран мира.

В результате появилось огромное количество «прилагательных» к демократии, пытающихся объяснить отдельные кейсы. В то же время появляются концепты, пытающиеся объяснить то же явление, но с помощью приписывания определений авторитарным режимам: «полу-авторитаризм» (Египет, Хорватия, Азербайджан)[28], «либерализирующий авторитаризм»[29], «соревновательный авторитаризм»[30] и т.д. Гибридные режимы (сочетающие демократические и авторитарные элементы) существовали относительно давно. Даже в 1960-е и 1970-е гг. были многопартийные, выборные, но при этом недемократические режимы. В числе таких выборных авторитарных режимов были Мексика, Сингапур, Малайзия, Сенегал[31]. Однако именно в конце 80-х произошел поистине расцвет смешанных концептов. Особенно много появляется концептов, описывающих гибридные режимы с точки зрения «демократий с прилагательными».

Существование, с одной стороны, демократических выборных процедур, а,

с другой стороны, нарушение гражданских и политических прав, высокий уровень преступности, коррупции и низкий уровень социального и экономического развития, показывает, что необходимо исследовать не только электоральное измерение демократии. Необходимо понимать природу гибридных режимов.

Как видно из рис. 1, «демократии с прилагательными» — это часть гибридного режима. Между авторитарными и демократическими режимами размытого типа не существует четкой границы. Проведения границы субъективно. В данном исследовании такая граница проводится в соответствии с позициями авторов концептов и их назывательных стратегий.

Появление данных стратегий побуждается как объективными практиками, когда режим действительно уже не является авторитарным, но не может счи-

таться демократическим в либерально-западном понимании этого слова, так и субъективными стратегиями отдельных акторов и экспертов. В одном случае появляются объяснительные концепты, нацеленные на разъяснение нового явления и имеющие в своей основе познавательную стратегию. В другом случае появление новых концептов обусловлено заинтересованностью отдельных игроков в создании нового дискурса о демократии и ее свойствах в отдельных странах. К таким типам можно отнести легитимирующие стратегии, стремящиеся оправдать существующие недемократические черты и объяснить их как особенность (культурную, страновую и т.д.) демократии нового типа, и делегитимирующие стратегии (стремящиеся разоблачить авторитарные режимы, считающиеся демократическими, ссылаясь на отдельные свойства, не совместимые с демократиями и называя их «псевдодемократиями»).

Исследователи, основывающие свое изыскание на познавательной стратегии, чаще всего работают в трех следующих направлениях: социо-легальном (права человека, достоинство и равенство); экономическом (распределение ресурсов в обществе); политическом (участие населения в процессе принятия решений)[32].

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ОТДЕЛЬНЫХ КОНЦЕПТАХ

Каждый отдельный концепт «демократии с прилагательными» имеет набор признаков, в большей или меньшей степени отличающий его от других концептов. Всего все встречающиеся признаки можно разделить на пять видов проблемных зон: во-первых, институциональные — нарушение принципа разделения властей/ персонализм; политическая роль военных; во-вторых, процедурные — отсутствие консенсуса по поводу «правил игры»; отсутствие каналов обратной связи; во-третьих, право-

вые — права меньшинств, гражданские права; в-четвертых, экономические — экономическая стагнация, рост внешнего долга; в-пятых, социальные — религиозный фактор, культурный, этнический: аполитичность населения, религиозная ориентированность).

Каждый признак уникален, потому что авторы демократий с прилагательными не стремятся обобщать отдельные явления. Очень мало теоретических работ с точки зрения обобщения. Большинство концептов созданы ради

одного-единственного признака. Такие признаки не имеют своего «облака» критериев, однако сами по себе очень информативны.

Практически все признаки имеют отношение к «процедурному минимуму». В числе проблем встречаются и такие факторы как культурные, религиозные, экономические особенности различных стран, однако данные признаки влияют

на другие, более существенные стороны демократического развития. В первую очередь подвержены деформации политические институты и процедуры. Именно поэтому такое большое внимание в текстах уделено проблемам институтов и взаимодействию между ними и средой. Остановимся подробнее на том, как именно распределились и сгруппировались проблемы/признаки.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА» К ПРОБЛЕМЕ ДЕМОКРАТИЙ

Распределение демократий с прилагательными на карте мира позволяет оценить охват регионов, которые данные концепты описывают. Основные «ареалы» стран, попавших в дискурс о демократиях с прилагательными — Латинская Америка, постсоветское пространство. Частично — Азия, Африка и Ближний Восток.

Не включены: Швейцария до 1971, Юг США до 1964, Северная Ирландия до 1972, «мусульманский мир».

Рассмотрим отдельные регионы.

Латинская Америка является одним из самых спорных регионов на тему того, какие же в нем режимы: авторитарные или демократические. Про одни и те же страны говорят в одном и том же контексте, выделяют похожие признаки, однако, в зависимости от позиции исследователя,

такой набор характеристик приписывают то демократиям с прилагательными, то всевозможным «измам» облегченной формы. Латинская Америка — самый любимый регион авторов концептов демократий с прилагательными. Столько исследований, сколько ему на протяжении последних двадцати лет, не посвящено никакому другому региону мира. В данном регионе присутствуют только для него присущие признаки, такие как власть военных, ценность военной юрисдикции выше гражданской, вождизм.

Всего на регион приходится тридцать один признак из сорока пяти, выявленных в текстах с разными концептами «демократий с прилагательными». Отсутствует аполитичность населения, использование религиозных принципов в качестве политической платформы.

Рис. 2.
Распределение демократий с прилагательными на карте мира.

Пересечение с Россией:

У России с Латинской Америкой общие признаки — узкий круг политиков, имеющих реальное влияние, слабость формальных институтов и персонализм, отсутствие каналов обратной связи, нарушение принципа взаимного контроля ветвей власти (соревнования), неравные условия политической конкуренции. Это роднит ее с такими странами Латинской Америки как Филиппины, Бразилия, Аргентина и Перу, Колумбия, Гондурас до 1980-х. Принадлежность к постсоветскому пространству не добавляет новых стран, но добавляет новые признаки: нарушения верховенства закона, нарушение принципа свободы ассоциаций.

Постсоветское пространство:

В числе признаков, относящихся к России и одновременно к постсоветскому пространству, — нарушение принципа верховенства закона, нарушение принципа свободы ассоциаций, нарушение принципа свободы слова и информации, нарушение принципа взаимного контроля ветвей власти, независимости СМИ, манипуляции через СМИ, элитизм, подмена институтов субститутами, отсутствие каналов обратной связи, персонализм. Неравные условия политической соревновательности. Единственная страна на постсоветском пространстве, не имеющая общих проблем и признаков с Россией — Латвия, в которой главная проблема демократии — ограничение активного и пассивного избирательного права.

Азия:

Азия — единственный регион, где признаки демократий с прилагательными не пересекаются с признаками демократии с прилагательными ни России, ни постсоветского пространства. Зато внутри региона признаки четко поделились на патернализм и персонализм при несоблюдении гражданских прав — Япония, Южная Корея, Шри Ланка, Тайвань, Сингапур, Пакистан, Индия. Особняком стоит Монголия с коррупцией и неэффективным управлением в результате

нарушения принципа взаимного контроля ветвей власти. В странах Азии полностью отсутствует основной признак Латинской Америки: какая бы то ни была существенная роль военных.

Ближний Восток:

Для стран Ближнего Востока (Ливан, Иордания, Йемен) до ближайшего времени были характерны государственное вмешательство в экономику, ограничение гражданских прав, нарушения принципа свободы ассоциаций, нарушение принципа свободы слова и информации.

Африка:

Африка — регион, представляющий наименьший для исследователя интерес с точки зрения изучения «демократий с прилагательными» регион. На его территории только четыре страны обсуждаются в политологическом дискурсе как «демократии с прилагательными»: Ангола, Марокко, Египет, Тунис. Да и они делятся на два блока. Ангола с персонализмом, слабостью формальных институтов, доминированием невыборных корпоративных субъектов политики никак не пересекается с Марокко, Египтом и Тунисом, которые на троих делят государственное вмешательство в экономику, ограничение гражданских прав, нарушение принципа свободы слова и информации.

Дискурс о «демократиях с прилагательными» имеет внушительный географический охват. Однако, несмотря на то, что в дискурсе задействовано более 60 стран, наиболее развернутое обсуждение ведется только на примере стран Латинской Америки. В других регионах связи между признаками и странами не настолько обширны и разнообразны.

Подтверждает отсутствие универсальных признаков в обсуждении стран и присущих им признаков демократий с прилагательными и ограниченные параллели России и постсоветского пространства со странами других регионов мира. Исключением является только Латинская Америка.

Новое и относительно молодое явление демократий, отвечающих формальным, процедурным признакам, но вызывающих сомнение по поводу своей демократической сущности, породило и новые концепты для описания происходящих изменений. В самом деле, демократии с «определениями» или, как иногда говорят, «родимыми пятнами» показали, что не всегда имеют транзитную сущность и могут достаточно долго находиться в режиме равновесия, не гарантируя дальнейшего перехода к демократии более совершенного типа или отката назад. Многообразие концептов демократий с прилагательными, появляющихся быстрее, чем меняются режимы в странах, строятся чаще всего на описательном и познавательном принципе. Главная сложность состоит в том, что каждый новый концепт совершенно не опирается на предыдущий, однако, несмотря на это, во многом дублирует признаки, уже присвоенные другим концептом. Ряд концептов «демократий с прилагательным» изобретаемых, описываемых

и используемых в политологическом дискурсе, взаимозаменяемы, так как данные концепты апеллируют к одному и тому же набору признаков. Это вызвано тем, что по поводу данного явления практически отсутствует единое мнение.

К сожалению, большое количество кейсов не только не дает общего представления о явлении, охватывая лишь какой-то один спектр проблемы, но и еще больше запутывает понимание того, что же такое демократия. В результате возникает неясность, путанность политологического дискурса о демократии, затрудняющие не только понимание феномена, но и путей дальнейшей демократизации такого режима.

Но, несмотря на всю запутанность дискурса, попытки с ним разобраться не безынтересны. Возникновение новых концептов и необходимость рано или поздно согласовывать его с предыдущими приведет к необходимости взаимодействия исследователей для выделения общих признаков, а не бесконечного образования новых концептов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Индексы:

1. www.FreedomHouse.org

Периодическая печать:

1. Зудин А. Политический моноцентризм в России: от режима — к системе? — Доклад на Международном симпозиуме “Пути России”, 2004.
2. Материалы конференции ГУ-ВШЭ «Институты публичной политики: трансплантация или выращивание», 13 мая 2005. Электронный ресурс. <http://gpir.narod.ru/ve/661903.htm>. доступ свободный. дата посещения: 05.04.2013
3. Мусаев Б.: Новый авторитаризм. 1991-1992.
4. Третьяков В. Диагноз: управляемая демократия (2000).
5. Холодковский К. К вопросу о политической системе современной России. Полис. 2009, № 4.
6. Brumberg, D. The Trap of Liberalized Autocracy // Journal of Democracy — Volume 13, Number 4, October 2002, pp. 56-68
7. Bogaards M., How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. # 2. pp. 399-423.
8. Collier D., Levitsky S. Democracy ‘with adjectives’: conceptual innovation in comparative research // Working paper # 230. 1996, August. 430-451pp.
9. Croissanta A. From transition to defective democracy: mapping Asian democratization.
10. Diamond L. Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy, V. 13. 2002. # 2. 21-35 pp. P. 23.

11. Levitsky S., Way L. Elections without democracy: the rise of competitive authoritarianism // Journal of Democracy — Volume 13, Number 2, April 2002, pp. 51-65.
12. Magen A., Morlino L., Hybrid regimes, the rule of law, and external influence on domestic change. pp. 25.
13. Merkel W. Embedded and defective democracies // Democratization. 2004. 11:5. pp. 33-58
14. Munck G., Verkuilen J. Conceptualizing and measuring democracy: evaluating alternative indices // Comparative political studies. 2002. # 1. pp. 5-34.
15. O'Donnell G. Delegative Democracy. — Journal of Democracy, January 1994. 1.
16. Ottaway M. Democracy challenged: the rise of semi-authoritarianism. Carnegie Endowment for International peace. 2003. 256 pp.
17. Petrov N., Lipman M. Hale. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes (2010).
18. Puhle, H. Democratic Consolidation and “Defective Democracies” // Universidad Autónoma de Madrid. Working Paper 47/2005. pp. 1-20.
19. Smith P., Ziegler M. Liberal and illiberal democracy in Latin America // Latin American politics and society. 2008. 50 : 1. pp. 31-59.
20. Surkov V.: Paragraphs pro sovereign democracy. 2006.
21. Volpi F. Pseudo-democracy in the Muslim World // Third World Quarterly. 2004, #6. pp. 1061-1078.
22. Wong J. Deepening democracy in Taiwan // Pacific Affairs, University of British Columbia. 2003. # 2. pp. 235-265.

Литература:

23. Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Часть 1. — М.: ИЛА РАН, 2009. 264 с.
24. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003, 368 с.

Приложения

Приложение 1. Список исследований, посвященных теме демократий «с прилагательными».

Good, K. and Taylor, I. Botswana: A Minimalist Democracy (2008); Gills, B. and Rocamora, J. Low Intensity Democracy (1992); Henderson K. The Slovak Republic: explaining defects in democracy (2004); Beverley Milton-Edwards. Façade democracy and Jordan (1993); Sadiki, L. Political Liberalization in Bin Ali's Tunisia: Façade Democracy (2002); Kasfir N. «No-party Democracy» in Uganda (1998); Wong, J. Deepening Democracy in Taiwan (2003); Sanin, F. Fragile Democracy and Schizophrenic Liberalism: Exit, Voice, and Loyalty in the Andes (2005); Petrov, Lipman. Hale. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes (2010); Berntzen. Democratic Consolidation in Central America (1993); Stahler-Sholk, R. El Salvador's Negotiated Transition: From Low-Intensity Conflict to Low-Intensity Democracy (1994); Loveman B. «Protected Democracies» and Military Guardianship: Political Transitions in Latin America, 1978-1993 (1994); Zakaria, F. The rise of illiberal democracy // Foreign affairs, (1997); Fritz, V. Mongolia: The Rise and Travails of a Deviant Democracy (2008); Farred G. Disorderly Democracy: An Axiomatic Politics (2008); Nasr V. The Rise of «Muslim Democracy» (2005); Remmer K. Exclusionary democracy (1986); Neher, C.D. Asian Style Democracy (1994); O'Donnel, G. Delegative Democracy? (1993); Hagopian and Mainwaring. Democracy in Brazil: Problems and Prospects (1987); Htun, M. From «Racial Democracy» to Affirmative Action: Changing State Policy on Race in Brazil (2004); Diamond L. Thinking about hybrid regimes (2002); Roque, P.Cr. Angola's Façade Democracy (2009); Dryzek, J.S. Deliberative Democracy in Divided Societies: Alternatives to Agonism and Analgesia (2005); Neher, C.D. Asian Style Democracy (1994).

[1] В англоязычной литературе — ‘Democracy with adjectives’.

[2] FreedomHouse.org

[3] Цит. по: Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Часть 1. — М.: ИЛА РАН, 2009. 264 с. С. 19.

[4] Подробнее о термине: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003, 368 с.

- [5] Материалы конференции ГУ-ВШЭ «Институты публичной политики: трансплантация или выращивание», 13 мая 2005. Электронный ресурс. <http://gpir.narod.ru/ve/661903.htm>. доступ свободный. дата посещения: 05.06.2010.
- [6] Puhle, H. Democratic Consolidation and “Defective Democracies» // Universidad Autónoma de Madrid. Working Paper 47/2005. pp. 1-20.
- [7] Croissanta A. From transition to defective democracy: mapping Asian democratization.
- [8] Напр. Мусаев Б.: Новый авторитаризм. 1991-1992.
- [9] Зудин А. Политический моноцентризм в России: от режима — к системе? — Доклад на Международном симпозиуме «Пути России», 2004.
- [10] Холодковский К. К вопросу о политической системе современной России. Полис. 2009, № 4.
- [11] Petrov N., Lipman M. Hale. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes (2010).
- [12] Surkov V.: Paragraphs pro sovereign democracy. 2006.
- [13] Третьяков В. Диагноз: управляемая демократия (2000).
- [14] O'Donnell G. Deleagative Democracy. — Journal of Democracy, January 1994. 1.
- [15] Siegmar Schmidt. New kids on the block: embedded democracy, defective democracy and failing states: a discussion of concepts and typologies and etc.
- [16] Collier D., Levitsky S. Democracy ‘with adjectives’: conceptual innovation in comparative research // Working paper # 230. 1996, August. 430-451pp.
- [17] Magen A., Morlino L. Hybrid regimes, the rule of law, and external influence on domestic change. 25 pp.
- [18] Diamond L. Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy. 2002. # 2. pp. 21-35.
- [19] Bogaards M., How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. # 2. pp. 399-423.
- [20] Puhle, H.J. Democratic consolidation and “Defective democracies” / Conferencia impartida en la UAM. Working papers 47. 2005. 1-20 pp
- [21] Merkel W. Embedded and defective democracies // Democratization. 2004. 11:5. pp. 33-58.
- [22] Munck G., Verkuilen J. Conceptualizing and measuring democracy: evaluating alternative indices // Comparative political studies. 2002. # 1. pp. 5-34.
- [23] Collier D., Levitsky S. Democracy ‘with adjectives’: conceptual innovation in comparative research // Working paper # 230. 1996, August. 430-451pp. P. 432.
- [24] Volpi F. Pseudo-democracy in the Muslim World // Third World Quarterly. 2004, #6. p. 1061-1078. P. 1063.
- [25] Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Часть 1. — М.: ИЛА РАН, 2009. 264 с. С. 22-23.
- [26] Freedomhouse.org
- [27] Magen A., Morlino L., Hybrid regimes, the rule of law, and external influence on domestic change. 25 p. P 1.
- [28] Ottaway M. Democracy challenged: the rise of semi-authoritarianism. Carnegie Endowment for International peace. 2003. 256 pp.
- [29] Brumberg, D. The Trap of Liberalized Autocracy // Journal of Democracy — Volume 13, Number 4, October 2002, pp. 56-68
- [30] Levitsky S., Way L. Elections without democracy: the rise of competitive authoritarianism // Journal of Democracy — Volume 13, Number 2, April 2002, pp. 51-65
- [31] Diamond L. Thinking about hybrid regimes // Journal of democracy, V. 13. 2002. # 2. 21-35 pp. P. 23.
- [32] Wong J. Deepening democracy in Taiwan // Pacific Affairs, University of British Columbia. 2003. # 2. p. 235-265. P. 238-239.

ДИПЛОМАТИЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАН АЛБА В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ

Виноградова Е. А.

Магистр истории,

соискатель политологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Политика в области общественной дипломатии стран АЛБА на Ближнем Востоке является одним из важнейших внешнеполитических ориентиров стран АЛБА в их ассиметричном информационном противоборстве с США. В период 2006-2013 гг. страны АЛБА оказывали влияние на международные СМИ с целью формирования отрицательной репутации США. Укрепляющий внешнеполитический диалог стран АЛБА с Сирией, объединяющий два региона на базе платформы противостояния однополярному влиянию США, открывает дополнительные перспективы для формирования новых центров силы, противостоящих сложившейся в мире монополярности.

В 2004 г. девять стран Латинской Америки и Карибского бассейна — Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины — создали международную организацию и субрегиональное интеграционное объединение АЛБА: Боливарианский альянс для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra America*). Инициаторами образования АЛБА были Уго Чавес и Фидель Кастро.

Цель альянса — содействие торговле и кооперации между его участниками, а также помощь в установлении внешнеэкономических и политических связей с государствами других регионов мира.

Ключевые слова: Общественная дипломатия, информационное противоборство, АЛБА, Сирия, «новые медиа», США, стратегическое сотрудничество.

PUBLIC DIPLOMACY OF ALBA COUNTRIES IN THE SYRIAN CRISIS

E.A. Vinogradova

*Master of history, postgraduate student of the Political Science Faculty
of Lomonosov Moscow State University.*

The policy in the field of Public Diplomacy of ALBA countries in the Middle East is one of the most important foreign policy guidelines of the ALBA countries in their asymmetric information confrontation with the United States. In the period of 2006-2013 ALBA countries had an impact on the international media in order to create a negative reputation of the United States. Strengthening foreign policy dialogue of the ALBA countries with Syria, uniting the two regions on a base of confrontation with unipolar influence of the United States, opens possibilities for the formation of new centers of power, opposed to the current unipolar world.

Keywords: Public diplomacy, information warfare, ALBA, Syria, the «new media», U.S., strategic cooperation.

СИРИЯ — ТОРГОВЫЙ ПАРТНЕР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗНИК

Сегодня приоритетным направлением во внешней политике стран АЛБА является укрепление стратегических отношений со странами Ближнего Востока, в частности с Ираном и Сирией. Общей за-

дачей сближения двух регионов, по словам бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса, является «борьба с империалистическим безумием и ускорение темпов построения гармоничного и братского

*сотрудничества между Ираном и Венесуэлой, Азией и Латинской Америкой и среди народов третьего мира».*¹

Одним из направлений общественной дипломатии АЛБА в их политике на Ближнем Востоке является расширение торгово-экономических, социальных и политических взаимосвязей,² способных ослабить экономическое и политическое давление США.

Важным стратегическим партнером стран АЛБА на Ближнем Востоке является Сирия.³ С 2010 года она имеет статус приглашенного члена АЛБА. В 2011 году представителями стран АЛБА в Дамаске была проведена специальная встреча с президентом Сирии Башаром Асадом. Группа стран АЛБА резко осудила открытую политическую и информационную войну против Сирии, подтвердив, что эта антисирийская кампания — не что иное, как грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства и прямое нарушение норм международного права и Устава ООН. Председатель делегации Эквадора, представитель стран АЛБА на проходившем в Женеве заседании Совета ООН по правам человека отметил, что страны «Боливарианского альянса» категорически отвергают любой вид иностранного вмешательства во внутренние дела Сирии.⁴

Говоря о торгово-экономическом сотрудничестве, необходимо отметить, что одним из главных торгово-экономических партнеров Сирии на сегодняшний день является Венесуэла. Начиная с 2006 года, между странами подписан ряд

соглашений в области нефтяной промышленности, энергетики, культуры и обмена информацией. Во время визита Уго Чавеса в Сирию в октябре 2010 года была подтверждена приверженность обеих сторон реализовать уже достигнутые соглашения о сотрудничестве общим объемом в 1 млрд. долл. и подписаны новые соглашения по таможенному взаимодействию и сотрудничеству в области морского транспорта.⁵

Здесь надо отметить, что в условиях экономического эмбарго, наложенного странами НАТО на Сирию, Венесуэла в 2011 — 2012 годах, несмотря на резкую критику западных СМИ, доставила 35 000 тонн мазута в Сирию, нарушив односторонние торговые ограничения, введенные Западом.

Тесные торгово-экономические отношения связывают Сирию и Эквадор. Так, в марте 2011 года на встрече президента Сирии Башара Асада с министром внешней торговли Эквадора Рикардо Патињо Арока между странами были заключены ряд соглашений, направленных на расширение торговых взаимосвязей, развитие туризма, увеличения инвестиций, а также создания двухсторонних торгово-экономических комитетов, которые будут способствовать интеграции между двумя странами.⁶

Таким образом, еще в самом начале сирийского кризиса страны АЛБА заняли определенную позицию в отношении Сирии, направленную на ее поддержку как ассоциированного члена АЛБА и важного стратегического партнера.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН АЛБА В СИРИЙСКОМ ВОПРОСЕ

Политика стран АЛБА в области общественной дипломатии была направлена на формирование общественного мнения, отвечающего за репутацию стран АЛБА и Сирии в мире и отражение информационных атак со стороны США. Здесь следует отметить, что за последние несколько

лет такие атаки способствовали установлению регулярной «войны в СМИ» между странами Ближнего Востока и АЛБА с одной стороны и США с другой.

Используя опыт работы в социальных медиа, президенты стран АЛБА практически еженедельно комментировали си-

туацию в Сирии, призывая США и другие страны — члены НАТО к мирному урегулированию ситуации в Сирии, не прибегая к «жестким методам» «мягкой силы», удачно апробированной в Ираке, Ливии и частично в Иране.

Исходя из данных контент — анализа, проведенного автором данного исследо-

вания, подобные действия со стороны латиноамериканских политиков,⁷ несмотря на негативные комментарии американских и европейских СМИ, вызывали много положительных откликов у целевой аудитории не только в латиноамериканских странах, но и в странах Ближнего Востока, ЕС и даже в США.

СМИ США И ЕС: В ЧЕМ РАЗНИЦА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК?

Хотелось бы отметить, что страны ЕС, являющиеся стратегическими партнерами США в их агрессивной ближневосточной политике, опасаются, однако, поддерживать США в информационном противоборстве со странами АЛБА. Так, описывая визит в страны АЛБА еще одного «неудобного Западу» политика — иранского президента М. Ахмадинежада, европейские новостные СМИ⁸ не подвергали резкой критике лидеров стран АЛБА за расширение внешнеполитического диалога с Ираном. Все сообщения в основном состояли из цитат президентов стран АЛБА и Ирана, резко критикующих «империалистические» действия со стороны США, тогда как США накануне визита президента Ирана в ряд стран АЛБА, используя услуги своего информационного агентства CNN⁹, в очередной раз разожгли «скандал в СМИ», направленный на подрыв репутации Венесуэлы и Ирана в мире.

В официальном сообщении Госдепартамента США содержалась информация о высылке генерального консула Венесуэлы Ливии Акосты Ногуэры за пределы Соединенных Штатов. Информационное агентство связало этот факт с подозрениями в причастности дипломата к планированию кибератак на правительственные системы США. Эти подозрения появились после выхода на испаноязычном канале Univision документального фильма «Иранская угроза», в котором были продемонстрированы записи бесед Ногуэры с кубинскими и иран-

скими дипломатами, интересовавшимися взломом сайтов Белого дома, ФБР и Пентагона. При этом официальный Вашингтон не сообщил причин высылки дипломата, сославшись на международные нормы, в соответствии с которыми объяснение подобных шагов не является обязательным, а сами события, показанные в фильме, относились к 2008 году, когда Ногуэра работала в венесуэльском посольстве в Мексике.

В то же время европейские СМИ ограничились констатацией фактов без развернутых комментариев, отметив при этом схожесть происходящих событий с голливудским фильмом¹⁰, чем еще раз продемонстрировали различие в подходах европейских и американских СМИ к освещению событий в латиноамериканском регионе. Подобную позицию они заняли и в комментариях по поводу сотрудничества АЛБА и Сирии.

Такое поведение продиктовано в первую очередь экономическими интересами ЕС, который является основным конкурентом США в борьбе за рынки сбыта своих товаров в Латинской Америке. Поэтому несмотря центристскую позицию ЕС по отношению к странам АЛБА, оба региона также развивают стратегическое сотрудничество, направленное на ослабление однополярного влияния США в мире.

Действия США в информационном противоборстве с блоком АЛБА направлены главным образом на обозначение таких внешних и внутренних угроз, которые могли бы дискредитировать пра-

вительства этих стран, как перед европейскими партнерами, так и перед электоратом стран АЛБА.

В качестве внутренних угроз для стран АЛБА США отмечают такие проблемы, как снижение уровня жизни средних слоев населения, угроза частному бизнесу (контроль государства над нефтяными ресурсами), превращение страны в новый социалистический лагерь с постепенным обособлением от мирового сообщества и тотальным контролем за населением страны.

КАНАЛЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ АЛБА НАПРАВЛЕННЫЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК

Анализируя ситуацию в Ливии, Сирии, Ираке, латиноамериканские политики предприняли ряд мер, направленных на предотвращение подобной ситуации в своих странах, с помощью защиты своей информационной среды, используя средства «новых медиа». Так, с первых дней сирийского кризиса латиноамериканские новостные агентства не только публиковали комментарии политической элиты стран АЛБА, но и сами постоянно оценивали происходящие события как агрессивное вмешательство США и стран ЕС в дела другого государства и нарушение международных демократических норм.

Наиболее активную политику в этом направлении занял латиноамериканский канал TeleSur.¹² Касаясь сирийского вопроса при освещении международных новостей, стратегические коммуникаторы TeleSur прибегали к анализу и комментариям известных экономических и политических аналитиков для доведения сообщений до целевых аудиторий в своих странах и через социальные сети для зарубежной целевой аудитории, что является подтверждением успешной работы в области информационной политики этих стран.

Ярким примером может послужить разъяснительная информация об ис-

Внешней угрозой стран АЛБА, сформулированной США, является возобновление холодной войны под патронажем России, в которой страны АЛБА будут марионетками, угроза шовинизма со стороны АЛБА.

Как показывает опыт информационных противоборств США против стран АЛБА и ряда стран Ближнего Востока, информационными мишенями¹¹ в этих странах являются подразделения вооруженных сил, СМИ, органы государственной власти.

пользовании химического оружия Сирией, опубликованная и прокомментированная на официальной интернет — странице телеканала TeleSur.

*«Сирийское правительство неоднократно становилось жертвой внешней дестабилизации, благодаря видеозаписям экстремистских группировок, которые пытались посеять хаос, показав убийства мирных демонстрантов.... Эти записи и фотографии заняли первые места в СМИ стран ЕС и США, которые заявили, что красная линия была пересечена и для обеих сторон не избежать военных действий. На самом деле, это слишком поздно для игр в СМИ.... Говоря о международном праве, следует отметить, что в свое время Сирия не подписала Конвенцию о запрещении химического оружия, следовательно, может использовать его свободно. В этой связи нет смысла придумывать историю, которая уже написана. Отвечая на вопросы по этой теме 23 июля 2012 года, представитель Сирийского МИД Джихад Макдиси заявил, что вполне возможно, что его страна обладает таким оружием, используя его исключительно для защиты от внешних врагов».*¹³

Подобное разъяснение благоприятным образом повлияло на восприятие сирийской проблемы латиноамерикан-

ским населением большинства стран членов АЛБА. В результате работы новостных каналов, электронных СМИ, социальных сетей, население латиноамериканских стран через полученную информацию могло не только самостоятельно анализировать события, но и изучить ме-

ханизмы управления информационными операциями проводимых СМИ стран Запада и экстремистскими группировками сирийских повстанцев, которые подробным образом разбирались в латиноамериканских СМИ, со ссылками на прямой источник агрессивных сообщений.

ПРАВДА ПРОБИВАЕТ ДОРОГУ

Похожие информационные приемы также с успехом были использованы латиноамериканскими СМИ во время ливийского кризиса. С первых дней вторжения войск НАТО в Ливию латиноамериканские новостные агентства постоянно комментировали происходящие события как агрессивное вмешательство в дела другого государства. Так, известное венесуэльское агентство AVN опубликовало скандальную историю, связанную с взятием Зеленой Площади в Триполи и захватом одного из сыновей Каддафи, раскрытую российским информационным агентством *Russia Today*. Данная «история» была отснята западными спецслужбами в Катаре при участии профессиональных актеров, в котором роль сына Каддафи Саифа аль — Ислама также сыграл профессиональный актер. Подтверждением достоверности этой информации стало более позднее телевизионное интервью, находящегося на свободе Саифа аль — Ислама. В итоге медийная атака на Ливию, созданная для поднятия положительной репутации НАТО и обмана ливийских войск, сработала в обратную сторону.¹⁴

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что политика в области общественной дипломатии стран АЛБА на Ближнем Востоке, и в частности в Сирии, является одним из важнейших внешнеполитических ориентиров стран АЛБА в их ассиметричном информационном противоборстве с США.

В период 2007-2013 гг. страны АЛБА оказывали влияние на международные СМИ с целью формирования отрица-

тельной репутации США, связанной с их агрессивными действиями, направленными против Сирии. Первоочередными задачами стран АЛБА в связи с обострением сирийской ситуации были: контринформация, воздействие на внутренние аудитории латиноамериканских стран с целью предупреждения подобных ситуаций в странах АЛБА; полный информационный отказ от принятия игры противника; контроль за информацией для ведения информационных атак на противника; создание международной репутации АЛБА как организации с миротворческой миссией и сторонника гуманистического подхода в решении международных конфликтов.

Укрепляющийся внешнеполитический диалог стран АЛБА с Сирией, объединяющий два региона на базе платформы противостояния однополярному влиянию США, открывает перспективы для формирования новых центров силы, противостоящих сложившейся в мире монополярности.

Формирование независимого внешнеполитического курса всегда имело коммуникационную составляющую, особенно важную в наши дни. В этой связи актуальной задачей для сирийского руководства на сегодняшний день является эффективное использование в своей общественной дипломатии «новых медиа», которые стали важным управленческим рычагом влияния на общественное мнение в XXI веке.

Кроме того, странам АЛБА и Сирии необходимо развивать информационную политику, способную улучшить ка-

чество внешних связей между странами Ближнего Востока и Латинской Америки не только в области политического диалога, но и в бизнесе, что будет способ-

ствовать более широкому торгово-инвестиционному обмену между регионами и ослаблению экономического давления со стороны Вашингтона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Официальный сайт президента Венесуэлы [Электронный ресурс] // <http://www.chavez.org.ve/temas/noticias/presidente-chavez-recibe-miraflores-su-par-irani-mahmoud-ahmadineyad/>
- 2 Встречи на высшем уровне между странами АЛБА и Сирией получили регулярное развитие, начиная с 2006 года.
- 3 На сегодняшний день тесные социально-экономические отношения с Сирией поддерживают Венесуэла и Эквадор. Сотрудничество осуществляется в таких областях как сельское хозяйство, нефтедобыча, торговля, инвестиции.
- 4 Страны АЛБА отвергают какое-либо иностранное вмешательство во внутренние дела Сирии. Сирийское арабское информационное агентство (САНА) [Электронный ресурс] // <http://sana.sy/rus/326/2011/12/05/386102.htm>
- 5 Венесуэла: практика «Боливарианского проекта» (результаты и риски). М.: ИЛА РАН, 2011. — С.55.
- 6 SIRIA-ECUADOR: La importancia de continuar con la coordinación y el dialogo entre los países árabes y países de América del Sur. <http://www.prensaislamica.com/nota6797.html>
- 7 Наибольшую активность в социальных сетях, таких как Twitter и Facebook занимает президент Венесуэлы Николас Мадуро, президент Эквадора Рафаэль Корреа, президент Аргентины Кристина Киршнер. С 2011 года на своих страничках и в микроблогах президенты этих стран неоднократно заявляли о своей позиции по поводу Сирии, призывая к мирному решению вопросов.
- 8 В данном исследовании были задействованы следующие европейские СМИ: французские периодические издания — *Le figaro*, *Le parisien*, *Le monde*, *humanite*; немецкие периодические издания — *welt*, *faz*, *stern*; британское периодическое издание *guardian*; итальянское периодическое издание *repubblica*; испанские периодические издания — *El mundo*, *El Pais*, *rebelion*.
- 9 Американское информационное агентство CNN's. Rafael Fuenmayor, Jill Dougherty, Juan Carlos Lopez and Mariano. Castillo contributed to this report. U.S. expels Venezuelan diplomat in Miami. (9.1.2012)[Электронный ресурс]. — URL: http://us.cnn.com/2012/01/08/us/venezuela-consul/index.html?hpt=hp_t3 (дата обращения: 5.02.2012)
- 10 CCN info controlcapital.net. Presunta trama ciber terrorista Irán-Cuba-Venezuela contra EEUU. (1.01.2012)[Электронный ресурс]. — URL: <http://www.controlcapital.net/noticia/847/GLOBAL/presunta-trama-ciber-terrorista-ir%C3%A1n-cuba-venezuela-contra-eeuu-estados-unidos-eua-univision.html> (дата обращения: 5.02.2012)
- 11 **Информационная мишень** — множество элементов информационной системы, принадлежащих или способных принадлежать сфере управления, и имеющих потенциальные ресурсы для перепрограммирования на достижение целей, чуждых данной системе.
- 12 Телевизионная компания TeleSUR (La Nueva Televisora del Sur) была создана при активном содействии Уго Чавеса 24 июля 2005 года, явившись первой и единственной телекомпанией, принадлежащей латиноамериканцам (кроме Венесуэлы, в финансировании компании принимают участие правительства других стран АЛБА, а также Аргентины, Уругвая, Колумбии, Парагвая, Перу). 250 миллионам зрителей во всей Латинской Америке, Европе, Северной Африке и Ближнем Востоке. Один из главнейших наднациональных институтов стран АЛБА. Прим. автора.
- 13 Thierry Meyssan. El gas sarín es tan volátil como las promesas de Washington. <http://www.telesurtv.net/articulos/2013/06/17/el-gas-sarin-es-tan-volatil-como-las-promesas-de-washington-6873.html>
- 14 Presidente venezolano denuncia manipulación mediática contra Libia <http://www.avn.info.ve/node/74489>

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

«ПРИДЕТ ЖЕ ОН, НАКОНЕЦ ЭТОТ ДЕНЬ, НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ» (Н.А. ДОБРОЛЮБОВ)

Бессонов Б. Н.

Доктор философских наук, профессор

Статья посвящена жизни выдающегося революционера, патриота гуманиста, демократа и блестящего литературного критика Николая Александровича Добролюбова. Он прожил всего 25 лет! Н.Г. Чернышевский в некрологе Н.А. Добролюбову писал: «Да, ему было только 25 лет. Но уже 4 года он стоял во главе русской литературы, — нет, не только русской литературы, — во главе всего развития русской мысли».

Ключевые слова: искусство, творчество, самодержавие, общественные отношения.

Николай Александрович Добролюбов — выдающийся революционер, патриот гуманист, демократ блестящий литературный критик. Страстный и глубокий человек. Он прожил всего 25 лет! Н.Г. Чернышевский в некрологе Н.А. Добролюбову писал: «Да, ему было только 25 лет. Но уже 4 года он стоял во главе русской литературы, — нет, не только русской литературы, — во главе всего развития русской мысли».

Н.А. Добролюбов родился 24 января (5 февраля) 1836г. в Нижнем Новгороде, в семье священника. Учился сначала в духовном училище, потом в семинарии, однако предпочёл светское образование и в 1853 году поступил в Главный педагогический институт. Его родители умерли рано — в 1854 году, после их смерти, кроме Николая Александровича, ещё осталось семеро детей, забота о которых легла на его плечи. Будучи ещё студентом, Н.А. Добролюбов начал сотрудничать с журналом «Современник», одним из лучших журналов России, печатавшим произведения талантливейших российских авторов. В «Современнике» Добролюбов познакомился и на всю жизнь подружился с Н.А. Некрасовым и Н.Г. Чернышевским.

С самого начала своей деятельности в журнале «Современник» Н.А. Добролюбов выступил как яркий публицист, с революционно-демократических позиций остро освещавший самые злободневные проблемы общественно-политического развития России и, вместе с тем, как тонкий, глубокий литературный критик. Он обращается ко всем честно мыслящим людям России: «Чего же мы хотим? Пусть каждый из тех, которые считают себя людьми с убеждениями и сознательными стремлениями, пусть каждый из них задаст себе этот вопрос и серьезно потрудится над его разрешением. Дело стоит того, чтобы заняться им, потому что без сознания цели невозможно избрать правильного пути к ней и верных средств к ее достижению». Русскому, томящемуся в пытке незаконного рабства, цель ясна: свобода. Но что же такое свобода? В чем же вы, русские ревнители свободы, полагаете цель ваших стремлений? Конституция ли вам нужна, или может монархизм остается? Или вы желаете республики, но какой? Чтобы вся Россия составляла одно целое, или была разделена по областям и городам на маленькие государства? Будет ли вам аристократическое правление

выгоднее, или демократия лучше успокоит вас?

Хотите ли управления всех сословий или только ищите уничтожение крепостного права? Тогда как вы намерены поступить с крестьянами? По каким началам вы разделите землю? Фабрики? Кто будет ими управлять, и кто будет работником? Что вы дадите и самим помещикам взамен отнятых рабов их? Куда денется многочисленный класс чиновников? Будет ли святое братство царить между людьми? Или общество будет состоять из лучших, а все злодеи и тунеядцы будут из него изгнаны? Или же общество будет содержать тунеядцев на общий счёт? Будет ли дана полная воля каждому высказывать своё мнение или признаваемо будет решение большинства? В воспитании можно ли предлагать мнения и давать направление ребёнку или только представлять факты? Как будете судить преступления? Да и какие деяния назовёте вы преступными, какие похвальными, какие — подлыми, какие — благородными? Примете ли вы меры для сохранения неприкосновенности браков или представите каждому следовать склонности своего сердца? Оставьте ли всей массе народа религию церкви, или решитесь раскрыть ему вновь евангельскую религию Христа, или оставите народ совсем без религии? (Н.А. Добролюбов. Собр.соч. в 3т. Т1, М.1986г., 86–87 стр.)

Позиция самого Н.А. Добролюбова принципиально чёткая, ответственная, мужественная; он отказался от отвлечённых разговоров о справедливости и встал на позицию радикального требования человеческого блага, все свои «умствования» привёл к одной формуле: человек и его счастье.

При этом подчеркивал:

Если настоящие общественные отношения не согласны с требованиями высшей справедливости и не удовлетворяют стремлениям к счастью, сознаваемым вами, то ясно, что требуется корен-

ное изменение этих отношений. Должно стать выше этого общества, признать его ненормальным, болезненным, уродливым, громко и прямо говорить об этом и проповедовать необходимость радикального лечения. Почувствуйте только как следует права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самым естественным образом придете к кровной вражде с общественной неправдой. Тогда, и только тогда, можете вы с полным правом считать себя честным человеком, и вам уже возможно будет отвергать темные сделки с ложью неправдой силой.

Конечно, выступить против целого общества страшно и для многих лучше и молчалинская умеренность и угодливость. Но это гнусно. Последовательно выступая за утверждения свободной личности, неприкосновенности ее достоинства и чести, за ее право на проявление всей полноты чувств, Н.А. Добролюбов в статье, посвященной Н. Станкевичу, пишет: «О правах личности существуют два противоположных взгляда, оба ошибочных в своих крайностях. Один, исходя от неуважения к личности вообще, от непонимания прав каждого человека, приводит к неумеренному, безрассудному поклонению нескольким исключительным личностям.

Другие пустились теперь в другую крайность: в уничтожение вообще личностей. Важно общее течение дел, важно развитие народа и человечества, а не развитие отдельных личностей, личность сама по себе не имеет никакого значения» (т. 1, с. 467).

Добролюбов подобные взгляды решительно отвергает. «Конечно, ход развития человечества не изменяется от личностей», тем не менее, игнорировать личность возможно лишь в сфере «отвлеченной мысли». Вероятно, общий ход истории и не зависит от отдельной личности, однако в реальной жизни, конкретной социальной обстановке эта

роль может быть весьма значительной (Там же, с. 468).

Человек имеет право на жизнь, и это естественное право должно иметь и естественные условия для своего поддержания. Отрицать чье-нибудь право в этом случае значит отрицать самое право на жизнь. А если так, то в пределах естественных условий решительно всякий человек должен быть полным, самостоятельным человеком, и, вступая в сложные комбинации общественных отношений, вносить туда вполне свою личность, и, не уничтожать и не заглушать свои прямые человеческие права и требования, утверждает Н.А. Добролюбов в статье «Забитые люди», посвящённой анализу романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Он решительно обвиняет крепостническое самодержавное государство в «выработке» типов «забитых людей» (т. 3, с. 542).

Этих людей характеризует полное отсутствие какого бы то ни было сознания о своем достоинстве, а между тем они счастливы и довольны; один из них Макар Алексеич Девушкин «сам счастлив своим собственным унижением и в умилении молит Бога простить ему «ропот и либеральные мысли», которые он позволял себе подчас» (ТЗ, стр. 547). Крепостническому государству нужны «для успешного течения» его дел именно такие люди.

Истинный идеал такого государства состоит в том, чтобы всякий был доволен на своем месте, всякий сознавал законность и глубокую справедливость своего положения и с такой же охотой повиновался, с какой другие повелевают. Так же был спокоен и счастлив при своих десяти целковых жалованья, как другие при двадцати тысячах дохода. (т. 3, с. 547, 548)

Добролюбов страстно призывает «забитых людей»: будьте живы, а не мертвы. Стремитесь к восстановлению человеческого достоинства и полноправности во всех и каждом. Храните в себе живую

душу и вечное, неисторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье. (т. 3, с. 573)

Н.А. Добролюбов использовал любой повод, чтобы подвергнуть в своих статьях беспощадной критике самодержавно-крепостнической строй, чтобы пропагандировать революционно-демократические взгляды. Он едко высмеивал беззубые дискуссии либералов по вопросу: обучать ли грамоте крестьян, о телесных наказаниях крестьян, о том: нужно ли сечь детей в школах, об открытии женских школ и т.п. «Вопрос о грамотности сделал в течение года истинно замечательные успехи. Почти решено, что грамота не ведет назад к гибели. С благородной прямоотой и смелостью выразился один из защитников грамотности, что «вреда от грамотности нельзя ждать большого!», писал Н.А. Добролюбов в статье «Литературные мелочи прошлого года». Причём, учение крестьянам сводилось к следующему: знать закон божий, и — особенно — исполнять свои обязанности в отношении к властям. При этом упивались повторением новой, с таким трудом, с бою взятой истины, что от образования крестьян нельзя ждать большого вреда...И то хорошо! (Т.2,с.108)

Что же касается телесных наказаний, продолжал Добролюбов, то высказывалась гуманная мысль, что не следует отсчитывать 40 ударов, а можно опуститься до 20... А князь Черкасский поступил еще гуманнее: согласился уменьшить число ударов, предоставленных в ведение дворянства, до 18?

Много говорилось о том, сечь или не сечь детей. Сомневались. И то хорошо, что сомневались: сомнение есть путь к истине. Особенно занимали всех вопросы о женском образовании. Согласились единодушно, что девочек учить тоже нужно». Все это глупо и мелко. Литература всем этим хвалится вместо того чтобы стыдиться. Она, бесспорно, должна заниматься интересами минуты,

но без самодовольства. И в связи с вышними вопросами.

Все это возмутительно для людей, которые ищут дела, а не хотят останавливаться на праздном слове. Наш призыв, заявляет мыслитель, призыв не только к литературе, а и к целому обществу. Его смысл в том, что гнусно тратить время в бесплодных разговорах, когда по нашему же сознанию возбуждено столько живых вопросов. Не надо нам слова гнилого и праздного, погружающего в самодовольную дремоту и наполняющего сердце приятными мечтами, а нужно слово свежее и гордое, заставляющее сердце кипеть отвагою гражданина, увлекающее к деятельности широкой и самобытной (т. 2, с. 122).

Современные общественные противоречия не могут быть разрешены иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие, литература должна действовать не усыпляюще, а совсем противоположным образом. «Надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи и чтобы он, задетый за живое, вскочил с азартом и вскрикнул: «Да что же... это за каторга! Жить в этом омуте не хочу больше». Вот чего надобно добиться и вот чем объясняется и тон критик моих...», — писал Н.А. Добролюбов.

Самодержавие старается держать народ в невежестве, ибо непросвещенные массы легче держать в узде, обманывать и эксплуатировать. Литература же должна помочь человеку сформировать высшие убеждения, она должна воспитывать людей, готовить их к борьбе за свою свободу и счастье.

Именно с этих позиций Добролюбов оценивает творчество русских писателей и поэтов, органично соединяя анализ художественных произведений с анализом социальной действительности.

Рассматривая, в частности, творчество А.Н. Островского, Добролюбов

беспощадно разоблачает такое, по его мнению, типично русское явление, как темное царство самодурства. Самодуры (Дикой, Кабанова и др.) забивают окружающих людей, подавляют любое проявление свободы в личности, насаждают в людях страх и покорность.

Много людей замирает в этом «тёмном царстве», теряет и смысл, и волю, и даже силу сердечного чувства — всё, что составляет разумную жизнь. И в то же время в «тёмном царстве» самодурства есть и своеобразные «живучие натуры»: те внутри себя собирают яд своего недовольства, чтобы при случае выпустить его. Пока они безмолвны. Однако втихомолку стремятся высвободить руки, чтобы потом распилить цепи свои. Ради этого используют они обман и подлость, притворство и зложелательство. Винить таких людей трудно, рабски воспитанные, они рабски и хитрят. В таких людях не может развиваться сознание, нравственный долг и истинные начала честности и права. Господствующее в «тёмном царстве» самодурство, дикое, безумное прогнало из него всякое сознание чести и права, подчёркивает Добролюбов.

Однако сопротивление самодурству и самодурам (Диким, Кабановым и т.п.) всё-таки зреет. Даже в существах самых слабых растёт ропот, доказывающий, что протест против самодурства со временем может превратиться в упорную борьбу.

Вместе с тем и самодурство начинает терять свою самоуверенность, лишается твёрдости в действиях, утрачивает и значительную долю той силы, которая заключалась для него в наведении страха на всех. Катерина тянется к свету и вольному воздуху, она жаждет свободы и не может далее оставаться неподвижной; она рвётся к новой жизни, хотя бы ей пришлось умереть в этом порыве. Да и что ей смерть? Всё равно — она не считает жизнью то прозябание, которое выпало ей на долю в семье Кабановых. Добролюбов, как и Островский, сочув-

ствует Катерине. В странном стремлении к счастью заключается вся её жизнь, вся сила её натуры. К Борису влечёт её не одно то, что он ей нравится, что он и с виду и по речам не похож на остальных, окружающих её, к нему влечёт её и потребность любви, не нашедшая себе отклика в муже, и оскорбленное чувство жены и женщины, и смертельная тоска её однообразной жизни, и желание простора, горячий, беззапретной свободы... (Т.3., с. 339).

В ней пробуждается личность, она протестует против обезличения, против дикости, произвола самодуров, подчёркивает Н.А.Добролюбов.

Самодурство — это не только самодурство нижегородских купцов. Это самодурство «тёмного царства» российского самодержавия и крепостничества. К этому выводу призывает Н.А.Добролюбов честных и мыслящих русских людей.

Вместе с тем, он убеждён, что в общей массе людей невозможно исказить человеческую природу в такой степени, чтобы в ней не осталось и следа естественных инстинктов и здравого смысла. Деспотизм и рабство, противные природе человека, никогда не смогут достигнуть нормальности, никогда не смогут покорить себе ум и совесть человека... Как бы ни были деспотизм и рабство сильны, они не в состоянии уничтожить в людях наклонности к самостоятельной деятельности и свободному рассуждению (т.3, с. 211).

Н.А. Добролюбов с поразительной силой вскрыл также корень такого нравственного унижающего человека, но, по его мнению, опять-таки типично русского явления, как обломовщина. В чём заключаются главные черты обломовского характера? — так ставил вопрос Добролюбов, анализируя роман И.А.Гончарова «Обломов». И сам отвечал: «В совершенной инертности, происходящей от апатии Обломова ко всему, что делается на свете... Его желания

являются только в форме: «А хорошо бы, если бы вот это сделалось». Но как это может сделаться, он не знает. От того он любит помечтать и ужасно боится того момента, когда мечты придут в соприкосновение с действительностью. Тут он и старается взвалить дело на кого-нибудь другого, а если нет никого, то на авось (Т.2, с.226, 228).

У Обломова есть на кого взвалить дело; он — барин, у него есть «Захар и ещё триста Захаров».

Именно гнусная привычка получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других — развила в нём, в Обломове, апатичную неподвижность и повергла его в жалкое состояние нравственного рабства (т.2, с. 230), — подчёркивает Добролюбов. Обломов не задаётся вопросом: зачем жизнь, что она такое, какой её смысл и назначение? Обломов (и обломовцы) очень просто понимают её: как идеал покоя и бездействия; они сносят труд как наказание и где был случай всегда от него избавлялись (там же, с. 231).

Они только говорят о высших стремлениях, — о сознании нравственного долга, а на проверку выходит, что всё это слова и слова. Самое задушевное их стремление есть стремление к покою, халату...

Всё, о чём они говорят и мечтают — у них пустое, наносное, в глубине же души их коренится одна мечта, один идеал — возможно — невозмутимый покой, квиетизм, т.е. обломовщина (т.2, с. 249), вновь и вновь подчёркивает Н.А. Достоевский.

Обломовщина, продолжает он, слово, которое служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни. Родовые черты её можно найти ещё в Онегине. И беда в том, что в каждом из нас сидит значительная часть Обломова, точнее обломовщины, поскольку главный здесь не Обломов, а обломовщина (там же, с.251). И будет сидеть, пока будет крепостничество.

Крепостничество — ужасно, страшно, оно подавляет, унижает личность, отрицает её в подчиненном существе, для которого в сущности нет другого закона жизни, кроме произвола того, кому оно подчинено. На самом же деле и господа — сами по себе — ничто; их жизнь убита тем, что они постоянно остаются рабами чужой воли и никогда не возвышаются до того, чтобы проявить какую-то самобытность. Они — рабы своих крепостных; те умеют работать, а крепостники не умеют (т. 2, с. 230).

Итак, подчёркивает Н.А. Добролюбов, неестественные крепостнические отношения губительны и для самих владельцев крепостных, поскольку лишают их всякой опоры в себе самих, лишают их здоровых понятий и высоких нравственных принципов, делают их бесчеловечными.

Н.А. Добролюбову были чужды пассивные добродетели, он желал живого дела, борьбы ради свободы и счастья людей. Он ценил И.С. Тургенева за умение отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство. Многие герои его произведений — Рудин, Лаврецкий и другие умные, благородные и духовно богатые люди; они высоко поднимаются над окружающими их людьми, но не имея простора для размаха своих крыльев, впадают в апатичное бездействие и становятся лишними на белом свете. Сегодня же, подчёркивает Добролюбов, нужны люди дела. Именно поэтому он горячо поддержал роман И.С. Тургенева «Накануне», его героев — Елену Стахову, которая переполнена жаждой деятельности добра, и особенного болгарина Инсарова, святая цель которого — освободить свою родину от турецкого ига.

«В образе Елены объясняется причина той тоски, необходимо поражающей всякого порядочного русского человека, как бы ни хороши были его собственные обстоятельства. Елена жаждет деятельности добра, она ищет возможность устроить счастье вокруг себя, потому что она не понимает возможности не только сча-

стья, но даже и спокойствия собственно, если её окружает горе, несчастье, бедность и унижение её близких» (т. 5, с. 86), пишет Н.А. Добролюбов. Что касается Инсарова, то он, полагает Добролюбов, никак не может понять себя отдельно от родины. «Как же это можно быть довольным и счастливым, когда свои земляки страдают?» — думает он. Как же может успокоиться человек, пока его родина порабощена и угнетена?». Любовь к свободе родины у Инсарова не в рассудке, не в сердце, не в воображении: она у него во всём организме, и что бы не вошло в него, все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается с ним» (т.3, с. 94).

Инсарова Добролюбов противопоставляет русским молодым людям — Берсеневу, Шубину, пополняющим галерею «лишних людей». Они симпатичны, даже энергичны, но удовлетворяют себя мелкими и ненужными бравадами, не достигая до настоящего, серьёзного героизма, т. е. до отречения от целой массы понятий и практических отношений, которыми они связаны с общественной средой. Они боятся или не умеют доходить до корня и, задумывая, например, карать зло, только и бросаются на какое-нибудь мелкое проявление его и утомляются страшно, прежде, чем успеют даже подумать об его источнике. Не хочется им поднять руки на то дерево, на котором и они сами выросли; вот они и стараются уверить себя и других, что вся гниль его только снаружи, что только очистить её стоит и всё будет благополучно. Выгнать из службы нескольких взяточников, наложить опеку на несколько помещичьих имений, обличить целовальника — вот и воцарится правосудие, крестьяне по всей России будут благоденствовать, и откупа сделаются превосходною вещью для народа. Так искренне думают многие, и действительно тратят все свои силы на подобные подвиги, и за то не шутя считают себя героями. (там же, с.109).

И это ещё лучшие, передовые люди, отмечает Добролюбов. А сколько за ними совсем сонных Обломовых, деятельных Чичиковых, неустанных в достижении своих гаденьких интересов! А ещё дальше злое племя самодуров, предъявляющее свои права на жизнь и волю русских людей (Там же, с. 115).

Так что же все героическое, деятельное должно бежать от нас, если не хочет умереть от бездействия или погибнуть напрасно, — как это делает Елена Стахова, которая, разделяя судьбу и идеалы Инсарова, после его смерти уезжает в Болгарию, чтобы вместе с его друзьями участвовать в борьбе болгар против турецких поработителей?

Нет, утверждает Добролюбов, борцы нужны здесь, в России. Нужно героичество для борьбы с врагами внутренними: крепостниками, царскими сановниками и чиновниками, которые поработают и унижают народ. Всё лучшее, всё свежее в нашем обществе страстно ждёт новых людей, борцов против самодержавия и крепостничества.

Добролюбов верил, что «настоящий день» приближается. В нашем обществе уже есть место великим идеям, нарастает понимание всей несостоятельности старого порядка вещей, люди ждут и надеются... Придёт же он наконец, этот день, новый день, настоящий день! Придёт и придёт очень скоро! (Там же, с. 119, 120).

Конечно, Добролюбов был в данном случае слишком оптимистичен: понадобились жизнь и борьба ещё двух-трёх поколений, чтобы народ восстал, поднялся на борьбу против самодержавно-крепостнического строя.

Но, бесспорно, такие страстные слова Добролюбова не могли не найти отклика в сердцах честных людей, жаждущих свободы, для себя, для народа.

Последовательно выступая за утверждение свободной личности, за её право на проявление всей полноты чувств, Н.А. Добролюбов отвергал точку зре-

ния, согласно которой цель жизни есть вечный труд, вечная жертва, вечное следование требованиям нравственного долга.

Конечно, человек — труженик, труд создаёт предпосылки для жизни человека, и выступает основой его нравственности. Строй будущего общества должен обеспечить условия для того, чтобы значение каждого человека определялось его личными достоинствами и чтобы материальные блага приобретались каждым в строгой размерности с количеством и достоинством его труда. Вместе с тем, Добролюбов возражал И.С. Тургеневу, который в рассказе «Фауст» утверждал, что жизнь — это прежде всего труд и исполнение долга.

Подобный взгляд, по мнению Добролюбова, неверен, ибо он потребности человеческой природы фактически считает «противными требованиям долга и, следовательно, люди, принимающие такой взгляд, признаются в своей крайней испорченности и нравственной негодности».

У подлинно нравственного человека его природные потребности не расходятся с требованиями нравственного долга. Долг слит с устремлениями человека к радости, добру, счастью, мечте. Его требования в данном случае делаются инстинктивно необходимыми и доставляют человеку внутреннее наслаждение. Если это и эгоизм то эгоизм, «полагающий в счастье других собственное счастье».

Человек, выполняющий нравственный долг только в силу предписания, определённо эгоист, его эгоизм вытекает либо из страха, либо корыстного расчёта, либо из тщеславия. Конечно, человек, преодолевающий препятствия, борющийся со злом, ради высокой цели отказывающийся от самого себя, заслуживает высокого уважения. Но счастлив ли он? Счастлив тот, кто действует в полном согласии с самим собой, кто живёт всей полнотой человеческих чувств.

Учение о безоговорочном, безусловном служении нравственному долгу — это учение принижает личность, заставляет человека аскетически пожертвовать своей живой деятельностью ради высшего принципа о долге и нравственности (Т.1, с.610).

Добролюбов призывает молодежь: «Сохраните же свою личную самостоятельность против всякого авторитета, сохраните свою внутреннюю нравственность против всяких внешних внушений, против всего, что насильственно захотят навязать вам под ложным названием *долга*. Старайтесь не входить в разлад с собою и сохранить всю чистоту души, какую вас наделила природа. Не верьте, что нравственность состоит в отречении от своей воли и ума, и знайте, что, напротив, всякий, кто поступает против внутреннего своего убеждения, поступает бесчестно и подло, — всякий, потерявший силу свободного самостоятельного действия, есть жалкая дрянь и тряпка и только напрасно позорит свое существование» (т. 1, с. 670).

Добролюбов был верным сыном России, патриотом, горячо любившим свою родину, свой народ. При этом он решительно отвергал как псевдопатриотические разговоры о некой высшей русской породе, о том, что русскому человеку не надо ничему специально учиться, что талант у всех русских нечто врождённое, что в сравнении с Европой Россия якобы развивается, растёт необыкновенно быстро и т. д. и т. п.. Все эти разглагольствования не только не имеют внутреннего смысла, не только не имеют ничего общего с любовью к родине, но и опасны, потому что граничат с «человеконенавидением», с неуважением к другим народам. После Крымской войны для русских прошло время как для бесполезного, надутого хвастовства своими, будто бы исключительными, национальными достоинствами, так и для бестолкового, слепого подражания всему ино-

странному. Прошло и для иностранцев время надменного презрения ко всему русскому, равно как и время, когда они боялись русского государства, как скопища диких варваров.

Исследуя творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина, Добролюбов писал, что да, мы, русские, вообще как-то очень скоро и внезапно вырастаем, однако пресыщаемся, впадаем в разочарование, не успевши даже хорошенько очароваться. Растём мы скоро, истинно по-богатырски, не по годам, а по часам, — но, выросши, не знаем, что делать со своим ростом. Нам внезапно делается тесно и душно, потому что в нас образуются все широкие натуры, а мир-то наш узок и низок — развернуться негде, выпрямиться во весь рост невозможно. И сидим мы, съевшись и сторбатившись, в совершенном бездействии, пока не расшевелит нас что-нибудь уже слишком чрезвычайное. Один из учёных профессоров наших... с удивительной прозорливостью сравнил русский народ с Ильёй Муромцем, который сидел сиднем тридцать лет и потом вдруг... ощутил в себе силы богатырские и пошёл совершать дивные подвиги. В самом деле, вся наша история отличается какой-то порывистостью: вдруг образовалось у нас государство, вдруг водворилось христианство, скоропостижно перевернули мы вверх дном весь старый быт свой, мгновенно догнали Европу и даже перегнали её: теперь уже начинаем её побранивать, стараясь сочинить русское воззрение... Так было в большом, то же происходило и в малом: рванёмся мы вдруг к чему-нибудь, да потом и сядем опять, и сидим, точно Илья Муромец, с полным равнодушием ко всему, что решается на белом свете (Т.1, с.299), — пишет Н.А. Добролюбов.

По его мнению, патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что человек одушевлённый таким патриотизмом, готов трудиться и для своей страны, и для всего человечества... Ограничение своей деятельности

в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен. Оттого-то настоящий патриот терпеть не может хвастливых и восторженных восклицаний о своём народе, оттого-то он смотрит презрительно на тех, которые стараются определить грани разъединения между племенами. Настоящий патриотизм как частное проявление любви к человеку не уживается с неприязнью к отдельным народностям. Как проявление живое и деятельное оно развивается с особой силой в тех странах, где каждой личности предоставляется большая возможность приносить сознательно пользу обществу и участвовать в его предприятиях. Мы часто жалуемся, что у нас слабо развит патриотизм; это оттого, что деятельность массы отдельных лиц у нас почти совершенно разъединена с общим течением дел и, следовательно, круг интересов каждого необходимо мельчает (т. 1, с. 580).

Псевдопатриотизм, напротив, расширяет до возможной степени неразумную любовь к себе и своему и потому часто граничит с «человеконенавидением».

Добролюбов любит простой русский народ, горячо сочувствует трудящимся массам русского народа. При всех искажениях крестьянского развития мы видим в народных массах наших много того, что мы называем «деликатностью», пишет он. Смирение, терпение, самопожертвование и прочие свойства, воспеваемые славянофилами, составляют жалкое и безобразное искажение этого прекрасного свойства деликатности. И сегодня мы видим в крестьянстве следы живого, хорошего направления этой деликатности. Это прежде всего сознание, которое в простом классе несравненно развитее, нежели в сословиях, обеспеченных постоянным доходом, — сознание, что надо жить своим трудом, а не дармоедствовать. Известно, что на Руси «мирод» — человек, разжиревший

на мировой счёт, составляет одно из самых позорных названий. Наряду с этим уважение к личности и правам других, и вследствие этого внимательность к общему мнению, также гораздо сильнее в людях простых, нежели в тех, кто поставлен судьбой в положение, был ее благоприятное для лени и капризов (т.3, с. 244,245).

Добролюбов решительно отвергал высокомерное равнодушие к народу так называемых либералов. Либералы, писал он «полагают, что русский человек ни на что сам по себе не годится и представляет не более, как нуль: если подставить к нему какие-нибудь (иностранные) цифры, то выйдет что-нибудь, а если нет, то он и останется в полнейшем ничтожестве».

Неправда: во-первых, миллионы русских людей вовсе не виноваты в своём невежестве; не они отчуждаются от знания, от искусств, от поэзии, а их чуждаются и презирают те, кто успел захватить умственное достояние в свои руки. Во-вторых, народ наш отнюдь не замер, не опустился, источник жизни не иссяк в нем. Несмотря на гнёт крепостничества, как много сохранилось в нашем народе энергического, отважного элемента! (Т.3, с. 262).

Опровергая либералов, Добролюбов подчёркивает: «Коренная Россия не в нас с вами заключается, господа умники. Мы можем держаться только потому, что под нами есть твёрдая почва — настоящий русский народ, а сами по себе мы составляем совершенно неприметную частичку великого русского народа».

Русский народ ровно, беспорывно, беззаветно, просто и открыто выражает своё глубокое чувство, свою глубокую веру, и выражает не в восклицаниях, а на деле. Русский народ не любит много говорить, не щеголяет своими страданиями и печалью, и часто даже сам их не понимает хорошенько.

«Но уже зато если что-нибудь поймет этот мир», толковый и дельный, если скажет своё простое, из жизни вышед-

шее слово, то крепко будет его слово, и сделает он, что обещал. На него можно надеяться» (Т.1, с.328). Н.А. Добролюбов высоко ценит поэзию М.Ю. Лермонтова, и именно за то прежде всего, подчёркивает он, что в его творчестве любовь к Отечеству, к русскому народу выражена истинно и свято. Он особенно восхищается стихотворением «Родина».

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску, с топаньем и свистом,
Под говор пьяных мужичков.

Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта, подчеркивал Н.А. Добролюбов. (Т.1, с.398).

С глубоким уважением Н. А. Добролюбов отзывается о творчестве А.В. Кольцова, подчеркивая глубоко народный характер его поэзии. В стихах А.В. Кольцова «впервые мы увидели чисто русского человека, с русской душой, с русскими чувствами, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие» (т.1, с.207).

Служить людям, народу своей стране, человечеству — высший долг и наиболь-

шее счастье для человека, для личности. Вы не можете быть счастливы, если у вас благородное сердце, когда люди страдают, несут лишения, несвободны. Такое жизненное кредо у Н.А. Добролюбова.

Воплощение высших, общечеловеческих интересов и идеалов — кредо и эстетических воззрений Н.А. Добролюбова. Художник должен распространять в обществе светлый взгляд, истинные, благородные устремления. Вместе с Н.А. Некрасовым и Н.Г. Чернышевским Добролюбов утверждал и развивал в литературе традиции и идеи В.Г. Белинского.

Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развивалась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением. До сих пор его влияние ясно чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан Белинскому. Во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку, и, конечно, — это лучшие люди России.

Читая Белинского, мы забываем мелочность и пошлость всего окружающего, мы мечтаем об иных людях, об иной деятельности, и искренне надеялись встретить когда-нибудь таких людей, и восторженно обещали посвятить себя самим такой деятельности. (Т.2, с.212).

Подобно Белинскому, Добролюбов утверждает, что искусство вытекает из жизни; все, что не отражает жизнь, «уродливо и бессмысленно». Вместе с тем, считает он, искусство отнюдь не «метла», очищающая действительность от грязи. У искусства свои законы, свои цели. Опираясь на действительность, оно должно изображать нам чувства возвышенные, натуры благородные, лица идеальные. Давать нам образцы доброго и изящного, которыми мы могли бы восхищаться.

Очень важно, продолжает Добролюбов, чтобы произведения искусства вызвали на размышления. Только тогда они по справедливости присваивают себе серьезное значение в ходе нравственного развития народа. Побуждайте людей самих думать. «Соберите в вашем типе, в вашем описании, как фокусе, все частные явления, мелкие черты, не уловимые обыкновенным взглядом особенности быта или лица, осветите все это общей идеей вашей, ...не бойтесь являться учителем, бойтесь высказывать нам, что вы хотите таких-то и таких-то совершенств и намерены казнить такие пороки. Скройте свою личность за своих героев, а для этого пусть в вашем рассказе будет больше действия, жизни, драматизма».

Добролюбов отвергает в искусстве бездушное формотворчество.

Он апеллирует к Лессингу, который в работе «Лаоон, или о границах живописи в поэзии» доказал особенно применительно к поэзии, что поэт должен не столько описывать образы, их красоту, сколько передать их действие на душу человека, тогда люди сами будут в состоянии представлять и себе образ, производший это впечатление (т. 2, с. 309).

Вместе с тем, Добролюбов, конечно же, высоко ценил художественный стиль своеобразие таланта художника.

Сравнивая, например творчество И.С. Тургенева и И.А. Гончарова, он указывал на различие их манеры рассказа о своих героях.

Так, И.С. Тургенев рассказывает о своих героях как о людях, близких ему, выхватывает из груди их горячее чувство и с истинным участием, с болезненным трепетом следит за ними, сам страдает и радуется вместе с лицами, им сострадает и сам увлекается той поэтической обстановкой, которой любит всегда окружать их... И его увлечение заразительно: оно неотразимо овладевает симпатией читателя, с первой страницы привязывает к

рассказу мысль его и чувства, заставляет его переживать, перечитывать, перечувствовать те моменты, в которых являются перед нами тургеневские лица.

И.А. Гончаров же «не запоет лирической песни при взгляде на розу и соловья; он будет поражен ими, остановится, будет долго всматриваться и вслушиваться, задумается ... Какой процесс в это время произойдет в душе его, этого нам не понять хорошенько ... Но вот он начинает чертить что-то. Вы холодно всматриваетесь в неясные еще черты. Вот они делаются все яснее, яснее, прекраснее... и вдруг, неизвестно каким чудом, из этих черт восстает перед вами соловей и роза со всей своей прелестью и обаянием. Вам рисуется не только их образ, вам чувствуется аромат розы, слышатся соловьиные звуки. Пойте лирическую песню, если роза и соловей могут возбуждать ваши чувства; художник начертил их, и, довольный своим делом, отходит в сторону. В этом умении охватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнейшая сторона таланта Гончарова. И его он превосходит всех современных русских писателей (т. 2, с. 219, 220).

Главное достоинство художника состоит в правде его изображений; правда вот, по Добролюбову, синоним художественности. Он ценил творчество Тургенева, Островского, Достоевского, Гончарова за то, что их произведения верно, правдиво отражали жизнь и побуждали искать пути к ее улучшению. И.А. Гончаров писал, что Добролюбов поразил его тонким пониманием творческого процесса, глубоким проникновением того, что делается в представлении художника. «Да как же он, не художник, — знает это? Этими искрами, местами, рассеянными там и сям, он живо напомнил то, что целым пожаром горело в Белинском... Такого сочувствия и эстетического анализа я от него не ожидал...» (Гончаров И.А. Собр.соч., в 8ми томах., т.8.,М. 1955, с.323).

Все попытки представить Добролюбова и людей его типа утилитаристами, нигилистами, разрушителями, в жизни и искусстве, пренебрегающими личной судьбой человека, как очевидно, несостоятельны. Определить нравственное достоинство лица по одному только количеству пользы, принесенной им, несправедливо. Человек вполне достоин уважения общества именно за свою честность и высшие нравственные качества, отмечал Добролюбов.

Да, Добролюбов выступал за революционное свержение самодержавия, да, он был убеждён, что для того, чтобы в обществе утвердилась разумность, необходимо изменение общественных отношений. Но он, Добролюбов, любил народ, верил в него, считал, что историю создаёт народ, что без участия народа история — не более как «материал». Призывая к революции, он желал такого изменения общественного строя, утверждения таких общественных порядков, при которых каждый человек должен быть человеком и относиться к другим: как человек к человеку...

В личном плане Н.А. Добролюбова отличали безупречная порядочность, благородство души, чувство собственного достоинства. Бескомпромиссная прямота и честность.

Великие люди, большие мыслители высоко ценили взгляды и деятельность Н.А. Добролюбова. Н.Г. Чернышевский, его самый близкий друг, так отзывался о Добролюбове:

«Я не встречал человека с более сильным и светлым умом, чем какой был в Николае Александровиче, но при этом в нем было такое живое сердце, что чувство постоянно служило ему первым возбудителем и мыслей и дел. От этого его убеждения и намерения всегда были реальны — определены до конкретности, и, при всей беспредельности своей теоретической программы, он все свои силы обращал на исполнение той части ее, которая могла быть осуществ-

влена непосредственно, чтобы эта частная перемена служила средством для осуществления дальнейших замыслов. (Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986, с. 140).

Н.А. Некрасов, также горячо любивший Н.А. Добролюбова, так отзывался о нем:

«Добролюбов «сознательно берёт себя для дела... Ничто вне этой деятельности не существовало для него, ничто не должно было существовать, по его убеждениям... Даже в частной жизни, в ежедневных сношениях с людьми, Добролюбов представлял между нами, русскими, нечто особенное. С детства прививается к нам множество дурных привычек, известных под именем «уменья жить». Мы от лени говорим «да» там, где следовало бы отвечать «нет»; улыбаемся, по слабодушию, там, где следовало бы браниться; приглядываемся внимательно к какому-нибудь вздору, на который следовало бы отвечать смехом или даже негодованием. Ничего подобного в Добролюбове не было. Он смеялся в лицо глупцу, резко отворачивался от негодея, он соглашался только с тем, что не противоречило с его убеждениями. Если к этому прибавим, что он не только не заискивал у авторитетов, но даже избегал встреч с ними, да припомним ту независимость, с которой он высказывался печатно, то поймём, почему в литературе его не многие любили. Сила таланта и честной правды, впрочем, начинала уже брать своё: в последнее время чаще и чаще стало слышаться мнение, что этот человек не без права стал в главе современного литературного движения. Кто по крайней мере теперь — не согласится, что нужен был этот резкий, независимый, отрезвляющий, на дело зовущий голос?» (там же, с. 297).

В таланте Добролюбова — «сила, происходящая от убеждения», — писал Ф.М. Достоевский (т. 18, с. 81). Конечно, Добролюбов порой был резок. Но с кем и почему? Он «очень не жаловал

некоторых литературных корифеев, и так называемых людей сороковых годов, и вообще всех...либеральничавших только языком и пером; он безжалостно осуждал и порицал их... В них видел, так сказать, квинтэссенцию того, что он ненавидел больше всего на свете, что считал позором и преступлением со стороны всякого интеллигентного и мыслящего человека, а тем более литератора: прекрасные мысли, прекрасные намерения, прекрасные слова — и никакого дела или даже непрекрасные дела». И что это за люди, — с досадой говорил он, — «если мысли и намерения, лежащие у них в голове или постоянно болтающиеся у них на языке, не оказывают на их деятельность никакого влияния, не проявляются в их действиях? Это бездушные механизмы, в которые вставлены красивые и блестящие погремушки: это деревянные шкафы, в которых лежат книги с прекрасным содержанием, которое не имеет никакого отношения к шкафам... Нет, настоящее, действительное убеждение и намерение всегда бывает сильно и деятельно, оно одушевляет и охватывает всего человека, действует на его чувства, движет его волю и служит пружиной, управляющею всеми его действиями...», — пишет, в частности, М.А. Антонович (там же, с. 214,215).

И, разумеется, Н.А. Добролюбова высоко ценили революционные вожди народных масс. «С сочинениями Эрлиба (Добролюбова) я отчасти знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро», — писал К. Маркс. Ф. Энгельс также чрезвычайно высоко оценивал Добролюбова (и страну, в котором он родился): «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет...».

Ленин, как известно, также высоко ценил и признавал огромное значение для его личного идейного и нравственного становления работ и примера Добролюбова. «Говоря о влиянии на меня

Чернышевского, как главным, не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же «Современнике» я тоже взял серьёзно. Две его статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили, как молния... Из разбора «Обломова» он (Добролюбов) сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать». (В.И. Ленин о литературе и искусстве., М. 1976., с.650).

Вся жизнь Н.А. Добролюбова была наполнена ожиданием и подготовкой великого, «настоящего» дня народного восстания за свободу. «До сих пор нет для развитого и честного человека благодарной деятельности на Руси... Но мы должны создать эту деятельность, к созданию ее должны быть направлены все силы, сколько их ни есть в природе нашей», писал он товарищу юношеских лет. И Добролюбов создавал эту деятельность с непреклонной энергией, горячо и страстно.

«Говорят, что мой путь смелой правды приведет меня когда-нибудь к гибели. Это очень может быть; но я сумею погибнуть недаром. Следовательно, и в самой последней крайности будет со мною мое всегдашнее, неотъемлемое убеждение, — что я трудился и жил не без пользы».

Н.А. Добролюбов трудился и жил с великой пользой для своей страны и для своего народа. Это мы, его соотечественники, живущие 150 лет после его кончины, безоговорочно признаем. Он всей своей жизнью учит нас быть верными своим убеждениям, быть способными отстаивать свою честь и достоинство, горячо, беззаветно, служить своей стране, своему народу, защищать его право на свободу и счастливую жизнь.

МЯГКАЯ СИЛА

КИНЕМАТОГРАФ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ». КИТАЙСКИЙ КАЗУС

Тетерюк А. С.

Магистрант МГИМО (У) МИД России

В исследованиях мировой политики зачастую преобладают вопросы безопасности и проблемы политико-экономического характера. Социально-гуманитарным аспектам международных взаимодействий не всегда уделяется достаточно внимания. Тем не менее, по мере распространения глобализации и интенсификации культурного обмена между государствами, в исследовании международных отношений происходит «культурный поворот», благодаря которому изучение социально-гуманитарного измерения приобретает новое значение. Концепт «мягкой силы» (soft power) здесь не является исключением. На текущий момент одним из наиболее широко распространенных и эффективных инструментов «мягкой силы» является кинематограф. На протяжении длительного времени данный культурный ресурс использовался во внешней политике преимущественно западными странами и, в частности, США. Однако в последние годы все большее число азиатских стран используют потенциал кино для проецирования своего влияния в мире. Можно с уверенностью говорить, что наибольших успехов здесь достигает Китай.

Ключевые слова: Китай, США, Най, мягкая сила, влияние, международные отношения, кинематограф, культура, гуманитарные исследования

CINEMA AS A MEANS OF «SOFT POWER». THE CHINESE CASE

A.S. Teteryuk

In studies of world politics security issues and problems of political and economic character often prevail over social and humanitarian aspects of the international interactions. Nevertheless, due to globalization and intensified cultural exchange between states, so called «cultural turn» in studies of international relations is taking place. Because of it the studying of socio-humanitarian dimension becomes more significant. The concept of «soft power» isn't an exception. At the moment one of the most widespread and effective tools of «soft power» is cinema. Throughout a long time this cultural resource has been used in foreign policy by Western countries and, in particular, the USA. However in recent years the increasing number of Asian countries uses the potential of cinema to spread their influence in the world. One can surely claim that China has achieved the greatest success in this area so far.

Keywords: China, USA, Nye, soft power, influence, international relations, cinema, culture, social studies

В 1990 году профессор Гарвардского университета Джозеф Най ввел в научный дискурс термин «мягкая сила» (soft power). Согласно американскому ученому, наряду с традиционной «жесткой силой» (hard power), обусловленной политическим, военным и экономическим потенциалами государства, существует другая сила, «мягкая», представляющая собой совокупность привлекательных для других государств аспектов национальной культуры данного государства, его политических и духовных ценностей и проводимой им внешней политикой [1].

Продолжая сравнение, следует добавить, что «жесткой силе» (власти) традиционно соответствуют такие характеристики как насилие, принуждение, подавление и господство. «Мягкая сила», в свою очередь, отождествляется с такими понятиями как «гибкость, эфемерность, привлекательность и ненавязчивость» [2]. Иными словами, если «жесткая сила» в веберовской трактовке представляет собой возможность (способность) одного субъекта навязать свою волю другому субъекту вопреки нежеланию последнего, то «мягкая сила» побуждает сделать

желаемое без осязаемых угроз, выплат и иных издержек. Ключевой особенностью «мягкой силы» является *добровольный характер* ее восприятия субъектом. Другими словами, субъект (человек, народ или государство) подчиняется такого рода силе по собственному желанию, что является «результатом самостоятельного выбора» [2].

Идея распространения влияния путем социально-гуманитарных средств стала популярной среди западных политиков и исследователей, поскольку была подкреплена высокой оценкой потенциала «мягкой силы» США и, во многом, Европы. После распада СССР эти акторы по сути представляли собой единственные центры генерации и источники транслирования своих идей и культуры на весь остальной мир. Другие центры влияния, такие как Азия и Ближний Восток находились, по мнению Ная, в зачаточном состоянии и поэтому не представляли собой серьезной угрозы [1]. Подтверждением этого стали интенсивное продвижение и популяризация именно западной продукции самой разной направленности, от одежды до стиля жизни.

Сегодня «мягкая сила» присутствует фактически в каждом, даже малозначительном, событии в международной жизни [3]. А благодаря современным информационным и коммуникационным технологиям ее влияние усиливается многократно. За счет информационной революции «soft power» получила возможность оказывать воздействие многочисленными способами: посредством общественной дипломатии, СМИ,

Интернета, социальных сетей, рекламы и т.д. Не менее важным (а возможно, одним из ключевых) каналом оказания влияния становится также сфера кинематографа. Уже неоднократно было убедительно доказано, что Голливуд является эффективным инструментом распространения влияния США [4]. Несмотря на критику со стороны многих стран в «бездуховности» и упрощенном мировоззрении, а также излишней коммерциализированности, американская «фабрика грез» остается важным и востребованным во всем мире инструментом внешней культурной политики США. Тем не менее, на текущий момент можно с уверенностью констатировать, что центр влияния в культурном плане (в том числе в области кинематографа) постепенно смещается в Юго-Восточную Азию. Лидирующую роль здесь сохраняет за собой Китай. В 2012 году на сайте www.globalaffairs.ru была опубликована статья под названием «От мягкой силы к культурному могуществу» [5], в которой авторы отметили стремление Китая заявить о себе как о новом полюсе «мягкой силы», серьезным подтверждением чего стало постановление пленума ЦК КПК о «реализации стратегии выхода культуры вовне». По нашему мнению, важнейшим инструментом реализации данной стратегии на текущий момент является именно китайский кинематограф. Таким образом, в работе будет рассмотрен такой фактор «мягкой силы», как кинематограф, его влияние, а также роль государства в области киноиндустрии на примере Китая.

ПОЧЕМУ КИНЕМАТОГРАФ — ВАЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»?

Среди различных способов оказания влияния на психику человека, кино является одним из наиболее мощных. С точки зрения психологического воздействия на человека, кино сильно влияет как на мировоззренческий аспект мышления человека, так и на его психологические

реакции в целом. Причём, часто фильмы формируют определенные поведенческие реакции. Это утверждение касается, прежде всего, подростков и детей, так как именно их психика поддается наиболее сильному влиянию под воздействием информации извне. Взрослые также под-

вержены влиянию кинофильмов, хотя и в меньшей степени. Кино вбрасывает информацию прямо в подсознание человека и является средством управления поведением людей [6]. Любый фильм, который смотрит человек и который ему интересен, создаёт особый иллюзорный мир в сознании человека, тем самым управляя в определённых ситуациях его поведением [7]. Говоря об иллюзорной реальности, создаваемой «магией кино», уместно вспомнить *теорию соблазна* Ж. Бодрийяра. Согласно его концепции, понятие соблазна следует использовать в качестве категории, обозначающей силовое властное воздействие, осуществляемое в пространстве символических образов [2]. Следовательно, соблазн это нематериальная сила, которая, тем не менее, присутствует в реальных проявлениях власти. Стратегия воздействия соблазна состоит в том, что он обольщает посредством красивой приманки, очаровывающей иллюзии, в которую человек погружается с готовностью и удовольствием. Источником «мягкой силы» соблазна является символическое пространство видимостей и симулякров, идеальной моделью которого является как раз кинематограф [8].

Взросшая роль кинематографа в контексте «мягкой силы» вытекает также из *теории текучей современности* З. Баумана. Ученый отмечает, что на смену господствующей модели современности, основанной на системе жесткой иерархии, квинтэссенцией которой является *фордизм*¹, приходит эпоха легкой (текучей) современности. Это мир, полный бесконечных возможностей потреби-

тельского выбора. В рамках такого мира контроль над людьми при помощи традиционных средств затрудняется, поэтому необходимы новые инструменты властвования. Согласно автору, такими инструментами становятся современные масс-медиа в том числе и кинематограф. Из средства развлечения кинофильм превращается в один из основных ориентиров для человека в мире быстро сменяющихся друг друга модных тенденций. Исследователь пишет, что экранные зрелища замещают средства надзора. Они продолжают развлекать людей, однако, вместе с тем, приобретают дисциплинирующие функции [9].

По мнению психологов, многие люди не задумываются над тем, что иногда разные типы настроения могут быть навязаны фильмами с тем или иным сюжетом. Просмотр определенных фильмов, будь то ужасы или драма, будет вызывать аналогичные эмоции и переживания, которые могут влиться в жизнь человека. Впоследствии частый просмотр кинофильмов определенного жанра или тематики (например, военных фильмов) постепенно будет вызывать в человеке соответствующий набор чувств: гордость за свою Родину и армию и ненависть или недоверие по отношению к другой стороне (подобная дихотомия «свой-чужой» красной линией проходит через большинство американских фильмов о Второй мировой войне). Для понимания того, каким образом фильмы влияют на психику человека, необходимо отобразить уровни, из которых состоит психическая деятельность человека:

Три уровня, составляющие психическую деятельность человека, взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. На «входе» человек (субъект) при просмотре фильма получает определенную информацию, которая затем попадает в психику и распределяется по уровням. Среди уровней психики человека бессознательное начало представлено практически во всех психических процессах, сюда можно отнести ощущение равновесия, проприоцептивные (мышечные) ощущения [10]. Также можно выделить неосознаваемые зрительные и слуховые ощущения, которые вызывают непроизвольные рефлексивные реакции в зрительном и слуховом центрах нервной системы. Таким образом, фильмы воздействуют на человека на всех уровнях психики. Переработав информацию, на «выходе» субъект получает сформированный паттерн действия, который он может применить в реальной жизни или следовать ему бессознательно, поскольку будет считать данную модель поведения наиболее приемлемой в конкретной ситуации.

При просмотре фильмов определенного жанра или тематики зритель испытывает эмоции и тем самым «подпитывает» чувства, вызванные этим же фильмом или ранее просмотренными, которые через сознание проникают на остальные уровни сознания и там фиксируются. Сформировавшиеся словно условный рефлекс эмоции или ассоциативный ряд затем проявляются через соответствующее отношение (поведение) к другим людям, животным, стране и так далее. Это не чувства в прямом смысле слова. Человек изначально может не испытывать негативных чувств по отношению к другому субъекту, однако набор соответствующих эмоций или ассоциаций заставляет его в данной ситуации поступать именно таким образом. Отчасти это похоже на стереотипное мышление, вырабатываемое также наборами ассоциаций. Сформированный

за счет частого просмотра фильмов с определенным контекстом (посланием) своего рода пласт эмоций или условных характеристик будет оказывать влияние на жизнь человека в зависимости от ситуации.

Если зрителю в течение нескольких лет демонстрировать фильмы, в которых его нация показана в качестве наиболее успешной, привлекательной и развитой по отношению к другим, постепенно он будет ощущать свое превосходство относительно представителей другой национальности. Помимо этого, окружающие человека события, процессы и атмосфера в обществе в целом также будут провоцировать его к проявлению соответствующего поведения и усиливать «мягкое» воздействие кинофильмов (если государственная идеология декларирует то, что страна должна стать сильнейшей державой в мире, фильм, содержащий данный контекст, будет оказывать гораздо более сильное влияние на зрителя). Следует отметить, что бессознательное влияет на сознательный уровень так, что человек не управляет этим процессом, так как он происходит неосознанно. Поэтому индивид не замечает и даже не догадывается, что во время просмотра киноленты на него оказывается определенное воздействие.

Таким образом, кино способно объединять людей и заставлять их следовать единой модели поведения. Существует множество примеров, когда продолжительный просмотр фильмов или мультфильмов определенной аудиторией приводил к тому, что зрители начинали копировать внешность или даже образ действия основных героев (примеры подражания персонажам «анимэ» — разновидность мультфильмов в Юго-Восточной Азии — среди подростков можно считать каноническими).

Кино — огромное и мощное информационное поле, с помощью которого люди узнают о событиях, происходящих

в мире, смотрят познавательные и развлекательные фильмы, учатся языкам и действиям в определённых жизненных ситуациях. Являясь пассивно-привлекательной сферой развлечения («всё доступно, не выходя из дома») влияние кино становится практически абсолютным [11]. Такое воздействие может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от этических принципов создателей доводимой до кинозрителя информации. Кино может как побудить человека к совершению какого-либо действия, так и воздействовать

на него деструктивно, «засоряя мозги» бессмысленными сериалами и фильмами, которые превращают его в пассивного наблюдателя и лишают возможности критически мыслить. Фактически, кинематограф способен лишить индивида действовать самостоятельно. Если говорить о глобальном влиянии кино, то можно с уверенностью сказать, что, поощряя производство фильмов определённого жанра и транслируя их в общемировом масштабе, можно повлиять на глобальное изменение в образе жизни целых народов и государств.

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР КИНЕМАТОГРАФА

24 февраля 2013 года в Лос-Анджелесе произошло знаменательное событие — главную американскую кинопремию «Оскар» вручили тайваньскому режиссеру Энгу Ли за его фильм «Жизнь Пи». Фильм победил в номинации «лучший режиссер», которая является второй главной категорией после номинации «лучший фильм». Именно эту награду взял американский фильм «Арго», сюжет которого вращается вокруг спасения агентами ЦРУ нескольких американских граждан из огня иранской революции 1979 года. Если рассматривать данное февральское событие с культурной точки зрения, то в подобном распределении кинонаград нет ничего необычного. В 2006 году этот режиссер уже удостоивался «Оскара» за фильм «Горбатая гора». Но если добавить к этому победу китайского режиссера Цзя Чжанкэ в мае на кинофестивале в Каннах в номинации за лучший сценарий, а также другого известного южно-корейского деятеля киноискусства, Ким Ки Дука, на Венецианском кинофестивале в 2012 году (его фильм «Пьета» взял главную награду — «Золотой лев»), то можно заметить довольно интересную ситуацию уже с политической точки зрения. Дело в том, что международные кинофестивали сегодня являются спец-

ифической призмой, под особым углом фиксирующей современную ситуацию на международной арене. По мнению исследователя С. Никулина в кинофестивалях, в особенности, в рамках «большой тройки» (Берлинский, Каннский и Венецианский) можно «обнаружить элементы политического лавирования и недвусмысленной общественной позиций, выходящей за рамки рассуждений о кинематографе» [12]. Это объясняется тем, что, учитывая огромный общественный интерес к такому мероприятию, ни один крупный кинофестиваль не упустит возможности затронуть сферу политики, отразив позицию режиссера из той или иной страны по внутриполитической (внешнеполитической) проблематике.

Благодаря международным кинофестивалям можно заметить, что азиатский кинематограф сейчас переживает новый расцвет и находится впереди многих других регионов (Ближневосточного, Латиноамериканского, Восточноевропейского) по части художественного качества фильмов. Параллельно происходит еще один процесс: кинематограф Азии выходит на лидирующие позиции в области коммерческого кинопроизводства, отбирая первенство у западного кинематографа. Центральная роль в этом процессе принадлежит Китаю.

КИТАЙСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВНИ

Среди специалистов по культуре современного Китая бытует утверждение: «Кино в Китае — больше, чем кино, это — традиция» [13]. Во многом это соответствует действительности, поскольку китайский кинематограф с самого начала оказался тесно переплетен не только с искусством, но и общественно-политической жизнью страны. Помимо этого, осознание руководством правящей партии важной роли кино как средства пропаганды обозначило активную роль государства в этой сфере.

В своем развитии китайский кинематограф прошел несколько этапов, зачастую сталкиваясь с препятствиями, мешавшими ему развиваться в том направлении, в котором кино развивалось в странах Европы или в США. На 20е годы XX в. пришелся первый период расцвета китайского кино. В то время на территории страны существовало множество кинокомпаний, снимавших единичные кинокартины. Одной из наиболее прибыльных среди них была «Чанчэн» — компания, основанная в Шанхае патристически-настроенными китайцами-эмигрантами. Их задачей было создание фильмов, способных пробудить народные массы. Их курсом стало «Менять общество, ломать старые привычки» [14]. Фильмы киностудии «Чанчэн» были посвящены злободневным проблемам общества того времени.² Период 1930-х гг. ознаменован появлением фильмов «левого фронта». Военные события, связанные с японской оккупацией, задали направление развития кинематографа. Японская агрессия пробудила национальное самосознание китайского народа, и деятели кино откликнулись на этот подъем национального сознания и духа. На этом фоне стали появляться фильмы на сюжеты антияпонской войны. Образование Китайской Народной Республики связано с новым этапом развития

кинематографа. Роль коммунистической партии в этот период была особенно значимой. Для того чтобы новое кино не только соответствовало новой эпохе, но и отвечало требованиям народа, лишь недавно избавившегося от реакционного общественного строя, ЦК КПК обнаружил четкие указания по кинематографической работе. Благодаря партийному руководству и тщательной организационной и подготовительной работе в сферах обеспечения кинопроизводства кадровыми и материальными ресурсами, кинематограф получил динамичное развитие. Ситуация была очень схожа с кинематографом в СССР. Благодаря режиму жесткой цензуры, которая ограничивала к показу кинопродукцию зарубежных стран и старые китайские фильмы, в стране активно начало развиваться социалистическое отечественное кино. Новые фильмы были в основном сосредоточены на жизни рабочих, крестьян и солдат. Количество кинозрителей резко возросло: с 47 миллионов в 1949 году до 415 миллионов в 1959. За 17 лет, прошедших с момента образования КНР до начала «Культурной революции», было снято 603 художественных фильма и 8342 документальных (с учётом кинохроники). В 1960-х гг. компартией КНР был взят курс на экономическое преобразование государства. От кинорежиссеров отныне требовалось подчеркивать достижение страны в области развития промышленности, сельского хозяйства и образования. Следуя этому курсу в то время китайский кинематограф добился знаменательных успехов в развитии

Во время «Культурной революции» кинопроизводство подверглось серьёзным ограничениям. Период с 1966 по 1976 годы характеризовался застоем в китайской киноиндустрии. Практически все снятые раньше фильмы были запрещены, было снято всего несколь-

ко новых фильмов. С 1967 по 1972 годы художественных фильмов не снималось вообще, после 1972 г. кинопроизводство возродилось, но осуществлялось под строгим контролем со стороны властей [15].

Переосмысление опыта «Культурной революции» послужило толчком к новому витку развития китайского кинематографа. Стремясь отвечать воле народа и снимать свежее развлекательное кино, режиссерами необходимо было учитывать мнение властей, с точки зрения которых многие жанры кино были социально неприемлемыми. Для усиления контроля над кинопроизводством, управление им в январе 1986 года было передано от Министерства культуры специально созданному Министерству по делам кино, телевидения и радио. Это позволило руководству страны напрямую задавать киноиндустрии направления, в рамках которых снимались фильмы. В 1980-1990-х годах китайский кинематограф претерпел ряд мучительных структурных изменений, постепенно добавляя аппарату государственной пропаганды черты рыночного предприятия, ориентированного на получение прибыли. Осознавая ведущую роль средств массовой информации в поддержании однопартийного социалистического государства, руководство страны осуществляло преобразования в киноиндустрии очень осторожно, стремясь сохранить власть за собой, а не за частными акционерами кинокомпаний.

Несмотря на все трудности, с конца 1990-х гг. кино в Китайской Народной Республике переживает бурный подъем. Одной из причин этого является то, что после воссоединения Гонконга и Макао с КНР стало появляться всё больше совместных фильмов, работу над которыми вели представители Китая, Гонконга и Тайваня. Известными примерами такого сотрудничества являются фильмы «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (2000), «Клятва» (2005),

«Полководцы» (2007), «Красный утёс» (2008-09). Примечательно то, что все данные картины являются не только дорогостоящими проектами, высоко оцененными западными кинокритиками. Все эти фильмы связаны с исторической тематикой. Основной их мыслью, проходящей красной нитью, является то, что, несмотря на трудные времена, сопровождающиеся войнами, голодом и междособицами, нация могла их преодолеть, сплотившись вместе.

Ежегодно в КНР выходит не одна сотня фильмов самых разных жанров³. Это может свидетельствовать о намерении руководства страны усиленно воздействовать на своих граждан, в особенности, на молодое поколение, многие представители которого стремятся уехать в западные страны на учебу и заработок и, в целом, более подвержены процессу вестернизации. Усиления «мягкой силы» кинематографа власти КНР также добиваются посредством ограничения выхода фильмов отечественного производства в международный прокат и жестким отбором иностранных фильмов для проката на территории страны. Наиболее наглядным примером подобной политики ограничения влияния зарубежной кинопродукции является система квот, допускающая к показу лишь ограниченное число фильмов в год. До 2012 г. это число составляло не более 20 иностранных фильмов в год, а иностранные сериалы запрещалось демонстрировать в прайм-тайм [16]. Помимо этого, существует значительная разница в ценах на билеты на зарубежные фильмы по сравнению с отечественными, которая местами доходит до 50 процентов и более [17].

Кроме того, китайские кинокомпании стараются производить актуальные кинофильмы, которые пользовались бы спросом на внутреннем рынке и тем самым снижали потребность в иностранной кинопродукции. Сегодня можно найти факты, прямо или кос-

венно доказывающие положительные результаты подобной политики по популяризации отечественного кино. Выпущенная в декабре 2012 года комедия «Приключения в Таиланде» собрала в национальном прокате более миллиарда юаней (200 млн долл.), что является абсолютным рекордом в истории китайского кино [18]. Другой фильм, ориентированный на молодежно-подростковую аудиторию, «Молодые», смог собрать более 700 миллионов юаней (около 110 млн долл.). В совокупности оба фильма посмотрели порядка ста миллионов китайцев. Можно привести еще несколько удачных примеров, когда произведенные на родине фильмы на разные жанры собирали огромную кассу и получали при этом положительную критику [19]:

01. Путешествие на Запад / Journey To West: Conquering The Demons (209 млн долл.)
02. Молодость / So Young (114 млн долл.)
03. «Американская мечта» по-китайски / American Dreams in China (86 млн долл.)
04. В поисках правильного мужчины / Seeking Mr Right (81 млн долл.)
05. Маленькие времена / Tiny Times (77 млн долл.)
06. Перемена / Switch (48 млн долл.)
07. Маленькие времена 2 / Tiny Times 2 (47 млн долл.)
08. Жетоны ярости / Badges of Fury (46 млн долл.)

Все эти фильмы вышли за период с 2011 по 2013 годы. По сравнению с окупаемостью западных фильмов, приведенные цифры и количество успешных в коммерческом плане фильмов выглядят незначительными. Это объясняется тем, что качество кинолент, произведенных в КНР, пока не может сравниться с аналогичной продукцией западных стран. Тем не менее, одновременно с увеличением производства отечественных кинолент в Китае стремительно расширяется сеть кинотеатров. Считается, что с 2002 года, то есть с официального распоряжения

руководства, китайская киноиндустрия стремится обойти Голливуд и стать крупнейшим источником распространения китайского кино [20]. Согласно официальным китайским властям, строительство сотен новых кинотеатров должно усилить борьбу с пиратскими фильмами в формате DVD, которые в Китае доступны повсеместно. Примечательно, что выданное правительством распоряжение предусматривает льготы для получения банковских кредитов под местные кинопроекты.

Таким образом, приведенных фактов достаточно для осознания того, что на национальном уровне влияние китайского руководства на процесс производства фильмов и развития национальной киноиндустрии в целом остается ключевым. Грубо говоря, владельцы китайских кинокомпаний и знаменитые режиссеры являются лишь «исполнителями», проводниками воли политического истеблишмента, который задает стратегические направления развития кинематографа и является его главным спонсором.

Что касается международного измерения китайского кинематографа, то по данным веб-сайта «Кинопоиск», посвященного обзору мирового кино, по итогам 2012 года Китай стал вторым кинорынком планеты после США [21]. Годовая выручка китайского кинопроката по сравнению с прошлым годом увеличилась на 32% с 2,03 до 2,69 млрд долларов. В национальной валюте это 17 073 млн юаней, прирост сборов тут чуть меньше — 30,18%. При этом «национальная кинопродукция» практически не проиграла западной ни по качеству, ни по сборам. Данный результат можно трактовать как значительное достижение: впервые с момента рождения кино в КНР, оно выходит на лидирующие позиции в области коммерческого кинопроизводства, отбирая у Голливуда пальму первенства, которую он удерживал почти сто лет.

Несмотря на то, что китайское руководство позитивно смотрит на укрепление сотрудничества с США в этой культурной области, постепенно расширяя квоту на иностранные фильмы, выходящие в Китае и приглашая именитых американских режиссеров и актеров для съемок в совместных фильмах [23], перспективы развития китайского кинематографа волнуют в первую очередь китайских предпринимателей и китайское руководство. В связи с этим знаменательным является событие, надеждам в конце сентября много шума. Самый богатый человек Китая, Ван Цзяньлин, состояние которого оценивается в 14,2 млрд долларов, высказал намерение построить на территории китайского города Циндао самый масштабный и современный кинометрополис в мире, который смог бы конкурировать с американским Голливудом [24]. Ради рекламы своего нового проекта — Qingdao Oriental Movie Metropolis китайский миллиардер пригласил большое количество американских кинознаменитостей и топ-менеджеров ведущих киностудий мира, включая Warner и Sony Universal. Стоимость проекта оценивается в 8,3 млрд долларов и это является самым крупным инвестиционным проектом в истории индустрии развлечений [20]. Более того, еще в прошлом году Ван приобрел крупнейшую сеть кинотеатров AMC Entertainment Holdings, которая являлась лидером в США, за 2,6 млрд долларов, что позво-

лило ему создать своего рода «плацдарм для вторжения на самый соблазнительный кинорынок мира» [24]. После сделки компания из КНР стала владелицей самого большого числа кинотеатров по всему миру. По сути, сегодня Китай является монополистом на международном кинорынке. На родине одна из крупнейших сетей кинотеатров КНР тоже принадлежит Ван Цзяньлиню. Помимо всего прочего он обладает политическими связями в Пекине, которые может эффективно использовать в предстоящей борьбе с китайской цензурой, которую как зарубежные, так и местные киностудии постепенно расшатывают.

По оценкам экспертов, рынок киноиндустрии в Китае к 2015 году составит 4,5-6 млрд долларов. К этому же году в стране появится 12 тыс. ультрасовременных кинотеатров [25]. Таким образом, в ближайшие годы Китай прочно укрепится на мировом кинорынке на первом месте. Достижение подобных результатов предоставляет Китаю возможность посредством своего кинематографа начать интенсивно проецировать свое влияние как на национальном, так и на глобальном уровнях. Китайское партийное руководство понимает, что с точки зрения внешней политики, усиленное строительство «мягкой силы» позволяет увеличивать влияние Китая в мировом масштабе и создавать благоприятную для развития Китая международную обстановку [26].

МЯГКОСИЛОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ США И РОСТ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ КНР

Усиление позиций Китая в области кинематографа и его использование как инструмента продвижения имиджа и ценностей этой страны вовне не может не волновать политическое руководство США. Поэтому Соединенные Штаты стремятся ограничивать его влияние или хотя бы контролировать посредством вовлечения в сотрудничество с амери-

канскими компаниями и производство совместных фильмов. Следует отметить, что творения киностудий Северной Америки в КНР представлены преимущественно дорогими блокбастерами, поскольку американскому «авторскому» кино до сих пор так и не удалось найти свою нишу. Это означает, что средне-статистическому посетителю китайских

кинотеатров больше интересны фильмы развлекательного характера. Для США это является преимуществом, поскольку в такие фильмы гораздо легче вложить американские идеи. Несложно сформулированные, они без труда считаются с экрана и могут иметь особо сильное воздействие на представителей молодежи. Во-вторых, зачастую США оказывается необязательным влиять на китайское население напрямую посредством фильмов. Китай, известный своим умением качественно копировать иностранную продукцию, использует такую же тактику и в сфере кинематографа: новое поколение китайских режиссеров, как и в XX в., активно изучает историю и элементы американского кино, чтобы потом на этой основе снимать собственные фильмы. Ввиду того, что в ходе создания фильма, китайские ценности смешиваются с американской подачей материала, «китайская суть» фильма теряется. Во время недели китайского кино в Москве и Санкт-Петербурге в рамках программы было показано две китайские ленты. Обе были сняты в 2013 году, ориентировались на китайскую молодежь, а сюжет их строился вокруг отъезда молодых парней и девушек в Соединенные Штаты, предстающие как страна больших возможностей. Добавим, что по некоторым данным Китай ежегодно направляет в США порядка 200 тыс. студентов [27]. Каждый четвертый из них не возвращается. Но те, кто приезжает обратно, являются главными проводниками современной модернизации. Они несут западное образование, западный образ мыслей и американское стремление к успеху.

На текущий момент власти Китая исходят из того, что подъем Китая в XXI веке не может ограничиваться материальной сферой, он обязательно должен сопровождаться подъемом культуры. Речь идет не только о достижении

Сегодня никто не ставит под сомнение установление между Китаем и США тесного сотрудничества по культурной линии, связанной с прокатом кинофильмов. По мнению автора, данное взаимодействие носит временный и, тем более, вынужденный характер по нескольким причинам. Превращение Китая во второй крупнейший кинорынок планеты является сильным стимулом для американских киностудий продолжать свои попытки увеличить квоту на прокат большего количества своих фильмов. Но в то же время, Северная Америка не стремится выпускать у себя на экраны фильмы китайского производства. Поскольку национальные кинокомпании США практически не рискуют потерять аудиторию, нежелание выпускать фильмы китайского производства может быть продиктовано мерами защиты от косвенного китайского влияния на американское население. Сотрудничество в области кино выгодно также и Китаю, поскольку, получая права на прокат очередного фильма из США, представители кинематографического сообщества имеют возможность исследовать его в «образовательных» целях и изучить степень его влияния на население посредством, например, анализа количества проданных билетов или посетивших кинотеатр за определенный период времени представителей той или иной возрастной группы на сеансе. Полученную информацию впоследствии можно использовать для производства фильма, специально подготовленного и ориентированного на целевую аудиторию среди китайского населения.

коммерческого успеха, но и о превращении культуры в источник «мягкой силы», важным инструментом реализации чего является современный кинематограф. В новостных лентах все чаще можно заметить новости, связанные с заявления-

ми китайского руководства относительно поддержки выхода «лучших фильмов китайского производства на экраны главных зарубежных кинотеатров» [5]. Поставлен вопрос и о расширении зарубежных инвестиций китайскими предприятиями культуры. Если эти предприятия обладают конкурентными преимуществами и управленческими навыками, государство будет поощрять их инвестиции вовне, создание ими за рубежом учреждений культуры, управление кинотеатрами, аудио и видео салонами, газетам, радио- и телестанциями.

Судя по высказываниям высокопоставленных лиц, в скором времени основным визуальным средством продвижения имиджа Китая на мировом рынке станет анимация. Именно анимационные мультфильмы должны будут способствовать «узнаваемости» Китая

во всем мире. Говорить о качественном прорыве китайской анимации было бы не совсем верно, если не упомянуть о государственной поддержке. С 2006 года в эту сферу было инвестировано свыше 30 млн долларов. Помимо этого, власти предоставляют льготы налогообложения всем национальным компаниям, занимающимся развитием анимации.

Реализация стратегической цели КНР по построению «могущественного культурного государства» неизбежно потребует огромных инвестиций, структурных перемен в культурных индустриях, концентрации в этой сфере административных и менеджерских усилий. Однако, учитывая ту скорость, с которой государство достигает эту цель в области кинематографа, складывается впечатление, что Китаю, в отличие от США, для этого потребуется гораздо меньше времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nye J. Soft Power. The Means to success in world politics // N.Y. Public Affairs, 2004.
2. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. — 2010. Вып. 10. С. 173-192.
3. Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» / Е.Г. Пономарева // Однако. — 2013. — № 6. — С. 18-26.
4. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. канд. полит. наук 23.00.04 / Дип. Академия МИД России. — М., 2013. С. 283.
5. Борох О.Н., Ломанов А.В. От мягкой силы к культурному могуществу // Россия в глобальной политике. — 2012. — Сентябрь. URL: <http://globalaffairs.ru/number/От-nyagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 24.03.2014)
6. Методы воздействия на подсознание человека. Май, 2006. URL: <http://psi-technology.net/articles/podsoznanie/metodi-vozdeystviya-na-podsoznanie-cheloveka.php> (дата обращения: 01.05.2014)
7. Крылов В. Кино и его влияние на человека. 2013. URL: <http://xquite.ru/life/rub/lkinview.php?id=1> (дата обращения: 01.05.2014)
8. Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. А. Гораджи. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. — 317 С.
9. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008 — 240 С.
10. Кривошта Е. Влияние фильмов на психику человека. 2010. URL: http://www.upsychologa.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=35&Itemid=24 (дата обращения: 01.05.2014)
11. Кино. Психологическое влияние на человека. URL: <http://jupiterfm.ru/blogi/17-кино-психологическое-влияние-на-человека.html> (дата обращения: 01.05.2014)
12. Никулин С. Фестивальная политика или политика фестивалей // РСМД. — 2011. — Октябрь. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=42#top (дата обращения: 01.05.2014)
13. От «театра теней» к национальному кино. URL: http://melanidy.com/kultura_kitaya/kitay_kino/kitay_kino_istoriya/ (дата обращения: 24.03.2014)

14. Развитие китайского кинематографа. URL: http://russian.cctv.com/20091229/103697_1.shtml (дата обращения: 02.05.2014)
15. Yingjin Zhang. Chinese National Cinema. New York: Routledge, 2004. P. 21.
16. Квота на иностранные фильмы, выходящие в Китае, увеличена с 20 до 34 // РИА Новости. — 2012. — Февраль. URL: <http://news.mail.ru/culture/8148944/> (дата обращения: 24.03.2014)
17. Poll: Chinese want lower movie-ticket prices // ChinaDaily. — August, 2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-08/07/content_15648498.htm (accessed 02.05.2014)
18. Приключения в Таиланде // Кинопоиск.ру. URL: <http://www.kinopoisk.ru/film/713597/> (дата обращения: 24.03.2014)
19. Список фильмов, собравших в прокате Китая более 100 млн. долларов // Кинопоиск.ру — 2013. — Август. URL: <http://www.kinopoisk.ru/blogs/boxoffice/post/3440/> (дата обращения: 24.03.2014)
20. Kaiman J. China's richest man starts to build world's most costly film studio // TheGuardian. — September, 2013. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/sep/23/china-richest-man-building-film-studio> (accessed 05.05.2014)
21. Китай становится вторым кинорынком планеты после США // Кинопоиск.ру — 2013. — Январь. URL: <http://www.kinopoisk.ru/blogs/boxoffice/post/2853/> (дата обращения: 24.03.2014)
22. Китай повысит квоты на иностранные фильмы в прокате // Кино-театр.ру — 2014. — Февраль. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/news/y2014/2-12/4896/> (дата обращения: 04.05.2014);
23. Джеймс Кэмерон планирует поработать в Китае // Кинопоиск.ру — 2012. — Апрель. URL: <http://www.kinopoisk.ru/news/1869417/> (дата обращения: 24.03.2014)
24. Панов В. Киновторжение в США: зачем китайскому отставному офицеру собственный Голливуд. Сентябрь, 2013. URL: <http://www.km.ru/economics/2013/09/23/ekonomika-i-finansy/721216-kinovtorzhenie-v-ssha-zachem-otstavnomu-kitaiskomu-o> (дата обращения: 24.03.2014)
25. Китай захватывает американскую киноиндустрию // Телевести.ру — 2012. URL: <http://www.televesti.ru/drugienovosti/19900-kitaj-zaxvatyvaet-amerikanskuyu-kinoindustriyu.html> (дата обращения: 02.05.2014)
26. Цзайци Л. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. — № 4. Стр. 149-155.
27. Аргюх А. Поколение модернизации // Art1.ру — 2013. — Сентябрь. URL: <http://art1.ru/cinema/pokolenie-modernizacii/> (дата обращения: 24.03.2014)

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Фордизм — одно из социально-экономических направлений. Название происходит от имени Генри Форда и связано с его деятельностью. Под фордизмом понимается строго организованный порядок, который был создан на заводах Форда. Фордизм отличают: строгая иерархичность, разделение труда, стандартизация, упорядоченность.
- 2 Известнейшие ленты киностудии «Чанчэн», выпущенные в то время — «Брошенная женщина» и «Венера-марионетка». Они с разных точек зрения остро критиковали реакционные порядки и внесли свежую струю в киноискусство того времени.
- 3 К примеру, за 2013 год в Китае вышло 638 фильмов. В 2012 году их количество составило более 740. Источник: www.kinopoisk.ru/blogs/boxoffice/post/3739/ (дата обращения: 27.06.2014)

Отпечатано в типографии «OneBook»
ООО «Сам Полиграфист».
129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 6.
www.onebook.ru